

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н.Т. Ведерников

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014

УДК 343.953
ББК Х628.3
В26

Ведерников Н.Т.
В26 Избранные труды. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Т. 2. –
236 с.

ISBN 978-5-7511-2302-4

Представлены избранные труды известного отечественного ученого-юриста, профессора Н.Т. Ведерникова, посвященные проблемам криминалистики и конституционного права. Рассматриваются спорные вопросы пределов изучения личности преступника в контексте расследования преступлений и их предупреждения.

Для научных работников, преподавателей вузов, студентов, аспирантов юридических факультетов, работников правоохранительных органов и всех интересующихся криминалистикой и конституционным правом.

УДК 343.953
ББК Х628.3

ISBN 978-5-7511- 2302-4

© Н.Т. Ведерников, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	5
Библиография Н.Т. Ведерникова.....	8
Вопросы изучения личности преступника и предупреждение преступлений	19
Вопросы методики изучения личности обвиняемого	22
Изучение личности преступника на предварительном следствии в истории советского уголовного процесса	33
Изучение личности преступника в процессе расследования	35
Об изучении личности подсудимого	101
Научно-технические средства в судебном процессе.....	104
Формирование у слушателей навыков изучения личности обвиняемого	109
Совершенствование уголовно-процессуальных норм и изучение личности преступника.....	113
Роль прокурора и адвоката в изучении личности подсудимого	119
Об эффективности применения закона, регулирующего расследование преступлений, и методики ее изучения	126
Криминологическое изучение личности обвиняемого	132
Некоторые вопросы общих положений методики расследования преступлений.....	139
Пути реализации ЦИПС в работе кафедры криминалистики	142
О формировании навыков общения у студентов-юристов при изучении курса «Юридическая психология»	145
Становление конституционного судопроизводства в России.....	148
Россия и правовое государство: проблемы и перспективы.....	155
Актуальные вопросы деятельности Конституционного Суда Российской Федерации	159
Некоторые актуальные вопросы деятельности Конституционного Суда РФ в области уголовного процесса.....	166
Государство и личность в конституционном праве России.....	175

Личность обвиняемого в контексте уголовно-процессуальных отношений.....	181
Некоторые решения Конституционного Суда Российской Федерации о конституционности норм Уголовно-процессуального кодекса РФ и развитие права личности на судебную защиту.....	190
Личность как субъект конституционно-правовых отношений.....	200
Конституционно-правовые основы защиты прав и свобод личности в уголовном и уголовно-процессуальном праве	209
Личность преступника в криминалистике и криминологии	219
О проблеме предела изучения личности преступника в криминалистике	228

ВСТУПЛЕНИЕ

Время скоротечно. Казалось бы, еще вчера мы праздновали 75-летие многоуважаемого Николая Трофимовича Ведерникова, и вот опять появляется «знаковая причина» говорить о близком нам по духу человеке, для многих – «Учителе в науке» и для всех – человеке, которому безразличны судьбы сибирской криминалистики. В наше непростое время нетрудно увидеть, что и одна, и другая бытийная сторона юбиляра являют собой те неотъемлемые качества Николая Трофимовича, которые позволяют надеяться на дальнейшее приумножение достижений, именуемых кратко «научная школа Н.Т. Ведерникова».

В многоплановом научном творчестве Николая Трофимовича Ведерникова приоритетное место занимает отечественная криминалистика. Именно её проблемы как молодой науки, испытавшей за время своего непродолжительного существования многочисленные «зигзаги преобразований», нашли отклик в душе тогда еще молодого ученого и в конечном итоге предопределили его дальнейший жизненный путь. Более того, сам юбиляр много сделал для того, чтобы путь дальнейшего развития криминалистики как самодостаточной науки был не столь тернист и многотруден.

Первый том научных работ Николая Трофимовича Ведерникова (Ведерников Н.Т. Избранные труды. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Т. 1. – 250 с.) позволяет составить представление об исследовательском интересе ученого и творческих достижениях. Однако даже в своей совокупности они не могут передать непростую атмосферу той научной среды, в которой формировался будущий профессор, основатель кафедры криминалистики Томского государственного университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации. Эта атмосфера требовала не только научной взыскательности, но и гражданской смелости: впрочем, в отношении цельных творческих натур эти два качества существуют неразрывно.

Относительно непростой судьбы криминалистических знаний о личности обвиняемого в отечественной криминалистической науке и, соответственно, решимости ученых, которые в сложных условиях идеологических догм стремились к объективности научных исследований проблем личности, весьма точно сказал один из коллег Николая Трофимовича Ведерникова, указав его в числе тех авторов, которые названы «криминалистами-шестидесятниками» («шестидесятниками», как известно, в нашей историографии величают людей, чей творческий энтузиазм позволил посеять семена будущей демократической жизни в нашей стране).

И сейчас такого рода «зигзаги», несмотря на несомненные достижения криминалистики и её удивительную способность к научной кооперации с другими научными, в том числе юридическими, дисциплинами, вновь вызвали к жизни уникальные организаторские способности Николая Трофимовича Ведерникова, на этот раз направленные на формирование за Уралом диссертационного совета, позволяющего осуществлять защиту диссертаций по криминалистике. История любит повторяться: некогда усилия многих передовых людей были направлены на создание в азиатской части России Томского университета, сейчас усилия отдельных лиц, в том числе Николая Трофимовича Ведерникова, направлены на воссоздание части этого университета – названного диссертационного совета.

Напряженная деятельность Николая Трофимовича Ведерникова в Конституционном Суде не могла не найти отклик в душе истинного ученого, для которого любая работа – это работа творческая, когда она сопряжена с внимательным «вглядыванием» в эту работу, с поиском путей её совершенствования, основанного на познании соответствующих закономерностей. Результатом такой жизненной позиции стали многочисленные научные труды Николая Трофимовича по проблемам конституционного права.

Однако было бы упрощением ставить некий водораздел в предпочтениях юбиляра между криминалистикой и конституционным правом, в котором Николай Трофимович также стал признанным авторитетом. В основе любой научной школы, существующей в общественных науках, лежат специфические проблемы индивида как реального носителя общественных отношений, то есть личности. В конституционно-правовых трудах Николая Трофимовича Ведерникова при внимательном их прочтении можно увидеть стремление автора «развернуть» проблематику личности, выйти за пределы про-

блем личности преступника (обвиняемого), с тем чтобы с высот конституционно-правовых положений, с учетом назначения отечественного уголовного судопроизводства, более четко определить «болевые точки» криминалистических исследований, каждое из которых в конечном счете «замыкается» на личности.

В дни юбилея Николая Трофимовича Ведерникова сотрудники созданной им кафедры криминалистики Томского государственного университета искренне и горячо поздравляют его с 80-летием и желают долгих и творческих лет жизни.

Николай Трофимович Ведерников, чья требовательность к себе стала его «визитной карточкой», вправе требовать и от всех своих учеников того конкретного научного результата, который позволит обеспечить устойчивое развитие сибирского криминалистического сообщества, сибирской криминалистической науки.

Время скоротечно. Но оно никогда не сможет быть настолько стремительным, чтобы выплеснуть из «чаши времени» те достижения юбиляра, которые позволяют нам по праву гордиться некоторой своей причастностью к созданной им научной школе. Особенно, если эту «чашу» бережно нести и охранять.

БИБЛИОГРАФИЯ

НИКОЛАЯ ТРОФИМОВИЧА ВЕДЕРНИКОВА

1. Сведения о личности подсудимого в свете требований УПК РСФСР // Тр. Том. ун-та. Сер. юридическая. 1961. Т. 156. С. 93–97. Соавт.: Усков И.М

2. Вопросы изучения личности преступника и предупреждение преступлений // Вопросы экономики, государства и права в решениях XXII съезда КПСС: (Доклады). Май 1962 г. Томск, 1962. С. 107–108.

3. Конференция по правовым вопросам лишения свободы и перевоспитания заключенных // Изв. вузов. Правоведение. 1962. № 3. С. 15–18. Соавт.: Любавин А.А.

4. Вопросы изучения личности преступника // Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма (14–17 мая 1963 г.): Науч. конф. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 83–85.

5. Вопросы методики изучения личности обвиняемого // Тр. Том. ун-та. Сер. юридическая. 1963. Т. 162. С. 145–150.

6. Личность преступника и преступность // Доклады по вопросам конкретной экономики и советского права. (Май 1963 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1963. С. 107–110.

7. Изучение личности преступника и вопросы перевоспитания заключенных // Правовые вопросы лишения свободы и перевоспитания заключенных: Материалы науч. конф. Томск, 1964.

8. Изучение личности преступника на предварительном следствии в истории советского уголовного процесса // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. (Декабрь 1964 г.). Томск, 1964. С. 148–152.

9. Изучение личности преступника в процессе расследования: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1965. 15 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. факультет).

10. Изучение личности преступника как метод изучения преступности // Тр. Том. ун-та. Сер. юридическая. 1965. Т. 159. С. 148–153.

11. Ведерников Н.Т. Вопросы социологического исследования личности преступника // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. (Декабрь 1966 г.). Томск, 1966. С. 185–187.

12. Некоторые вопросы изучения личности обвиняемого на предварительном следствии // Тр. Том. ун-та. Сер. юридическая. 1966. Т. 183. С. 222–235.

13. Источники сведений о личности обвиняемого // Доклады науч. конф. юрид. ф-та, посвящ. 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (декабрь 1967 г.). Томск, 1967. Ч. 2. С. 20–23.

14. Понятие личности преступника // Учен. зап. Том. ун-та. 1967. № 69. Вопросы предупреждения преступности. С. 17–24.

15. Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. 84 с.

16. Пределы изучения и классификация сведений о личности преступника // Тр. Том. ун-та. 1968. Т. 199: Вопросы государства и права. С. 187–193.

17. Об изучении личности подсудимого // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. (Декабрь 1970 г.). Томск, 1971. С. 164–167.

18. Общие особенности преподавания криминалистики в вузе // Материалы конференции по вопросам совершенствования преподавания криминалистики в учебных заведениях МВД СССР. Омск, 1971. (Для служебного пользования).

19. Совершенствование уголовно-процессуальных норм и изучение личности преступника // Юридические гарантии применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности: Тез. докл. и сообщ. Киев, 1971.

20. Неотвратимость наказания и изучение личности преступника // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики: Материалы Всесоюз. науч. конф. Свердловск, 1972.

21. Об изучении личности преступника в законодательстве и практике. (Очерк первый) // Тр. Том. ун-та. 1972. Т. 228. С. 142–151.

22. Изучение личности обвиняемого и его место в следственной тактике // Проблемы криминалистической тактики. Омск, 1973.

23. Тактика изучения личности обвиняемого и раскрытие преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. (Для служебного пользования).

24. Научно-технические средства в судебном процессе // Сов. юстиция. 1974. № 13. С. 17–18. Соавт.: Лукин Ю., Орлов Г.

25. Место и роль изучения личности обвиняемого в следственной тактике // Проблема совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР. Алма-Ата, 1974. С. 67–69.

26. Об изучении личности преступника в законодательстве и практике. (Очерк 2) // Тр. Том. ун-та. 1974. Т. 224. С. 134–142.

27. О понятии личности обвиняемого как субъекта уголовно-процессуального правоотношения // Тр. Том. ун-та. 1974. Т. 224. С. 175–180.

28. Изучение личности обвиняемого и развитие следственной практики // Проблемы советского государства и права. Иркутск, 1975. Вып. 9–10. С. 162–163.

29. Динамика уголовно-правового и уголовно-процессуального отношений // Доклады итоговой научной конференции юридического факультета Томского университета. (Январь 1975 г.). Томск, 1976. С. 220–223.

30. Изучение личности обвиняемого – один из путей повышения эффективности расследования преступлений // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. Л., 1976. С. 102–105.

31. Изучение личности обвиняемого и методика расследования преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976. (Для служебного пользования). С. 134–136.

32. Формирование у слушателей навыков изучения личности обвиняемого // Формирование профессиональных качеств следователя при изучении криминалистики и судебной психологии. Волгоград, 1976.

33. Изучение личности обвиняемого и развитие советской криминалистики // Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. Томск, 1977. С. 167–169.

34. Совершенствование уголовно-процессуальных норм и изучение личности преступника // Актуальные проблемы государства и права. Томск, 1977. С. 129–132.

35. Исправительно-трудовой (пенитенциарный) аспект изучения личности обвиняемого // Актуальные вопросы правоведения. Томск, 1978. С. 93–99.

36. Личность обвиняемого и подсудимого: Понятие, предмет и методика изучения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 174 с.

37. Роль прокурора и адвоката в изучении личности подсудимого // Проблемы борьбы с рецидивной преступностью. Томск, 1978. С. 63–67. Соавт.: Танцеров В. С.

38. Влияние личности обвиняемого на избрание эффективной меры пресечения // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1980. С. 77–82.

39. Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве: (Понятие, предмет и методика изучения): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 40 с. (МГУ им. М.В.Ломоносова).

40. Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве: (Понятие, предмет и методика изучения): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 380 с.

41. О целостном подходе при изучении и оценке личности обвиняемого // Новая Конституция СССР и проблемы правоведения. Томск, 1980. С. 162–163.

42. Влияние личности подсудимого на назначение уголовного наказания // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1981. С. 71–74.

43. Исследование ленинского наследия в области уголовного судопроизводства // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1981. С. 122–123. Рец. на кн.: *Алексеев Н.С., Лукашевич В.З.* Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1979. Соавт.: Свиридов М.К.

44. Общие основания правовых аспектов изучения личности обвиняемого // Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск, 1981. С. 227–230.

45. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и изучение личности обвиняемого // Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и адвокатуры в СССР. Воронеж, 1981. С. 25–27.

46. Верховный Суд СССР, его роль и влияние на изучение личности обвиняемого // Правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1982. С. 142–149.

47. Изучение личности обвиняемого и пути повышения эффективности отдельных следственных действий // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1982. С. 190–192.

48. Методика расследования как особая теоретико-методическая модель – информационный аналог расследования криминальных событий // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1982. С. 193–194. Соавт.: Гавло В.К.

49. О методике преподавания криминалистики студентам заочного обучения // Вопросы совершенствования методики юридического образования. Томск, 1982. С. 52–55.

50. Об эффективности применения закона, регулирующего расследование преступлений, и методике ее определения // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Томск, 1982. С. 127–134.

51. Первые советские криминологические учреждения // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Томск, 1982. С. 135–143. Соавт.: Ведерникова О.Н.

52. Влияние личности обвиняемого на эффективность предъявляемого обвинения и назначения наказания // Криминалистические и процессуальные проблемы расследования. Барнаул, 1983. С. 47–55.

53. К вопросу о повышении эффективности осмотра места происшествия // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1983. С. 206–207. Соавт.: Дергач Н.С.

54. Криминологическое изучение личности обвиняемого // Проблемы охраны прав и интересов обвиняемого. Кемерово, 1983. С. 28–34. Соавт.: Ведерникова О.Н.

55. Личность обвиняемого как элемент криминалистической характеристики автотранспортных преступлений // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Томск, 1983. С. 153–161. Соавт.: Исмагилов Ф.В.

56. Методические указания и задания для выполнения контрольных работ по следственной тактике. Томск, 1983.

57. О предмете следственной тактики // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1983. С. 203–205.

58. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.

59. Некоторые вопросы общих положений методики расследования преступлений // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1984. С. 215–217.

60. Следственная тактика и пути ее развития // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1984. С. 194–200.

61. Методика чтения лекций и совершенствование форм контроля при изучении криминалистики студентами-заочниками // Проблемы совершенствования методики юридического образования и организации политико-воспитательной работы со студентами-юристами. Томск, 1985. С. 32–35.

62. О целостном подходе к изучению личности обвиняемого // Правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1985. С. 154–158.

63. Использование специальных познаний в уголовном судопроизводстве // XXVII съезд КПСС и актуальные проблемы государ-

ства и права в условиях развитого социализма: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1986. С. 167–169.

64. Рец. на кн.: *Гавло В.К.* Проблемы теории и практика методики расследования отдельных видов преступлений // Проблемы исправления и перевоспитания осужденных: Сб. ст. Томск, 1986. (Для служебного пользования). Соавт.: Черкашин В.И., Казимир А.В.

65. Специальные познания и их использование в следственной, судебной и экспертной деятельности // Судебная экспертиза и ее роль в борьбе с преступностью. Томск, 1986.

66. О развитии тактики допроса обвиняемого // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987. С. 220–222.

67. Пути реализации ЦИПС в работе кафедры криминалистики // Связи университетов с производством и проблемы целевой подготовки специалистов. Томск, 1987. С. 129–131. Соавт.: Черкашин В.И.

68. К вопросу о криминалистической характеристике преступления // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1988. С. 230–231. Соавт.: Хоменко А.Н.

69. Место и роль личности обвиняемого в предмете науки криминалистики // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований. М., 1988.

70. О задачах и перспективах участия криминалистов в выполнении комплексной программы «Социальный прогресс Сибири» // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1988. С. 22–23.

71. О формировании навыков общения у студентов-юристов при изучении курса «Юридическая психология» // Проблемы совершенствования юридического образования в свете решений XXVII съезда КПСС. Томск, 1988. С. 57–58. Соавт.: Кривошеин И.Т.

72. Формы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве и пути их развития // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1988. С. 182–190

73. Советская криминалистика: (Рабочая программа, методические указания для самостоятельной работы студентов). Томск, 1989. 59 с.

74. Изучение личности обвиняемого по отдельным категориям преступлений // Правовые проблемы борьбы с преступностью. Томск, 1990. С. 170–177.

75. Личность обвиняемого как объект изучения на предварительном следствии // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1990. С. 98–105.

76. Место и роль кафедры криминалистики в системе юридического образования и подготовке кадров // Концепция перестройки юридического образования в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1990. С. 45–47.

77. Научные основы криминалистической тактики и пути ее развития // Проблемы правооказания в современный период. Томск, 1990. С. 210–211. Соавт.: Пуговкин К.А.

78. Институт помилования в Российской Федерации: Организация и порядок исполнения // Сов. юстиция. М., 1991. № 12. С. 7.

79. Конституционный Суд и правовая защита конституционно-го строя // Конституц. вестн. М., 1991. № 8. С. 44–47.

80. Казнить или миловать. Институт помилования РФ // Право и жизнь. 1992. № 1.

81. Институт помилования в Российской Федерации: организация и порядок рассмотрения // Актуальные проблемы правооказания в современный период. Томск, 1993. Ч. 2. С. 115–118.

82. Каков опыт за океаном // Красное знамя. Томск, 1993. 6 мая.

83. Проблемы конституционного судопроизводства и формирование правового государства в России // Правовой журнал Сент-Луисского университета. США. 1994. № 4.

84. Становление конституционного судопроизводства в России // Актуальные вопросы государства и права в современный период. Томск, 1994. С. 40–45.

85. Проблемы конституционного судопроизводства и становление правового государства // Право и правовое регулирование в системе устойчивого социального развития: Материалы конф., 5–6 апр. 1994 г., г. Новосибирск. Новосибирск, 1995. С. 74–79.

86. Россия и правовое государство: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы правооказания в современный период. Томск, 1996. С. 3–5.

87. Особенности становления конституционного правосудия в России // Проблемы укрепления конституционной законности в республиках Российской Федерации: Материалы науч.-практ. конф. Уфа, 1998.

88. Россия и правовое государство: проблемы и перспективы // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Томск, 1999. Ч. 1. С. 56–59.

89. Наш опыт попытки создания уставного суда в одном из субъектов Российской Федерации // Проблемы образования и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всерос. совещания (Москва, 24 декабря 1999 г.). М., 2000. С. 161–167. Соавт.: Дербенев Е.А.

90. Судебная система России: Учеб. пособие. М., 2000. Гл. 3: Органы конституционного контроля в Российской Федерации. С. 70–110.

91. Актуальные вопросы деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и права человека: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения профессора А.И. Кима. 14 декабря 2000 г. Томск, 2001. С. 119–125.

92. Судебная система России: Учеб. пособие для образовательных учреждений МЮ РФ. М.: Дело, 2001. Гл.: Органы конституционного контроля в Российской Федерации.

93. Решения Конституционного Суда Российской Федерации и их роль в развитии теории уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: Материалы регион. ежегод. науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. Вып. 1. С. 33–36.

94. Некоторые актуальные вопросы деятельности Конституционного Суда РФ // Фундаментальные и прикладные проблемы приборостроения, информатики, экономики и права: Тр. 4-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2002.

95. Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционного уголовного и уголовно-процессуального законодательства России. 1995–2001. М.: Маркетинг, 2002. 388 с. Соавт.: Ткач А. Н.

96. Место и роль личности обвиняемого в предмете доказывания по уголовному делу // Государство и право. 2003. № 6. С. 45–49.

97. Некоторые актуальные вопросы деятельности Конституционного Суда РФ в области уголовного процесса // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. Юрид. науки. 2003. № 4. Приложение: Статьи по материалам науч.-практ. конф. «Проблемы теории и практики уголовного процесса в свете нового УПК РФ», посвящ. 125-летию Том. гос. ун-та и 105-летию высш. юрид. образования в Сибири (Томск, ТГУ, 30 января – 1 февраля 2003 г.). С. 10–14. Соавт.: Ведерников А.Н.

98. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учебник для вузов. М.: Норма. 2005. Гл.: Обеспечение правосудия на основе законной подсудности дела.

99. Государство и личность в конституционном праве России // Актуальные проблемы современного российского государственного управления: Сборник научных трудов кафедры конституционного и муниципального права Российского государственного торгово-экономического университета. М.: Изд-во РГТЭУ, 2008.

100. Криминалистика: Учебник / под ред. А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова. 2-е изд. М.: Юнити; Закон и право, 2008. Гл.: Криминалистическое изучение личности.

101. Конституционное правосудие (теоретические, исторические и организационные основы). М.: Изд-во РГТУ, 2009. 323 с. Соавт.: Петренко Д.С.

102. Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовно-процессуального законодательства России 2001–2007 гг. / Сост. Н.Т. Ведерников, А.Н. Ведерников. М.: Юнити. Закон и право, 2009. 44 п.л.

103. Государство и личность в конституционном праве России. // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 9. С. 3–5. Соавт.: Ведерников А.Н.

104. Личность обвиняемого в контексте уголовно-процессуальных отношений // Вест. Том. гос. ун-та. 2012. Право. №3(5). С. 12–17.

105. Некоторые решения Конституционного Суда Российской Федерации о конституционности норм Уголовно-процессуального кодекса РФ и развитие права личности на судебную защиту // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. Право. №3(5). С. 109–112.

106. Личность как субъект конституционно-правовых отношений. // Вестн. Рос. гос. торгово-экономич. ун-та. №4 (64). 2012. С. 165–171.

107. Конституционно-правовые основы защиты прав и свобод личности в уголовном и уголовно-процессуальном праве // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 361. С. 100–103.

108. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 384. С. 148–152.

109. О проблеме предела изучения личности преступника в криминалистике // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 385. С. 135–138.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*(Вопросы экономики, государства и права
в решениях XXII съезда КПСС: Доклады. Май 1962 г.
Томск: 1962. С. 107–108)*

1. Программа КПСС, принятая на XXII съезде, поставила задачу ликвидации преступности и устранения всех причин, ее порождающих. Программа также указывает, что главное внимание в настоящее время в деле борьбы с преступностью должно быть направлено на предотвращение преступлений.

Эти две задачи – устранение причин преступности и предотвращение преступлений – тесно связаны между собой. Предотвратить преступление можно, только зная причины, которые порождают его, а чтобы выяснить причины преступности, требуется ее глубокое и детальное изучение.

Преступность как социальное явление представляет собой совокупность преступлений, совершаемых отдельными людьми, и следовательно, одной из существенных и основных задач изучения преступности является изучение личности преступника, того лица, которое совершило преступное деяние. На основании данных, полученных в результате изучения личности преступника по группе дел определенной категории и совершенных за определенный период времени, можно сделать выводы о причинах преступности. На основании сведений о личности преступника возможна также разработка мероприятий по предупреждению преступлений.

2. Проблема изучения личности преступника включает в себя ряд вопросов. Главные из них – это определение места этой проблемы в общей задаче изучения преступности; пределы, методика изучения личности обвиняемого, подсудимого и осужденного; сведения о личности подсудимого и индивидуализация наказания; источники и процессуальное оформление сведений о личности; использование сведений о личности преступника в деле перевоспитания его и, наконец, на основании сведений о личности преступника изучение причин преступности и разработка мероприятий по предупреждению преступлений.

3. Мероприятия по предупреждению преступлений, разработанные на основе сведений о личности преступника будут различны в зависимости от того, проводятся ли они по материалам одного уголовного дела или по материалам группы дел.

Сведения о личности преступника, собранные в ходе проведения следственных действий, помогают в деле быстроты и полноты раскрытия преступления. Раскрываемость же преступлений, равно как и правильный выбор меры наказания в соответствии с содеянным и личностью виновного, имеет большое предупредительное значение. Быстрота и полнота раскрытия преступления во многом зависят от умелого сбора сведений о личности преступника и, в частности, его внешности во время проведения первоначальных следственных действий, когда преступник не установлен.

Необходима тесная связь органов следствия и суда с народными дружинами и товарищескими судами. Не только государственные органы могут передать то или иное лицо с учетом его личности на поруки коллективу или в товарищеский суд, но и общественные организации в случае установления ими фактов, что лицо систематически нарушает общественный порядок, неоднократно доставлялось в штаб народной дружины или в вытрезвитель, плохо ведет себя в быту, склонно к совершению преступлений и не реагирует на меры общественного воздействия, могут обратить внимание государственного органа. В этом случае государственный орган своим авторитетом будет воздействовать на данное лицо, чтобы предотвратить совершение им преступления.

Следователь, дознаватель и суд, в свою очередь, в случае установления таких фактов в отношении лиц, которые не привлекаются в качестве обвиняемых, но поведение их таково, что они могут совершить преступление (давно не работает, ведет разгульный образ жизни, ранее привлекался к уголовной ответственности и т. д.) обязаны проверить такие факты и сообщить их в соответствующие органы или общественные организации.

4. Разработка предупредительных мероприятий по группе дел характеризуется тем, что на основании этих данных возможно проведение профилактической работы в отношении не одного лица, а целого коллектива или определенного участка местности. При анализе сведений о личности преступника какой-либо категории дел или преступлений, совершенных за определенный отрезок времени, выявляется то общее, что дает возможность вести профилактику.

5. Большую роль в деле предупреждения преступности играет хорошо поставленная работа с освобожденными из мест заключения. Эта работа должна начинаться еще в местах заключения во время отбывтия наказания, и если лицо после отбывтия наказания не исправилось и не порвало связи с преступной средой, надо с помощью общественности постараться оторвать его от этих связей, изменить его отношение к труду, учебе, вовлечь в жизнь коллектива и одновременно установить контроль общественности за его поведением.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

(Труды Том. ун-та. Сер. юридическая. 1963. Т. 162. С. 145–150)

Задачи, поставленные Программой КПСС по ликвидации преступности и устранению всех причин, ее порождающих, требуют наряду с другими проблемами также и более тщательного изучения личности лица, совершившего преступление.

Изучив личность обвиняемого, мы сможем глубже и полнее разобраться в причинах совершения им преступления, внести конкретные предложения по устранению обстоятельств, способствовавших совершению данного преступления. Накапливая и анализируя такие материалы, можно сделать выводы о причинах преступности вообще и разработать мероприятия по предупреждению ее.

Сведения о личности обвиняемого имеют также большое значение и для полного расследования и правильного разрешения уголовного дела.

Несмотря на большое значение сведений о личности обвиняемого, проблема эта еще мало разработана в правовой литературе, и личность обвиняемого недостаточно изучается на практике.

Некоторым вопросам методики изучения личности обвиняемого на предварительном следствии и посвящается данная статья.

Уже при составлении плана расследования каждого уголовного дела вопросы изучения личности обвиняемого должны найти в нем свое отражение. Намечая выяснение обстоятельств события преступления, в плане расследования необходимо предусматривать и собирание сведений, характеризующих личность обвиняемого, с указанием конкретно, какие сведения о личности надо получить при проведении того или иного следственного действия. Полученные данные о личности обвиняемого проверяются и дополняются при проведении последующих следственных действий. Планирование сбора сведений о личности совершившего преступление будет гарантировать своевременное и последовательное получение их.

Если изучение личности обвиняемого не будет планироваться, это может привести к повторному проведению одних и тех же следственных действий. Так, по делу о зломном хулиганстве Киреева в столовой завода во время допросов его жены и матери следователь даже не ставил перед ними вопроса о том, как вообще ведет себя Киреев в быту. Позднее, из характеристики с места жительства, выяснилось, что он систематически устраивает дома скандалы, избивает мать и жену, выгоняет их из квартиры, и следователь был вынужден проводить повторные допросы матери, жены и соседей Киреева.

В деле получения сведений о личности обвиняемого большую помощь может оказать общественность.

Если следователь выступает на собрании с информацией о преступлении, то следует обратиться к собравшимся, чтобы они в своих выступлениях охарактеризовали не только само преступление, но и личность обвиняемого. От выступающих можно получить весьма полные сведения об образе жизни обвиняемого, его поведении в быту и на производстве, об отношении к общественным поручениям и т. д.

Процессуально оформить полученные сведения можно как путем приобщения протокола собрания, так и путем последующих допросов некоторых из выступавших в качестве свидетелей и в ходе допросов этих лиц, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, выяснить более подробно.

При расследовании дела о недостатке кооперативных средств в сумме 1200 рублей у продавца сельпо Колпашевского района Мазиной следователь на собрании пайщиков выступил с информацией о поступившем материале и попросил собравшихся рассказать об образе жизни и быте продавца. Выступившие 14 человек рассказали, что Мазина живет явно не по средствам, часто устраивает попойки у себя на квартире, рассказали о том, что у нее в течение двух лет одновременно проживали трое каких-то мужчин.

Проведенное собрание дало возможность избрать правильное направление расследования и в короткий срок доказать растрату. Следователь и дознаватель получают сведения о личности обвиняемого во время и путем производства следственных действий:

Во время осмотра места происшествия

Осмотр места происшествия по многим делам является первоначальным следственным действием, когда зачастую преступник не известен, и потому надо стремиться получить о нем как можно

больше сведений, главным образом сведений о личности, которые помогут найти и уличить преступника. Вопросы обнаружения и работы с различными следами на месте происшествия изложены в соответствующих работах по криминалистике, и потому мы не будем их здесь касаться. Необходимо лишь отметить такие моменты, прямо характеризующие личность совершившего преступление, сведения о которых можно получить уже во время осмотра места происшествия. Это сведения о круге лиц, которые могли совершить преступление, о числе преступников и роли каждого из них в совершении преступления, о мотивах преступления и т. д.

Так, осмотром было установлено, что преступник взломал стену в том месте, где с внутренней стороны она была менее прочной и, не заходя в служебное помещение предприятия, вырезал стеклорезом стекло в двери цеха и прошел прямо на склад готовой продукции. Накануне на складе была приготовлена очередная партия продукции для отправки заказчику.

Очевидно, что в этом случае совершил кражу человек, или бывший в помещении и знавший о наличии большой партии товаров на складе, т. е. имеющий какое-то отношение к данному предприятию, или ему об этом рассказали его соучастники.

Или другой пример. К складу подошли двое преступников, один нагнулся, уперся руками в грунт, а другой встал ему на плечи и проник в чердачное помещение. В произведенный пролом в потолке спустился тот из них, который первым поднялся на чердак, а другой принимал вещи на чердаке.

К таким выводам следователь пришел в результате тщательного осмотра места происшествия, по следам ног преступника.

Во время обыска

Обыск дает большие возможности для установления сведений о личности обвиняемого.

Побывав на месте жительства обвиняемого, следователь может сделать вывод о его образе жизни и круге знакомых, связях и привычках обвиняемого, его поведении в быту и занятиях в свободное от работы время, об отношении к родителям, жене, детям и т. д.

Чтобы выводы следвателя о тех или иных сторонах личности обвиняемого не были субъективными, следует при обыске изымать вещи и предметы, которые характеризуют личность обвиняемого.

На основании ст. 171 УПК РСФСР следователь при обыске должен ограничиваться изъятием предметов и документов, имеющих отношение к делу. Поскольку, согласно ст. 68 УПК РСФСР, выяснение личности обвиняемого входит в задачи расследования, следователь может при обыске изъять характеризующие личность обвиняемого предметы: записные книжки, дневники, фотографии, письма, телефонные книжки с пометками и листки перекидного календаря; может произвести фотографирование обстановки и т. д.

При расследовании дела об изнасиловании потерпевшая утверждала, что преступников было двое, обвиняемый же Березин отрицал это, говоря, что он недавно вернулся из заключения и не имеет друзей. Во время обыска на квартире у обвиняемого следователь внимательно осмотрел семейный фотоальбом его родителей и обнаружил фотографию, присланную Березиным из колонии с надписью: «...фотографировались на память с другом Костей». При предъявлении этой фотографии потерпевшей она опознала в «Косте» второго преступника. После этого Березин признался, что он встретился с бывшим другом по колонии Нериним, они выпили и вместе совершили преступление.

Во время допроса потерпевших и свидетелей

Допрос является наиболее распространенным источником получения как доказательств самого состава преступления, так и сведений о личности обвиняемого.

Путем допроса свидетелей и потерпевших можно получить самые разнообразные данные о личности обвиняемого.

Так, потерпевший может обрисовать внешность обвиняемого, наличие или отсутствие каких-либо особенностей и особых примет, свидетель может дать сведения о любом периоде жизни и поведении обвиняемого.

Перед следователем встает задача: кого допрашивать в качестве свидетелей, чтобы получить наиболее полные сведения о личности обвиняемого, и о чем допрашивать того или иного свидетеля. В общем, круг свидетелей, которые могут дать сведения о личности обвиняемого, может быть очерчен довольно легко – это все те, кто знал или знает обвиняемого и может дать показания. Однако в целях удобства работы следователей по получению сведений о личности представляется целесообразным разбить всех свидетелей на несколько групп, в зависимости от того, с какой стороны они могут

охарактеризовать обвиняемого. Это дает возможность вести допросы свидетелей более целенаправленно.

Одна группа свидетелей – это родители, жена, дети, соседи обвиняемого. Эти свидетели могут дать полные сведения биографического порядка: о возрасте, партийности, гражданстве, национальности, образовании, месте работы и должности, семейном положении и составе семьи обвиняемого, а также об условиях воспитания и жизни в семье, его характере, материальном положении семьи, поведении в быту, отношении к алкоголю, поведении его после совершения преступления, сведения о прежних судимостях.

Вторая группа свидетелей – это представители администрации и общественных организаций с места работы или учебы обвиняемого. В первую очередь, эти свидетели могут дать общественно-производственную характеристику обвиняемого: сведения о его профессии, должности и стаже работы, об отношении к труду и трудовой дисциплине, участии в общественной работе и жизни коллектива, какие воспитательные меры применяла к нему общественность и администрация. Третья группа свидетелей – это близкие друзья по работе или повседневной жизни обвиняемого, которые могут характеризовать его поведение как на работе, так и вне ее: его отношение к труду, а если он не работал, то почему и на какие средства жил, отношение к алкоголю и наркотикам, имел ли приводы в медвытрезвитель, его поведение после совершения преступления.

Разумеется, круг свидетелей будет меняться по каждому конкретному делу, однако во всяком случае должны быть допрошены близкие родственники и друзья, показания которых помогут глубже и полнее расследовать преступление и понять, что за человек совершил преступление.

15 апреля 1961 года было возбуждено уголовное дело по обвинению Смирнова по ч. I ст. 108 УК РСФСР.

Смирнов, студент политехнического института, проживал в одной комнате с потерпевшим Кащериным. Вызывало сомнение то, что причиной нанесения ножевого ранения Смирновым Кащерину являлась незначительная ссора между ними.

Были допрошены товарищи Смирнова по комнате, по учебе. Они характеризовали Смирнова с положительной стороны как очень хорошего товарища, но вспыльчивого человека. Особенно подробно был допрошен свидетель Гайдук, являющийся другом детства Смирнова. Гайдук показал, что Смирнов никогда не употреблял

спиртные напитки, характер имеет неуравновешенный, вспыльчивый, но быстро «отходит».

Такие показания объясняли поступок Смирнова, вносили ясность и были учтены при определении меры наказания.

Во время допроса обвиняемого

Весьма обстоятельные данные о личности обвиняемого могут быть получены путем подробного допроса его самого. Однако, за редким исключением, следователи при допросе обвиняемого не уделяют должного внимания его биографии, которая составляет часть сведений о личности. Обычно в следственной практике анкетная часть протокола допроса обвиняемого заполняется в сухой, официальной обстановке путем постановки вопросов следователем и односложных ответов обвиняемого, а затем начинается свободный рассказ обвиняемого о событии преступления.

Представляется целесообразным предложить обвиняемому начать со связного рассказа о себе, т.е. с рассказа автобиографии с обязательным освещением тех моментов, сведения о которых необходимы для анкетной части протокола, и затем перейти к событию преступления. Таким образом будут получены сведения о личности от самого обвиняемого и скорее будет устанавливаться соответствующий контакт между следователем и допрашиваемым. Это не исключает постановки прямых вопросов обвиняемому о его личности.

Задача выяснения сведений о личности из допроса самого обвиняемого требует более тщательной подготовки к его проведению.

Как правило, допрос обвиняемого производится после проведения целого ряда следственных действий, во время которых уже получены сведения о личности, и перед следователем стоит задача тщательно проанализировать добытые сведения о личности, решить, какие сведения нужно получить от самого обвиняемого, составить подробный план допроса, продумать тактику допроса.

Получение сведений о личности обвиняемого путем запросов из органов МООН и иных учреждений

Источниками получения сведений о личности обвиняемого являются не только осмотры, обыски, показания свидетелей и обвиняемых, заключения экспертов, вещественные доказательства и т. д.

В число источников сведений о личности обвиняемого входят также запросы из органов МВД и иных учреждений и организаций. Под иными учреждениями и организациями следует понимать предприятия и учреждения, где работает или учится обвиняемый, административные комиссии местных Советов депутатов трудящихся, медвытрезвитель, штаб народной дружины, товарищеские суды, лечебные учреждения и т. д.

Из органов МООП путем запроса можно получить сведения о прекращенных в отношении этого лица делах, справку о прежних судимостях и истребовать приостановленные и прекращенные дела о преступлениях, совершенных аналогичным способом, а также личное дело заключенного, справку об освобождении из мест лишения свободы и другие документы, на основании которых он получил паспорт и прописался.

Все эти сведения, полученные из органов МООП, являются важным характеризующим личность моментом, так как показывают, не привлекалось ли данное лицо ранее к уголовной ответственности, не совершало ли другие, не раскрытые еще преступления. Наиболее важными из этой группы являются сведения о прежних судимостях, выяснение которых прямо требуется законом.

Запросы из учреждений и организаций дадут самые разнообразные сведения о личности обвиняемого, которые дополняют и уточняют данные, полученные из допросов свидетелей и самого обвиняемого. С места работы и учебы обвиняемого необходимо получить личное дело и трудовую книжку или выписку из нее о его общем трудовом стаже и профессии. Запрос из административной комиссии местных Советов может дать сведения о том, не привлекался ли обвиняемый к административной ответственности, а если привлекался, то когда, какая мера наказания назначалась.

При расследовании уголовного дела по ч. II ст. 206 УК РСФСР следователь направил запрос в административную комиссию при горисполкоме, и оказалось, что последние шесть месяцев обвиняемый Смагин трижды привлекался к административной ответственности за нарушение решения городского Совета депутатов трудящихся «О появлении в общественных местах лиц в нетрезвом состоянии». Хулиганские действия Смагин совершил в магазине, когда продавец отказалась продать ему водку, так как он был пьян.

При привлечении к уголовной ответственности Кинева по ст. 162 УК РСФСР оказалось, что ранее не только он, но и другие члены его семьи задерживались на «толкучке» при продаже предметов, изготовленных кустарным способом и свидетельствующих о занятии Кинева запрещенным промыслом. Такие сведения следователь получил после запроса в административную комиссию при горисполкоме.

Запрос в медвытрезвитель может дать сведения об отношении обвиняемого к алкоголю. Однако при выяснении этого вопроса нельзя ограничиваться запросом в медвытрезвитель, а устанавливать его и другими путями, в частности допросами близких обвиняемого.

В настоящее время большую работу по борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка ведут народные дружины. Необходимо запросить штаб народной дружины, не имел ли туда приводов обвиняемый. Органы прокуратуры и милиции должны оказать помощь народным дружинам в деле наведения порядка с регистрацией задержаний и приводов в штаб народной дружины, тем более что приводы в милицию в настоящее время не регистрируются органами МООП.

В деле собирания сведений о личности обвиняемого определенную помощь окажут также запросы в товарищеские суды. Запросы в эти суды дают порой сведения, без которых характеристика личности обвиняемого была бы неполной. Особенно необходимы запросы в товарищеские суды при домоуправлениях и уличных комитетах, основной категорией рассматриваемых дел которых являются дела о поведении граждан в быту. Как правило, привлекаемые в этих судах лица не работают на производстве и в случае привлечения в качестве обвиняемых товарищеские суды при домоуправлениях будут единственными общественными организациями, которые могут их характеризовать.

Запрос из лечебных учреждений (клиник, больниц, поликлиник) даст сведения о состоянии здоровья обвиняемого, когда оно вызывает сомнение. Лучше всего запросить копию истории болезни и приобщить ее к делу.

Отдельно следует оказать о характеристиках на обвиняемых с места работы, учебы и места жительства. Надо признать, что и до настоящего времени эти характеристики зачастую носят формаль-

ный характер. Они или очень краткие и общие (например, «с производственными заданиями справлялся, нарушений трудовой дисциплины не имел, в общественной работе не участвовал»), или необъективны, так как пишутся после совершения преступления и в них не указываются положительные стороны личности. Чтобы избежать этого, целесообразно в запросе о выдаче характеристики указать перечень вопросов, которые должны быть освещены в характеристике. Полученные таким образом сведения о личности обвиняемого помогут полнее расследовать совершенные преступления и решить вопрос о степени общественной опасности лица.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

*(Доклады итоговой научной конференции
юридических факультетов. 1964, декабрь.
Томск: Изд-во ТГУ, 1964. С.148–152)*

Рассматривая историю вопроса об изучении личности преступника в процессе расследования, необходимо исходить из замечания К. Маркса о том, что право не имеет своей собственной истории. Закрепляя существующие в обществе экономические и общественные отношения, право повторяет историю того общества, которое оно обслуживает. Следовательно, история советского права и каждого из его отраслей и институтов является частью истории развития советского социалистического общества.

1. Задача борьбы с политической и общеуголовной преступностью встала перед молодым Советским государством на другой же день после революции. Общеуголовная преступность после революции значительно увеличилась ввиду создавшейся благоприятной обстановки для широкого разгула неустойчивых, разложившихся, примазавшихся элементов. К тому же Россия перед Октябрьской революцией подверглась действию еще ряда факторов, способствовавших росту преступности: война, приток беженцев из оккупированных западных районов, устройством которых никто не занимался, освобождение уголовных элементов из тюрем и т.д.

Особенностью преступности этого периода было то, что между общеуголовными и антисоветскими преступлениями зачастую невозможно было провести резкого различия. В состав банд входили контрреволюционеры, остатки разгромленных белогвардейских войск, различного рода авантюристы, искавшие материальной выгоды, прикрываясь политическими лозунгами.

В таких условиях совершенно естественно, что на первый план при определении наказания выступала классовая принадлежность преступника, социальная опасность его личности как таковой.

Основным уголовно-правовым актом до принятия первых уголовного и уголовно-процессуального кодексов РСФСР были руко-

водящие начала по уголовному праву РСФСР, принятые 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала» уделяют большое внимание различным моментам, связанным с проблемами личности преступника, зачастую даже преувеличивая их значение. Так, при решении вопроса о наказуемости того или иного деяния «Руководящие начала» исходили, в первую очередь, именно из опасности личности совершившего преступление.

«Руководящие начала» не только декларативно провозглашали необходимость учета сведений о личности преступника при решении того или иного вопроса по уголовному делу, но и указывали, какие конкретно данные о личности совершившего преступление должны быть в уголовном деле, что должно быть установлено и в каких пределах. Из анализа ряда статей этого документа можно выявить следующие данные: классовая принадлежность лица и классовая направленность совершенного деяния; совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным; обнаружены ли совершающим деяние жестокость, коварство, хитрость или деяние совершено в состоянии запальчивости. Кроме этого, требовалось изучить всю обстановку совершения преступления, образ жизни, прошлое лица и мотивы совершения им данного преступления.

В итоге после установления всех этих сведений в процессе расследования собирался комплекс данных, которые позволяли объективно и всесторонне оценить личность каждого конкретного преступника и преступления.

2. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы РСФСР 1922 г. придавали большое значение изучению личности преступника, как одному из моментов, определяющих полноту и всесторонность расследования преступлений, влияющих на определение меры наказания, а в дальнейшем на порядок и условия отбывтия его.

Из анализа УПК РСФСР 1922 г. можно установить перечень сведений о личности обвиняемого, которые непременно должны быть установлены по любому уголовному делу. Такие сведения называются в статьях о предъявлении обвинения, об избрании меры пресечения и в статьях об окончании предварительного следствия. В итоге в каждом расследованном деле собирались следующие данные: фамилия, имя, отчество и прозвище обвиняемого, возраст, судимость, классовая принадлежность и социальное происхождение его, род занятий и состояние здоровья. Кроме этих сведений, непосредст-

венно указывающих на личность обвиняемого, сюда же можно отнести, по нашему мнению, некоторые свойства преступления, которые, несомненно, характеризуют и личность его совершившего, а именно такие особенности преступления, как мотив и способ его совершения.

3. К 1926 году изменилась социально-политическая обстановка в стране. Развитие НЭПа дало рост преступности и выявились недостатки первых Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов. Новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят еще в 1923 г., а в дальнейшем в него лишь вносились изменения в связи с принятием Основных начал и Основ судопроизводства, Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.

Несомненно, что новые УПК и УК РСФСР были шагом вперед в развитии советского уголовного права. Наряду с той же определенно выраженной классовой линией в УК 1926 г. более последовательно и четко решались такие основные вопросы советского уголовного права, как материальное понимание преступления, принципы и основания назначения мер наказания и другие, в той или иной мере связанные с проблемой изучения личности преступника.

В перечне конкретных сведений, которые требовались о личности совершившего преступление, УПК 1923 и УК 1926 г. не имели принципиальных расхождений с кодексами РСФСР 1922 г.

4. Рассматривая историю вопроса об изучении личности преступника, следует отметить деятельность Государственного института по изучению преступности и преступника, созданного в 1925 г. при НКВД РСФСР.

Институт по изучению преступности и преступника ставил перед собой задачу широкого и всестороннего изучения преступности как социального явления, с одной стороны, и личности преступников как «творцов» преступлений, с другой стороны. В составе института было организовано 4 секции: социально-экономическая, пенитенциарная, биопсихологическая и криминалистическая.

Оценивая деятельность Института по изучению преступности и преступника с позиций нашего времени, нужно отметить, что в его работе были грубые методологические ошибки, приводящие к возрождению биосоциологических и неоломброзианских теорий на советской почве. Но в деятельности этого института бесспорно имелись и положительные стороны. К ним нужно отнести система-

тическое изучение движения преступности, как в целом, так и по отдельным видам преступлений, исследование эффективности применения отдельных видов наказаний к осужденным, разработку и внедрение в практику достижений криминалистики. Приходится только сожалеть, что вместо исправления выявленных ошибок в изучении преступности и личности преступника эта работа в последующий период была полностью прекращена. Некоторые ученые видели недостатки развития науки уголовного права, одним из которых они считали недостаточное внимание к проблеме изучения личности преступника. Но практически дальше постановки задачи дело не шло. Здесь сказалась обстановка культа личности, боязнь быть обвиненным в возрождении неоломброзианских и социологических теорий.

Свою отрицательную роль в деле прекращения изучения преступности и преступника сыграл период культа личности Сталина с его массовыми необоснованными репрессиями.

5. Новый этап в изучении личности преступника на предварительном следствии начинается с принятия Основ уголовного законодательства и судопроизводства и УК и УПК РСФСР 1960 года. В целом ряде моментов эти законодательные акты указывают на необходимость изучения личности преступника.

Основы уголовного законодательства подчеркивают необходимость учета личности совершившего преступление при назначении наказания, при освобождении от уголовной ответственности и наказания, при условном осуждении и т.д. как одного из решающих моментов при решении этих вопросов.

Основы судопроизводства, предъявляя высокие требования к расследованию преступлений, обязывают суд, прокурора и следователя принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Полнота и объективность расследования немыслимы без всестороннего изучения личности совершившего преступление.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

(Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. 84 с.)

Предисловие

В числе других задач, которые должны быть решены в период построения коммунистического общества, партия в своей Программе ставит задачу искоренения всяких правонарушений, ликвидации преступности и устранения всех причин, ее порождающих. Программа КПСС указывает, что главное внимание в деле борьбы с преступностью должно быть направлено на предотвращение преступлений.

В комплексе тех вопросов, которые подлежат исследованию, чтобы успешно решить поставленную задачу, не последнее место занимает проблема изучения личности преступника. На основании изучения личности преступника возможна также разработка мероприятий по предупреждению преступлений.

В настоящее время ведется весьма активная разработка проблемы изучения личности субъекта, совершившего преступление, однако не все ее аспекты исследуются одинаково глубоко и всесторонне. В последние годы появился ряд работ, в которых эта проблема рассматривается в криминологическом аспекте. В то же время следственная и судебная практика повседневно сталкиваются с необходимостью изучать личность преступника для успешного решения задач расследования преступлений, наказания виновных и исправления осужденных лиц.

Всестороннее изучение личности преступника в процессе расследования дает представление об условиях нравственного формирования личности, проливает свет на то, как и почему сформировались преступные замыслы конкретного человека.

В работе не только говорится о значении личности преступника, но и делается попытка очертить пределы (объем) изучения и наметить методику собирания данных о личности субъекта, совершившего преступление, в процессе расследования. При этом автор исходит из того, что данные о личности преступника, полу-

ченные в процессе расследования, дают базу для всех последующих решений по делу и, в частности, для принятия мер по предупреждению преступлений.

В целях терминологического единообразия при рассмотрении таких разнородных по своей процессуальной природе вопросов автор считает допустимым именовать объект исследования преступником. Разумеется, при этом учитывается, что на предварительном следствии такое лицо является обвиняемым, на суде — подсудимым, а после вынесения обвинительного приговора — осужденным.

Данная работа не может претендовать на исчерпывающее изложение всех вопросов темы, она является попыткой автора исследовать некоторые вопросы, связанные с изучением личности субъекта, совершившего преступление, как часть большой и сложной проблемы, какой является изучение личности преступника в целом.

Глава I. Значение изучения личности преступника

Всестороннее и тщательное изучение личности преступника является одной из предпосылок успешного разрешения задач и дальнейшего поднятия уровня деятельности органов следствия¹, суда и исправительно-трудовых учреждений. Разумеется, в работе каждого из этих органов изучение личности субъекта, совершившего преступление, имеет некоторую специфику и свои особые задачи. В то же время изучение личности во всех этих органах взаимосвязано и имеет много общего. Во-первых, общим является объект изучения. Во-вторых, изучение в одном органе подготавливает основу для изучения личности этого же лица в другом органе. Так, данные, полученные в процессе расследования, поступают в суд и служат одним из оснований для решения вопросов по делу в суде. В дальнейшем с приговором суда они переходят в личное дело осужденного и служат базой для работы по его перевоспитанию. Нетрудно заметить, что наиболее важным этапом в изучении личности является изучение личности в процессе расследования, которое дает материал для всей последующей работы и этом направлении.

¹ Поскольку при расследовании преступлений органами прокуратуры и охраны общественного порядка преследуются одни и те же задачи в изучении личности преступника, представляется целесообразным объединить эти органы при дальнейшем изложении одним названием как органы следствия.

Значение изучения личности обвиняемого в процессе расследования преступлений

Установление полных данных о личности обвиняемого, о том, что это за человек, что он собой представляет, – обязательное условие доброкачественного расследования преступлений. Как известно, одно из требований уголовно-процессуального закона к органам, занимающимся расследованием и рассмотрением уголовных дел, выражено в ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Эта статья обязывает суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, принять все меры, предусмотренные законом, чтобы обеспечить всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие вину обстоятельства. Выполнение этого требования немыслимо без всестороннего и полного изучения личности лица, совершившего преступление, наряду с исследованием самого факта преступления.

Доказательством того, какое значение изучению личности субъекта, совершившего преступление, придаёт действующий уголовно-процессуальный закон, могут служить требования некоторых его статей. Так, ст. 68 УПК РСФСР включает выяснение обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, в число подлежащих доказыванию по всякому уголовному делу. Ст. 342 УПК РСФСР одним из оснований к отмене или изменению приговора указывает односторонность или неполноту дознания, предварительного или судебного следствия. Статья же 343 УПК РСФСР разъясняет, в чем может заключаться эта неполнота следствия, и наряду с другими обстоятельствами, дающими основания для отмены приговора, отмечает и такое, «*не установлены с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого*» (разрядка моя. – *Н.В.*).

Следственной и судебной практике известны случаи, когда уголовные дела направлялись прокурором на доследование или отменялись приговоры в силу невыполнения требования о полном, объективном и всестороннем изучении личности субъекта, совершившего преступление.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Томского областного суда отменила приговор народного в отношении Чилисова, осужденного по ч. 1 ст. 109 УК РСФСР, мотивируя свое решение тем, что «суд не исследовал личность Чилисова и, назначая лишение свободы условно, сослался на его молодой возраст и первую судимость. Ме-

жду тем имеющимися документами Чилисов характеризуется отрицательно. В январе 1963 г. он привлекался к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 206 СССР за хулиганские действия, связанные с насилием над личностью (нанес ножевое ранение Крылову). Прокуратурой Ленинского района г. Томска дело было прекращено и направлено для рассмотрения товарищескому суду по месту работы Чилисова с учётом его несовершеннолетия. Спустя два месяца Чилисов снова в нетрезвом состоянии ножом ударил в спину». При этих условиях судебная коллегия сочла неправильной оценку общественной опасности Чилисова и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для более полного изучения личности обвиняемого¹.

Знание личности обвиняемого помогает при выдвижении и проверке версий по делу.

Различные фактические данные о личности обвиняемого могут служить основаниями для построения версий. Так, например, знание черт характера и темперамента нередко проливает свет на мотивы и формы вины в совершенном преступлении, а установление круга знакомств обвиняемого даёт данные для выдвижения версий о возможных соучастниках преступлений и т. д.

При проверке версий, когда выводятся следствия из предположения (версии), в качестве таких могут выступать факты, относящиеся к характеристике личности виновного, в частности его поведения, образа жизни, связей и знакомств.

Отдельно следует упомянуть о построении розыскных версий. В случае розыска скрывшегося преступника, личность которого установлена, — розыск в специальном (узком) смысле — сведения о личности этого лица нередко прямо указывают на возможное место его пребывания. В первую очередь это относится к данным о профессии и специальностях лица, которые могут говорить о возможном месте его работы; к данным о месте жительства родных, друзей и знакомых, у которых оно может проживать и т. д.

В следственной практике был случай, когда обвиняемый, будучи больным туберкулезом, совершил преступление, а затем уехал в другой город и был помещен там в больницу для лечения. Следователь обнаружил его лишь после того, как из допросов родственников установил факт болезни и разослал запросы в туберкулезные больницы и санатории ближайших городов.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Томского областного суда от 21 августа 1963 года по делу № 22-649.

Личность виновного принимается во внимание и оказывает свое влияние при проведении конкретных следственных действий по делу. Особенно наглядно это можно видеть при производстве таких следственных действий, как допрос обвиняемого¹ и обыск.

Допрос обвиняемого является одним из сложных и трудоемких следственных действий, требующих творческого подхода к его проведению. Поэтому целесообразно осветить его более подробно, но с учетом того, что допрос обвиняемого будет рассматриваться также в следующей главе работы как способ получения данных о личности самого обвиняемого.

Обвиняемый, как правило, заинтересован в том, чтобы расследование не было полным, и стремится зачастую скрыть те или иные обстоятельства преступления. В то же время он вынужден каким-то образом объяснить свои действия и поступки, и этим самым он даст новые доказательства. На практике очень редки случаи, когда обвиняемый отказывается давать какие-либо показания вообще. Задача следователя заключается в получении от обвиняемого полных, правдивых показаний. Успешное выполнение этой задачи в немалой степени зависит от правильно избранной тактики допроса. Тактические приёмы любого допроса, а допроса обвиняемого в особенности, определяются в конечном счете личностью допрашиваемого, его predisposedностью к откровенности, вызвать которую задача следователя. И даже те тактические приемы предъявления доказательств, как основного средства получения правдивых показаний, которые разработаны следственной практикой, обобщены криминалистикой и освещены в соответствующей юридической литературе, в значительной мере обусловлены особенностями личности допрашиваемого.

Чем полнее и глубже изучена личность допрашиваемого, тем больше оснований для применения того или иного тактического приема и одновременно тем разнообразнее и богаче будет сам арсенал применяемых тактических приемов допроса.

Трудно определить, какие именно данные о личности обвиняемого из всего их комплекса необходимы непосредственно для его допроса. Такие, например, сведения, как наличие прежних судимостей обвиняемого, дают основания полагать, что он имеет представления о приемах ведения следствия и своей линии поведения на допросах. Поэтому, как правило, такие обвиняемые редко дают исчерпывающие, правдивые показания, пока они не убедятся, что

¹ Говоря о допросе обвиняемого, имеем в виду и допрос подозреваемого.

вина их подтверждена вескими доказательствами. Даже давая показания, они стремятся представить факты в выгодном для себя свете. Как правило, иначе ведут себя впервые совершившие преступление. Они часто склонны рассказывать правду даже при отсутствии доказательств, бесспорно изобличающих их в совершении преступления.

Отсюда совершенно ясно, что по отношению к этим обвиняемым должна быть различной и тактика допроса.

Но можно заметить, что для проведения успешного допроса обвиняемого, для установления правильного «контакта» между ним и следователем в первую очередь нужны данные, характеризующие психологию допрашиваемого. Зная такие данные об обвиняемом, как его характер, темперамент, вид памяти и т. д., можно более успешно провести его допрос, добиться лучших результатов. А.Н. Васильев по этому поводу правильно пишет: «В чем же суть тактики допроса, как не в использовании данных психологии в целях получения от допрашиваемого правдивых и достоверных показаний»¹.

Так, например, по одному делу о преступлениях, совершенных группой в 16 человек, которая в течение двух лет совершила около 50 преступлений, в том числе одно убийство, важно было получить подробные показания участника этой группы Саздыкова. Следователь установил до допроса, что Саздыков был дерзким, вспыльчивым, самолюбивым и в то же время откровенным человеком. Следователь выяснил состав семьи Саздыкова и их семейную жизнь, узнал, что родители его любили и баловали. Саздыков гордился своим отцом, который раньше работал в органах МВД. Все это использовал следователь. И Саздыков начал рассказывать. По сути дела, он стал давать показания не потому, что его уличали какими-то вескими доказательствами, а потому, что к нему удалось найти правильный подход, вызвать на откровенность².

Большое значение для допроса обвиняемого имеют также такие данные, как поведение обвиняемого до и после совершения преступления, отношение к содеянному и др.

Допрашиваемый, чувствуя за собой вину в совершении преступления, как бы он ни хвастался внешне, находится, как правило, в постоянном страхе. Эти чувства вины и угроза наказания лишают его спокойствия, психологически давят на него, он, пытаясь оправ-

¹ Васильев А.Н. Следственная тактика и ее место в системе криминалистики // Сов. криминалистика на службе следствия. Госюриздат, 1961. Вып.15. С. 24.

² См.: Следственная практика. Вып. 62.

даться, запутывается в противоречиях, и в конце концов единственное, что приносит ему облегчение, при умелом допросе, построенном на использовании сведений о личности, это правдивый рассказ о содеянном. Задача следователя заключается в том, чтобы, зная психологическое состояние обвиняемого, используя имеющиеся данные о его личных качествах и доказательства, подвести его к грани, когда он понимает бессмысленность дальнейшей лжи и видит выход для себя в правдивом рассказе о совершенном преступлении.

Примером может служить допрос Петросяна, подозревавшегося в убийстве супругов Тозлян.

Весной 1959 года при вскапывании огорода гражданка Мазлен обнаружила мост золотых зубов и пластмассовый протез челюсти и опознала их как протезы, принадлежавшие супругам Тозлян, исчезнувшим в 1954 году.

Подозрение в убийстве пало на зятя Тозлян — Петросяна, мужа приемной дочери. Следователь тщательно изучил личность подозреваемого и его отношения с супругами Тозлян. Оказалось, что супруги Тозлян были в неприязненных отношениях с Петросяном, принуждали свою приемную дочь разойтись с ним, заявляя, что они из своего имущества ничего не дадут Петросяну. Через четыре месяца после исчезновения супругов Тозлян Петросян настоял, чтобы жена обратилась в суд с иском о признании ее наследницей имущества. После удовлетворения иска Петросян сам распродал имущество и уехал с женой в г. Сочи.

Располагая такими сведениями, следователь начал допрашивать Петросяна. Он последовательно, учитывая реакцию на них Петросяна, предъявил ему доказательства, свидетельствовавшие о наличии неприязненных отношений между ним и исчезнувшими, о его корыстной заинтересованности в смерти приемных родителей жены, о беспочвенности распространяемых им слухов о выезде Тозлян в Ленинакан. И Петросян признал себя виновным в убийстве супругов Тозлян¹.

Тактика проведения обыска также во многом обуславливается личностью обыскиваемого. Так, практикой замечено, что чаще всего обвиняемые прячут те или иные вещи или устраивают тайники в тех предметах, с которыми они сталкиваются в обыденной жизни и лучше знают их устройство. Они уверены, что в этих предметах изготовят хорошо замаскированные тайники. Таким образом, знание

¹ См.: Следственная практика. Вып. 42.

профессии обвиняемого служит своеобразным индикатором при обыске его помещения.

Как правило, ценности прячутся в предметах, не предназначенных для хранения этих вещей. Лицо, спрятавшее что-либо, считает вещь хорошо спрятанной в том случае, если в качестве тайника выбрано место, которое по своему назначению весьма далеко от того, чтобы быть хранилищем подобных вещей. Прежде чем спрятать что-либо, человек проделявает умственную работу и считает удачным такое решение этой задачи, когда избирается в качестве тайника предмет с иным назначением. Вот почему в криминалистической литературе¹ рекомендуется следователям такой прием при производстве обыска: поставить мысленно себя на место обыскиваемого и, зная его профессию, жизненный опыт, склонности, интересы, постараться решить, где мог спрятать этот человек те или иные вещи и ценности в данной конкретной обстановке.

Как известно, следователь проводит следственные действия двоякого рода. Результатом одних следственных действий является получение доказательств, при проведении других следственных действий принимаются определенные решения по делу: предъявляется обвинение, избирается мера пресечения, назначаются экспертизы и т.д. При решении этих вопросов личность обвиняемого также играет немаловажную роль, являясь одним из оснований принятия того или иного решения.

В частности, например, это хорошо видно при решении вопроса об избрании меры пресечения.

Не будучи наказанием, меры пресечения тем не менее представляют собой существенное ограничение прав граждан. Поэтому необоснованное применение мер пресечения является нарушением закона. Уголовно-процессуальный кодекс регулирует основания и порядок их избрания. Любая мера пресечения может быть избрана лишь при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от следствия и суда или воспрепятствует установлению истины по делу, или же будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора (ст. 89 УПК РСФСР). Кроме того, лицо, принимающее решение об избрании той или иной меры пресечения, должно учитывать, согласно ст. 91 УПК РСФСР, также тяжесть предъявленного обвинения, личность подоз-

¹ См.: Громов В. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. М., 1935. С. 152–153; Попов В.И. Обыск. Алма-Ата, 1959. С. 16 и др.

реваемого или обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение другие обстоятельства. Как видно, ст. 91 УПК РСФСР указывает целый ряд сведений, относящихся к характеристике личности обвиняемого, учитьвание которых способствует индивидуализации избираемых видов мер пресечения. Естественно, что прежде чем учесть все перечисленные обстоятельства, нужно их установить, выяснить.

Закон не расшифровывает, в чем должна заключаться достаточность оснований той или иной меры пресечения. Это должен решить следователь, прокурор или суд исходя из конкретных обстоятельств дела. Этими обстоятельствами могут быть данные, характеризующие личность обвиняемого. Так, например, основанием для вывода о том, что обвиняемый скроется от следствия и суда, как правило, служит отсутствие у него постоянного места жительства и работы. Поведение обвиняемого после совершения преступления, наличие у него преступных связей, его отношение к содеянному дают основания для вывода о том, что он будет продолжать преступную деятельность. Следовательно, в этих случаях необходимо избрание более строгой меры пресечения¹.

Наиболее строгой из мер пресечения является заключение под стражу. Оно затрагивает интересы не только самого обвиняемого или подозреваемого, но и его семью, родных и близких, коллектив, где он работает или учится. Поэтому при избрании этой меры пресечения особенно тщательно должны взвешиваться все основания, в том числе и личность обвиняемого. В частности, принимая решение о заключении под стражу, следователь, прокурор и суд обязаны выяснить также, не имеется ли у обвиняемого несовершеннолетних детей, имущества или жилища, остающегося без присмотра, и принять в отношении их соответствующие меры.

Состояние здоровья и сомнения в психической полноценности лица, привлеченного к уголовной ответственности, служат основанием для принятия решения о проведении судебно-психиатрической экспертизы. Точно так же возникающая иногда необходимость установления возраста обвиняемого является основанием для назначения судебно-медицинской экспертизы.

¹ Вообще же, как известно, совершение всякого преступления не означает автоматического избрания какой-либо меры пресечения. Иногда бывает достаточно ограничиться отобранием у обвиняемого обязательства являться по вызовам и в суд и сообщать о перемене места жительства.

В процессе расследования преступления нередко выясняется, что должны быть вещественные доказательства преступления, и возникает необходимость их обнаружения. Важной задачей следствия по некоторым делам также является розыск похищенного и возмещение материального ущерба.

В решении этих задач следователю всегда поможет изучение личности обвиняемого, в частности, установление круга его родственников, друзей и знакомых, характера отношений с ними, с кем из них он поддерживает наиболее тесные связи. Именно у этих лиц может быть спрятано похищенное и нажитое преступным путем имущество, ценности и деньги.

Знание прежних судимостей обвиняемого позволяет судить об «опытности» преступника в совершении преступления, а установление его специальностей и профессии – о том, имеет ли он соответствующие навыки, чтобы изготовить то или иное орудие преступления или обращаться с ним. В совокупности с другими эти сведения также помогают в обнаружении вещественных доказательств и в выяснении других обстоятельств преступления.

Глубокое и тщательное изучение прошлого обвиняемого иногда приводит к раскрытию совершенных им ранее, но не раскрытых еще преступлений, а если есть основания подозревать, что в совершении преступления участвовало несколько лиц, обнаружить всех соучастников преступления и уяснить роль каждого из них в совершении данного преступления.

В одном из выпусков «Следственной практики» приводится пример раскрытия преступления спустя 11 лет после его совершения, благодаря изучению прошлого преступника.

На окраине г. Речара было совершено убийство Кадыровой ее мужем Хусаном Рахмановым, который после совершения преступления скрылся. Из показаний соседей и родственников потерпевшей было выяснено, что Рахманов в г. Речара появился сравнительно недавно, с женой жил плохо, избивал ее. До Кадыровой в этом же городе Рахманов сожительствовал с двумя женщинами. В их показаниях обращало на себя внимание такое обстоятельство, что своим сожительницам каждый раз Рахманов называл себя по-разному: то Курбановым, то Абдурахмановым Халимом. Бывшие сожительницы сообщили, что Рахманов ранее совершил какое-то преступление и скрывается. Это им стало известно из рассказов самого Рахманова, но где, когда и какое было совершено преступление, они не знали.

В результате тщательного изучения биографии Рахманова удалось установить, что в 1948 г. он выстрелом из ружья убил чабана колхоза Худоярова, после чего скрылся. Рахманов был обнаружен и арестован. При допросе он сознался в совершении убийства Худоярова и Кадыровой¹.

Или другой пример. В течение короткого времени в 1965 г. в ряде рабочих общежитий г. Томска было совершено несколько краж личного имущества. В это время по оргнабору в различные строительные организации города прибыло много молодых рабочих из Тамбовской и Ярославской областей. Все потерпевшие, другие свидетели указывали на одних и тех же лиц, как совершивших кражи. Оказалось, что все они выехали из Томска. Из личных дел, имевшихся в организациях, куда они прибыли на работу, и из показаний свидетелей были установлены родственные связи обвиняемых, места их проживания, а также прежние места жительства обвиняемых. Были направлены отдельные требования по этим адресам, в результате чего все обвиняемые были задержаны и у них изъята часть похищенных вещей.

Личность обвиняемого принимается во внимание при решении вопросов квалификации преступлений. От правильной квалификации преступления на предварительном следствии зависит специфика доказательственного материала, который должен быть собран для разрешения данного дела. Правильная квалификация также обеспечивает правильное направление расследования.

Квалификация преступлений заключается в установлении и юридическом закреплении точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой². Через квалификацию преступлений проводится в жизнь один из важнейших принципов советского уголовного права – принцип ответственности лица за конкретное деяние, предусмотренное законом, который выражен в ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик. Статья 3 Основ уголовного законодательства и соответствующая ей статья 3 УК РСФСР устанавливают, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неос-

¹ См.: Следственная практика. Вып. 49.

² Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. Госюриздат, 1963. С. 8.

торожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние. Задача заключается в том, чтобы определить признаки совершенного общественно опасного деяния и решить, какой норме закона, наказывающей за такое действие или бездействие, они соответствуют. Кроме того, необходимо установить также виновность определенного лица в совершении этого деяния.

Наибольший интерес для квалификации преступлений с точки зрения значения личности виновного, представляет вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом.

Признание лица особо опасным рецидивистом существенно влияет на квалификацию преступления и влечёт целый ряд вытекающих из этого последствий: возможность лишения свободы на срок до 15 лет, неприменение условно-досрочного освобождения, назначения исправительно-трудовой колонии особого режима и т. д. Основанием признания лица особо опасным рецидивистом является наличие у него прежних судимостей за преступления, предусмотренные перечнем. Но наличие только прежних судимостей является формальным основанием. Кроме того, нужна внутренняя связь между этими преступлениями, они должны свидетельствовать о прочно укоренившейся антиобщественной установке данной личности и тем самым о большой общественной опасности личности. Именно поэтому закон обязывает суд при рассмотрении вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом учитывать «характер и степень общественной опасности совершенного преступления, **личность виновного** и обстоятельства дела» (статья 24 УК РСФСР). Таким образом, закон даёт возможность суду даже и при наличии достаточного количества судимостей не признавать лицо особо опасным рецидивистом, поскольку характер вновь совершенного преступления и личность его совершившего не свидетельствуют о единой направленности этих действий на совершение новых преступлений, не согласуются с внутренней настроенностью личности. Этим подчеркивается важность глубокого и всестороннего изучения личности преступника для квалификации преступлений.

В тех случаях, когда при признании лица особо опасным рецидивистом ограничиваются одними формальными основаниями, т.е. только числом прежних судимостей, это неизменно ведёт к отмене или изменению приговора.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Томского областного суда изменила приговор Кировского районного суда в части

признания Пеляцкого особо опасным рецидивистом на том основании, что «суд подошёл к решению этого вопроса формально. Суд при этом не учёл, что Пеляцкий, отбывая наказание за первое преступление в исправительно-трудовой колонии, вёл себя хорошо, добросовестно относился к работе и примерно вёл себя в быту и освобождён... условно-досрочно. После освобождения из мест заключения работал на опытном заводе, где проявил себя только с положительной стороны. Хорошо учился, активно участвовал в общественной жизни».

Следует согласиться с коллегией, что «при таких обстоятельствах не было оснований считать Пеляцкого особо опасным для общества и признавать особо опасным рецидивистом».

На практике не всегда выполнялось требование об установлении прошлых судимостей лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, в отношении которых суды должны решать вопрос о признании их особо опасными рецидивистами. Это побудило Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по признанию лиц особо опасными рецидивистами» обязать суды требовать от органов следствия приобщать к делам не только справки о прежних судимостях таких лиц, получаемые из органов МООП, но и копии приговоров по прежним уголовным делам и другие документы, которые могут иметь значение для решения этого вопроса¹.

Изучение личности обвиняемого позволяет выявлять и устранять причины и условия, способствующие совершению преступления.

Наше представление о причинах любого явления тем достовернее, чем шире и существеннее выяснение обстоятельств происхождения этого явления. Это принципиальное положение применимо и к такому явлению, как преступление, одной из сторон которого является субъект, совершивший противоправное деяние.

Взаимосвязь изучения личности обвиняемого с изучением причин условий совершения преступлений не вызывает сомнений. А.А. Герцензон, например, утверждает, «что успешность выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления, во многом зависит от того, насколько правильно и всесторонне следователь и суд сумеют изучить лич-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4. С. 19.

ность обвиняемого»¹. Аналогичную же позицию в этом вопросе занимает и А.Б. Сахаров².

Всестороннее и глубокое изучение личности субъекта, совершившего преступление, предполагает изучение непосредственной среды, в которой формировалась данная личность. Это значит, что собираются сведения об условиях воспитания, обстановке в семье и времяпрепровождении обвиняемого, о круге его знакомых и друзей, трудовой деятельности и т.д., т.е. изучаются те коллективы, которые оказывают наибольшее влияние на формирование каждого человека. В результате, как правило, выявляется неблагоприятное положение в каком-то из этих коллективов и появляется возможность на него воздействовать. Закон в этом отношении также занимает активную позицию, обязывая органы следствия выяснять причины и условия, способствующие совершению преступления, и принимать меры по их устранению (ст. 140 УПК РСФСР).

Знание личности обвиняемого наряду с теми причинами и условиями, которые способствовали совершению преступления, открывают перед следователем возможности положительного влияния на обвиняемого с целью его перевоспитания уже в процессе расследования. Следователь всегда должен помнить о том, что процесс перевоспитания преступника начинается не в исправительно-трудовой колонии, а при первых же встречах с представителями органов, борющихся с преступностью, и использовать всякую возможность в этом направлении. К сожалению, на практике пока еще не всегда эти возможности используются, но осознание всей важности задачи перевоспитания лиц, совершающих преступления, уже в процессе расследования, несомненно, принесет свои положительные результаты. База для успешного проведения такой работы при условии всестороннего изучения личности обвиняемого, несомненно, имеется.

При обобщении данных о личности обвиняемого по категориям однородных дел (преступления против личности, имущественные преступления и т. д.) могут выявиться некоторые общие условия, способствующие совершению преступлений. Это предоставляет возможность делать более широкие выводы о причинах преступлений и, соответственно, разрабатывать общие профилактические ме-

¹ Герцензон А.А. Теоретические предпосылки изучения и предупреждения преступности // Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений. Госюриздат, 1962. С. 14.

² Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат, 1961. С. 272.

роприятия, направленные как на изменение среды, так и на изменение самой личности преступника, выработку в ней устойчивых установок, делающих невозможным совершение преступлений.

Доказательственное значение данных о личности обвиняемого

Вопрос о доказательственном значении данных о личности обвиняемого занимает особое место в проблеме изучения личности субъекта, совершившего преступление.

В литературе высказаны две прямо противоположные точки зрения по этому вопросу.

М.С. Строгович вполне определенно заявляет, что «данные о личности обвиняемого имеют значение только для определения степени опасности преступления и ответственности обвиняемого за доказанное совершенное им преступление, но сами они не являются доказательствами совершения обвиняемым преступления»¹.

Иную позицию занимает ряд авторов², которые признают в той или иной мере доказательственное значение за данными о личности обвиняемого. Наиболее полно этот вопрос исследовал Я. О. Мотовиловкер, который считает, что данные о личности обвиняемого «могут служить одним из косвенных обвинительных или оправдательных доказательств по делу. В этом качестве они используются прокурорско-следственными органами при построении той или другой версии, при решении вопроса о причастности лица к данному преступлению, о действительных мотивах его действий, о его виновности или невинности, а также при оценке его показаний»³.

Представляется, что в целом такая позиция является правильной и основанной на законе. Не случайно, что именно в последние годы в связи с принятием Основ уголовного законодательства и судопроизводства Уголовных и Уголовно-процессуальных кодексов союзных республик появились работы, которые ставят вопрос о доказа-

¹ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 279.

² См. Мотовиловкер Я. Доказательственное значение данных о личности обвиняемого // Соц. законность. 1959. № 9; Его же. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962; Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого. Госюриздат, 1961; Корсаков Б., Лобавин А.; Исследование личности обвиняемого // Соц. законность. 1959. № 2; Мудьюгин Г. Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого // Соц. законность. 1961. № 6; и др.

³ Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 122.

тельствственном значении данных о личности обвиняемого. Ст. 69 УПК РСФСР не делает каких-либо исключений, а напротив, подчеркивает, что доказательствами по уголовному делу признаются любые фактические данные, на основе которых можно установить наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, его совершившего, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Никто не утверждает обратного тому, что данные, характеризующие личность обвиняемого, влияют на степень и характер ответственности обвиняемого, и следовательно, они входят в группу иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Сомнение вызывает то обстоятельство, могут ли сведения, характеризующие личность обвиняемого, выступать в качестве доказательств причастности лица к совершению конкретного преступления и виновности в его совершении? Сомнения эти объясняются тем, что данные, характеризующие личность обвиняемого, на первый взгляд, зачастую не стоят ни в какой связи с фактом совершенного преступления.

Нередко в начальной стадии расследования создается такое положение, когда нет полной уверенности в виновности какого-либо одного лица, а образуется круг лиц, каждое из которых могло совершить данное преступление. Задача заключается в том, чтобы установить виновного. Основанием выдвижения версии о виновности конкретного лица могут выступать, наряду с другими обстоятельствами, те или иные конкретные данные о его личности, указывающие на какую-либо особенность, признак, присущий именно данному человеку, который проявился в совершении преступления. В частности, при совершении преступления могут проявиться профессиональные навыки обвиняемого.

Если при совершении преступления проявились навыки и приемы, которые присущи весьма распространенным профессиям и являются общедоступными, то в этом случае наличие их у обвиняемого не может являться каким-либо доказательством участия его в преступлении. Скорее всего, это будет не доказательство наличия, а доказательство отсутствия невозможности участия лица в совершении преступления. В том случае, когда при совершении преступления проявляются какие-то индивидуальные признаки, которые известны весьма ограниченному кругу лиц или даже одному лицу, это может служить косвенным доказательством совершения преступления данным лицом. Такие признаки могут проявиться при ис-

пользовании сложных механизмов или аппаратов (сварочный, автомобильный аппарат), они могут относиться к особенностям способа совершения преступления и т. п. Наличие данных о том, что обвиняемый обладает такими навыками, подтверждает уверенность, что именно им совершено преступление. Но и в этом случае нельзя забывать о том, что связь косвенных доказательств с предметом доказывания носит скрытый характер и может только предполагаться. Эта связь становится достоверной лишь с появлением новых доказательств, в совокупности с которыми выявляется их истинный характер связи с предметом доказывания¹.

Во всяком случае такие данные оказывают большую помощь при разработке круга лиц, которые могли совершить данное преступление, и при выдвижении версии по делу, а в дальнейшем, при подтверждении, они становятся косвенными доказательствами участия данного субъекта в совершении преступления.

Иногда сведения о личности обвиняемого выступают не прямо в качестве доказательств виновности или невиновности лица, а помогают оценить другие доказательства, имеющиеся в деле. В отличие от предыдущего при этом принимаются во внимание, как правило, не отдельные сведения о личности обвиняемого, а вся совокупность данных, общая характеристика личности. По основе всестороннего знания личности создается твердое убеждение, говорит ли человек правду или дает неверные, неправдивые показания.

Общая характеристика личности как таковая не может выступать в качестве доказательства. Но характеристика личности складывается из отдельных свойств и сторон личности, и естественно, что оценка показаний обвиняемого мотивируется конкретными данными, а не ссылкой на общую характеристику личности. Эта оценка будет тем убедительнее и тем больше отвечать истине, чем больше данных о личности будет положено в ее обоснование.

Следственной практике известны случаи, когда положительная характеристика личности обвиняемого вызывала сомнения в достоверности совершения им преступления, когда, казалось бы, все говорило о том, что именно это лицо совершило его. В одном из выпусков «Следственной практики» приводится случай, когда при наличии опознания преступника двумя потерпевшими, совпадения номера машины и других доказательств, следователь вначале лишь

¹ *Хмыров А.А.* Некоторые вопросы теории и практики применения косвенных доказательств в расследовании преступлений // Сов. гос-во и право. 1965. № 2. С. 98.

усомнился, что именно Иващенко совершил это преступление, так как «в беседах с рабочими и служащими Иващенко характеризовался только с положительной стороны, а многие высказывали сомнение в возможности совершения им такого преступления», а позднее, опять-таки с помощью общественности и через изучение личности, установил истинного преступника¹.

В другом деле был предотвращен самооговор о совершении убийства, так как никак не сочеталось поведение обвиняемого Полюко на следствии, когда он, «шутя и улыбаясь, рассказывал об убийстве жены, что мог делать лишь закоренелый преступник, с данными о нем, которые говорили, что в прошлом Полюко никогда к уголовной ответственности не привлекался, а на работе его считали хорошим производственным»².

Доказательственное значение данных о личности обвиняемого, которыми мотивируется оценка его показаний, заключается в том, что они устанавливают достоверность или недостоверность показаний обвиняемого как источника сведений о фактах, и этим самым они находятся в некоторой, хотя и отдаленной, связи с главным фактом.

Таким образом, доказательственное значение при расследовании и рассмотрении дела могут иметь как отдельные данные о личности обвиняемого, так и совокупность их, дающая общую характеристику личности этого лица. Эти данные являются косвенными доказательствами и приобретают свое значение лишь в совокупности с другими доказательствами по делу.

Глава II. Пределы изучения личности преступника

Решить вопрос о пределах изучения личности субъекта, совершившего преступление, — это значит определить объем необходимых данных, наметить пути изучения, которые раскрывали бы содержание личности, наполняли это содержание конкретными сведениями, дающими в совокупности всестороннее представление о данном человеке. После того как будет выяснено, из чего же конкретно складывается характеристика личности, появляется возможность заранее направлять усилия на получение необходимых данных.

Правильное разрешение вопроса о пределах изучения личности дает также основу для научно обоснованной классификации сведе-

¹ См.: Следственная практика. Вып. 65. С. 55.

² См.: Там же. Вып. 59. С. 109.

ний о личности субъекта преступления, что имеет немаловажное значение не только для теоретической разработки этого вопроса, но и для работы органов следствия, суда и исправительно-трудовых учреждений. Классификация сведений о личности служит базой для разработки и внедрения в практику работы всех органов, ведущих борьбу с преступностью, единообразного обобщающего документа по изучению личности субъекта преступления.

В законодательстве не определены пределы изучения личности виновного, отдельные указания по этому вопросу содержатся в Основах уголовного законодательства и судопроизводства, в Уголовных и Уголовно-процессуальных кодексах союзных республик.

В общей форме такое указание содержится, например, в ст. 68 УПК РСФСР. При перечислении обстоятельств, подлежащих доказыванию по всякому уголовному делу, устанавливается, что при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательства в суде подлежат доказыванию: «...3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в ст. ст. 38 и 39 УК РСФСР, а также и н ы е о б с т о я т е л ь с т в а , х а р а к т е р и з у ю щ и е л и ч н о с т ь о б в и н я е м о г о » (разрядка моя. – Н.В.).

В ряде статей УПК РСФСР перечисляются иные конкретные сведения о личности совершившего преступление, которые необходимо устанавливать во всяком деле. Так, в ст. 151 УПК называются сведения, относящиеся к так называемым биографическим данным: фамилия, имя, отчество, время и место рождения, гражданство, национальность, образование, семейное положение, место работы, род занятий, должность, место жительства, прежняя судимость. В ст. УПК в числе других называется состояние здоровья, которое учитывается при решении вопроса о мере пресечения и, следовательно, должно устанавливаться.

Верховный Суд СССР в своих постановлениях также неоднократно давал указания о том, какие данные личности подсудимого должны содержаться в делах.

Так, в Постановлении от 4.VI. 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» Пленум Верховного Суда СССР указал, что сведения о личности совершившего преступление «должны включать не только сведения о его имени, отчестве, фамилии, но и данные о его семейном положении, о его занятиях, отношении к производству, о поведении в быту, прошлом, а так-

же иные сведения, положительно или отрицательно характеризующие подсудимого»¹.

Во всех названных и других случаях, когда дается перечень сведений о личности виновного, обращает на себя внимание то, что этот перечень примерный, и разъясняется, что в деле могут содержаться и иные сведения, которые окажутся необходимыми по обстоятельствам дела.

Таким образом, законодатель не дает полного перечня сведений о личности совершившего преступление, предоставляя решение этого вопроса органам дознания, следствия и суда, связывая его с обстоятельствами каждого конкретного уголовного дела.

Судебная практика в этом отношении весьма многообразна. Возьмем несколько примеров из практики Верховного Суда СССР. Так, в постановлении Пленума по делу Бочарова говорится, что «в момент совершения преступления Бочаров имел возраст 19 лет, до этого ни в чем предосудительном замечен не был, ранее не судим, воспитывался без отца в трудных материальных условиях» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1965. № 2. С. 20); в постановлении Пленума по делу Степаннинова – «характеризуется исключительно положительно как до военной службы, так и за период службы в армии, является членом бюро комсомольской организации подразделения. Предосудительных поступков не совершал» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1965. № 2. С. 25); в постановлении Пленума по делу Касимова – «часто пьянствовал и нарушал общественный порядок, создавая соседям невозможные условия для проживания» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1965. № 6. С. 36).

В юридической литературе предпринимались неоднократные попытки дать общую формулу изучения личности субъекта преступления, которая была бы применима во всяком уголовном деле. Наиболее полную формулу приводит М.М. Гродзинский. Он писал, что судебному исследованию подлежат те стороны личности, которые находятся в соответствии или, напротив, в прямом противоречии с характером и особенностями рассматриваемого судом преступного деяния и тем самым оказывают свое влияние на решение вопроса о виновности обвиняемого и о размерах его ответственности².

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 4. С. 50.

² Гродзинский М.М. Судебное исследование личности обвиняемого// Журнал Министерства юстиции. 1916. № 8. С. 69.

Таким определением М.М. Гродзинский как бы разделил все данные о личности субъекта, совершившего преступление, на две группы в зависимости от характера совершенного им преступления. При этом вне поля зрения органов следствия и суда остаются другие данные, которые характеризуют личность совершившего преступление, но не относятся ни к той, ни к другой группе, т. е. и не сочетаются, и не противоречат характеру совершенного преступления.

При определении пределов изучения личности преступника, разумеется, нельзя совершенно абстрагироваться от совершенного им преступления, но нельзя также исходить лишь из совершенного деяния. Это может привести к тому, что не будут исследованы некоторые стороны личности и, следовательно, не будет выполнена задача всестороннего изучения личности субъекта преступления.

Нельзя забывать также, что значение изучения личности виновного не ограничивается решением вопросов виновности и степени ответственности подсудимого, а играет не меньшую роль в деле последующего исправления и перевоспитания его.

В этом отношении более правильным представляется определение объема необходимых сведений о личности обвиняемого, которое дают Б.Л. Корсаков и А.А. Любавин. Они пишут, что «судебному исследованию подлежат все факты, при помощи которых выясняется виновность или невиновность обвиняемого, определяется вид и размер наказания и наиболее эффективные пути управления. Суд должен иметь как можно более полное представление о личности виновного»¹. Но такое общее определение также не дает точного критерия, какие же сведения о личности виновного необходимо иметь во всяком уголовном деле. В теоретическом плане не вызывает сомнения то положение, что чем полнее будет исследована личность преступника, тем больший материал будет в распоряжении органов следствия, суда и исправительно-трудовых учреждений для решения всех вопросов по делу и проведению работы по перевоспитанию осужденного. Но нужно учитывать также и практические возможности органов следствия и суда по изучению личности субъекта, совершившего преступление.

¹ Корсаков Б., Любавин А. Исследование личности обвиняемого // Соц. законность. 1959. № 2. С. 23.

В последние годы появился ряд работ¹, авторы которых делают попытки по-своему решить вопрос об объеме сведений о личности субъекта преступления. Они уже не довольствуются общими формулами, а пытаются расшифровать их. В своих предложениях они определяют, какие же данные, характеризующие личность субъекта преступления, имеют значение при решении того или иного вопроса по делу и, таким образом, очерчивают круг наиболее необходимых сведений.

Одной из последних работ и этом плане является статья С.С. Степичева и А.М. Яковлева «Изучение личности обвиняемого и осужденного». С.С. Степичев, автор той части работы, где дается перечень групп сведений о личности, называет десять таких групп, но в итоге признает что «приведенный перечень не является исчерпывающим»².

Однако это совсем не означает, что следует согласиться с утверждением тех, кто считает, что установить заранее, какие именно свойства личности нужно изучать, невозможно, «так как область исследования в данном случае является весьма широкой и по внутреннему своему содержанию чрезвычайно разнообразной, соответственно тому разнообразию, какое представляют собой психические переживания человеческой личности; вследствие этого никакой перечень, как бы он ни был подробен, не будет исчерпывающим и сама перечневая система представляется поэтому совершенно бесполезной»³ (разрядка моя. – Н.В.).

Если рассмотреть предложения авторов, которые путем перечня сведений, характеризующих личность виновного, стремятся наметить пределы изучения, то можно заметить, что за основу при этом берутся указания закона о необходимости установления тех или иных конкретных данных о личности субъекта, совершившего преступление, для правильного решения отдельных вопросов по делу:

¹ См.: Герцензон А.А. Об изучении и предупреждении преступности // Сов. гос-во и право. 1960. № 7; Утевский Б. К организации и методике изучения преступности и преступника // Сов. гос-во и право. 1959. № 11; Степичев С.С. Формы и методы изучения личности преступника // Сов. законность. 1960. № 8; Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого. Госюриздат, 1961; Бурчанинов В.П. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования // Материалы научной конференции. Томск, 1961; и др.

² Степичев С.С., Яковлев А.М. Изучение личности обвиняемого и осужденного // Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений: Сб. статей. Госюриздат, 1962. С. 59.

³ Гродзинский М. Указ. соч. С. 63.

сведения, принимаемые во внимание при избрании меры пресечения, при квалификации деяния, при назначении меры наказания и вида исправительно-трудовой колонии и т. д. В итоге такой работы собирается комплекс данных, характеризующих личность субъекта, совершившего преступление, но не создается цельного представления о нем, отдельные стороны личности упускаются из вида и не изучаются в процессе расследования и рассмотрения дела, хотя в дальнейшем может оказаться, что именно данные об этой стороне личности необходимы.

Основопологающим при определении объема изучения личности субъекта, совершившего преступление, является то, что личность человека, совершившего в силу ряда обстоятельств объективного и субъективного характера преступление, должна изучаться как личность члена общества, определенного человеческого коллектива¹. С учетом этого при определении пределов изучения личности виновного следует исходить не из простого перечисления данных, характеризующих личность, а из того, чтобы при изучении были охвачены все стороны личности. Следовательно, пределы изучения преступника следует понимать не в смысле определения заранее абсолютно точного и полного перечня сведений о личности, а в смысле указания основных направлений этого изучения, охватывающих в своей совокупности все главные стороны личности человека, совершившего преступление, как члена общества, коллектива и как самостоятельного индивида.

Каждое взятое в отдельности сведение о личности виновного по своему содержанию относится или к какой-либо конкретной стороне общественной жизни или к свойству самой личности. В итоге получается, что существует своеобразная группировка, классификация сведений, установление которых и позволит решить вопрос о пределах и объеме изучения личности преступника.

Советская психологическая наука при изучении личности исходит из того, что «личность... проявляет и характеризует себя своими отношениями. Существенными отношениями личности являются отношения к обществу и людям, собственным обязанностям – общественным и трудовым, качествам собственной личности. Эти отношения характеризуют нравственный облик личности, её жизненную позицию в обществе, коллективе»².

¹ См.: Карпец И.И. О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Сов. гос-во и право. 1961. № 4. С. 9.

² Ковалев Л.Г. Психология личности. Л., 1963. С. 14.

Если говорить о личности как собирательном понятии, то прежде всего следует рассматривать общественные стороны этого явления. В праве же под личностью понимается в первую очередь личность конкретного человека, поскольку деяние совершается конкретным человеком и ответственность может нести только данный человек и никакой иной. С учетом этого замечания при аналитическом рассмотрении сведений о личности виновного можно выделить следующих два больших раздела.

В первый раздел сведений, характеризующих личность виновного, группируются данные, указывающие на такие признаки и особенности личности, совокупность которых отличает каждого человека от других людей.

Второй раздел сведений составляют данные, характеризующие отношения личности к обществу, коллективу, к другим людям как членам коллектива, к труду.

Сведения, входящие в первый раздел, можно назвать индивидуализирующими данными о личности субъекта, совершившего преступление. В этом разделе выделяются три группы сведений.

1. Биографические данные.
2. Сведения о материальном положении обвиняемого.
3. Сведения о состоянии здоровья и психологических особенностях.

Сведения, составляющие второй раздел, объединяются общим названием – общественная характеристика личности субъекта, совершившего преступление. В этом разделе выделяются также три группы данных:

1. Сведения, составляющие общественно-производственную характеристику личности.
2. Сведения, составляющие общественно-политическую характеристику личности.
3. Сведения, составляющие общественно-бытовую характеристику личности.

Поскольку речь идет об изучении личности человека, который совершил общественно опасное деяние, то важным характеризующим эту личность моментом является также отношение данного лица к содеянному и поведение его в ходе расследования. Сведения об этой стороне личности виновного составляют отдельную группу данных, не входящую ни в один из названных разделов, так как по

своей природе эти сведения могут относиться и к первому, и ко второму разделу.

Таким образом, вся совокупность данных о личности субъекта преступления делится на семь групп, и любые конкретные сведения, какого бы содержания они не были, относятся к той или иной из вышеуказанных групп. Именно в смысле установления исчерпывающего перечня групп сведений, в основе которых лежат различные стороны личности всякого человека, можно говорить о пределах изучения личности виновного, имея в виду любое уголовное дело.

Иными словами, говоря о пределах изучения личности субъекта преступления, следует исходить не из перечня конкретных сведений, а из перечня групп, которые охватывают основные стороны личности и в этом смысле дают всестороннее представление о человеке.

Установить же исчерпывающий перечень сведений внутри всех групп невозможно, так как при изучении конкретного человека у него выявляется индивидуальное, которое бесконечно разнообразно. Поэтому говорить о пределах изучения личности субъекта преступления путём составления перечня сведений неправильно. Можно установить исчерпывающий перечень сведений, например, в группе биографических данных, но в других группах указать лишь наиболее существенные и необходимые по любому уголовному делу. В процессе расследования и рассмотрения дела, зная основные направления изучения личности виновного и имея примерный перечень конкретных данных внутри групп, можно корректировать этот перечень в зависимости от обстоятельств дела по усмотрению органов дознания, следствия и суда, дополняя его теми данными, которые, по их мнению, не отражены в группах, но имеют значение.

Руководящей нитью при включении тех или иных сведений о личности в примерный перечень внутри групп служат положения советской психологической науки об основных сторонах и структурных свойствах человеческой личности. «К этим основным сторонам или группам качеств относятся биологически обусловленные особенности личности, особенности ее отдельных психических процессов, уровень ее подготовленности (опыт личности) и социально обусловленные качества личности»¹. В первую очередь нас интересуют социальные качества личности.

¹ *Платонов К.К.* Некоторые теоретические проблемы изучения личности // О чертах личности нового рабочего: Сб. статей. 1963. С. 9–10.

Личность раскрывается и характеризуется уровнем общественно-трудовой активности и продуктивности. Ни для общества в целом, ни для развития духовного облика самой личности небезразлично, является ли человек активным производителем материальных или духовных ценностей или же только потребителем общественных благ, тунеядцем. Кроме того, человека характеризуют не только дело и поведение его в обществе. «Личность характеризуется, – по выражению Ф. Энгельса, – не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает»¹. Поведение личности вытекает из её отношений, но не сводится к ним, поведение во многом обуславливается конкретной ситуацией, где не последнюю роль при этом играют эмоционально-волевые и интеллектуальные особенности личности.

При изучении личности конкретного человека нельзя оставлять вне внимания его психологические качества. Наиболее общими из них являются характер и темперамент. Под характером понимается индивидуально ярко выраженные и качественно своеобразные психологические черты человека, влияющие на его поведение и поступки². Темперамент является динамической стороной характера «Темперамент есть самая общая характеристика каждого отдельного человека, – отмечает И.П. Павлов, – самая основная характеристика его нервной системы, а эта последняя кладет ту или другую печать на всю деятельность каждого индивидуума»³.

Но необходимо тут же оговориться, что нельзя допускать при изучении личности субъекта, совершившего преступление, увлечения биопсихологическими особенностями, так как психическое в человеке в конечном счете обуславливается в основном материальными условиями. Под материальными условиями имеется в виду совокупность общественных, объективных отношений, а не грубо материальные условия жизни. Еще И.М. Сеченов заметил, что «в неизмеримом большинстве случаев характер психического содержания на 999/1000 дается воспитанием в обширном смысле слова и только на 1/1000 зависит от индивидуальности»⁴.

Исходя из всего ранее сказанного можно предложить следующую классификацию сведений о личности субъекта, совершившего преступление.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 29.

² Левитов И.Д. Вопросы психологии характера. М., 1956. С. 14.

³ Павлов И.П. Двадцатилетний опыт работы. М.: Медгиз. 1956. С. 299.

⁴ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. Избр. произведения. СПб., 1866. С. 115.

I. Биографические данные.

Фамилия, имя, отчество, число, месяц (для несовершеннолетних) и год рождения, национальность, место рождения, образование, партийность, специальность, стаж работы, семейное положение, место жительства, прежняя судимость, для несовершеннолетних — сведения о родителях.

II. Сведения о материальном положении.

Наличие на иждивении обвиняемого малолетних детей или других нетрудоспособных, кто из членов семьи работает, общий доход семьи, зарплата обвиняемого, жилищные условия семьи и т.д., для несовершеннолетних — условия жизни и воспитания в семье.

III. Сведения о состоянии здоровья и психологические особенности виновного.

Общее состояние здоровья, физические недостатки, наличие стойкого заболевания, группа инвалидности, сведения о характере, темпераменте, волевых и эмоциональных свойствах и т. д.

IV. Общественно-производственная характеристика. Сколько времени работал на данном предприятии или учился в данном заведении, отношение к труду (учебе), дисциплина труда, отношение к товарищам по работе (учебе), участие в общественной жизни предприятия (учебного заведения), наличие дисциплинарных или общественных взысканий и поощрений и т. д.

V. Общественно-политическая характеристика.

Состоит ли в КПСС или ВЛКСМ, участвует ли в работе партийных, комсомольских, советских и других общественных организаций, участвовал ли в Великой Отечественной войне, какие награды и почетные звания имеет, общественное лицо виновного.

VI. Общественно-бытовая характеристика.

Взаимоотношения в семье обвиняемого и его отношение к членам семьи, образ жизни и круг знакомств, употребление алкоголя, отношение к соседям. Участие в общественной работе по месту жительства, наличие общественных или административных взысканий и т.д.

VII. Отношение виновного к содеянному и поведение в ходе следствия. Мотивы и цель совершения преступления (если они не являются элементами состава преступления). Наличие опьянения при совершении преступления. Явка с повинной, раскаяние в содеянном, способствование раскрытию преступления, заpiresательство в ходе следствия.

Приведенная схема может служить программой для изучения личности субъекта, совершившего преступление, органами дознания, следствия и суда.

Она имеет последовательное размещение всех данных, составляющих характеристику личности в определенном понимании, имеет немаловажное практическое значение, так как не распыляет внимание изучающих.

Такая классификация способствует также тому, что при условии получения этих данных создается цельное представление о личности субъекта преступления. Суд и исправительно-трудовые учреждения при поступлении этих данных к ним получают возможность использовать в своей деятельности как всю совокупность сведений, так и при необходимости акцентировать внимание на характеристике отдельных сторон и свойств личности.

Глубокое и всестороннее изучение личности виновного приводит неизбежно к тому, что выясняются условия нравственного формирования данного человека и, таким образом, выясняются также условия, которые способствовали совершению преступления. Естественно, это дает возможность активно воздействовать на устранение таких условий.

Наконец, с упорядочением системы изучения личности субъекта, совершившего преступление, появляется база для построения более обоснованной и полной анкеты по изучению личности обвиняемого, предложение о создании которой выдвигаются и поддерживаются рядом авторов¹.

Глава III. Методика собирания данных, характеризующих личность преступника

§ 1. Источники и планирование сбора сведений о личности преступника

Основополагающим при разработке методики изучения личности субъекта, совершившего преступление, следует считать требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании

¹ См.: Герцензон А.А. Об изучении преступности // Советская криминалистика на службе следствия. 1958. Вып. XI; Степичев С.С. Формы и методы изучения личности преступника // Соц. законность. 1960. № 8; Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат, 1961. С. 273; Лейкина Н.С. Вопросы профилактики преступности в СССР // Сов. гос-во и право. 1960. № 7.

обстоятельств дела. Как уже отмечалось ранее, оно включает в себя не только выяснение обстоятельств самого преступления, но и тщательное изучение личности того, кто его совершил. Выполнение этого требования обязывает в первую очередь органы следствия (а затем и суд) постоянно и на протяжении всего расследования дела уделять изучению личности субъекта преступления такое же пристальное внимание, как и исследованию самого факта преступления. Именно это положение обязывает использовать все возможные, в рамках закона, способы и приемы установления и собирания данных, характеризующих личность преступника.

Как известно, преступное деяние и лицо, его совершившее, представляют собой две составные части одного явления. Из этого вытекает, во-первых, необходимость и правомерность в равной мере тщательного изучения обеих этих частей и, во-вторых, то, что методика познания и закрепления данных, проливающих свет на одну из частей, сторон явления, применима и к изучению другой. При этом также нужно учесть, что расследование общественно опасных деяний и установление всех обстоятельств дела протекает в закрепленных уголовно-процессуальным законом формах и методах. Следовательно, изучение личности субъекта, совершившего преступление, может иметь место лишь в рамках норм, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Поскольку изучение личности субъекта преступления составляет необходимую часть работы по всякому уголовному делу и неотделимо от установления фактов самого деяния, оно может осуществляться одновременно и в ходе проведения следственных действий.

Получение данных о личности преступника преследует вполне определенную цель – изучить всесторонне личность данного человека, чтобы иметь цельное и объективное представление о нем.

Изучение личности – весьма широкое понятие. Многосторонность самой личности вызывает необходимость применения различных методов ее изучения. Важное место в изучении личности всякого человека занимает, например, изучение его психологических особенностей. Судебная психология как самостоятельная отрасль общей психологии использует такие методы, как наблюдение, анкетирование, беседа, анализ процесса и результатов деятельности, лабораторный и естественный эксперименты, обобщение следственной и судебной практики. Разумеется, в условиях расследования нет возможности и необходимости применять все перечисленные мето-

ды, но некоторые из них применялись и применяются для изучения личности субъекта преступления в процессе расследования дела. Следователи широко пользуются при изучении личности преступников такими методами, как непосредственное наблюдение в процессе общения с ним и в ходе расследования, беседа с обвиняемым, анализ результатов и процессов его деятельности и др. Одна из задач судебной психологии и, в частности, ее раздела, относящегося к предварительному расследованию, заключается в том, чтобы разработать наиболее эффективные приемы и формы применения этих методов к изучению личности преступника.

Самостоятельным способом изучения личности субъекта, совершившего преступление, может явиться также психологическая экспертиза. При условии разработки научно обоснованной методики ее проведения психологическая экспертиза может завоевать право на свое существование и стать одним из источников информации о личности преступника.

Вопрос об источниках сведений о личности преступника решается исходя из общих положений об источниках доказательств в уголовном процессе. Основанием выводов о личности субъекта преступления, как и о событии преступления, могут быть лишь фактические данные. Также и при установлении события преступления, виновности лица в его совершении и других обстоятельств дела, фактические данные о личности преступника могут быть почерпнуты из перечисленных в законе источников. Ст. 69 УПК РСФСР называет эти источники: показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Чаще других в процессе расследования при изучении личности субъекта, совершившего преступление, используются такие источники, как показания свидетелей и обвиняемых, протоколы следственных действий, и особенно различного рода документы (характеристики, справки, письма и т. д.).

Нет необходимости останавливаться на подробной характеристике каждого из источников доказательств. Следует лишь отметить, что по своей природе все эти доказательства представляют собой сообщения различных лиц, т. е. передачу воспринятой и психически переработанной человеком информации о тех фактах, которые он наблюдал или слышал. Различной является процессуальная форма этих сообщений: в одних случаях это показания, когда речь идет

о свидетелях, обвиняемых, потерпевших; в других – протоколы следственных действий, в третьих – заключения экспертов и т.д.

Некоторое отличие в этом плане представляют доказательства, входящие в группу «иных документов». Для них нет закрепленной в законе формы, и потому отмечается большое разнообразие их. Это могут быть документы государственных и общественных организаций и учреждений, как исполненные до события преступления, так и после него, специально для органов следствия; могут быть и документы, исходящие от отдельных лиц в виде писем, дневников и т. д. Но при внимательном рассмотрении в каждом из них также можно обнаружить те же элементы, которые содержатся во всяком доказательстве-сообщении, а именно: содержание сообщения (что именно сообщается); лицо, от которого оно исходит, и определенную, принятую для каждого документа, форму сообщения.

О тех или иных свойствах личности могут свидетельствовать также материальные объекты, различные предметы и вещи. Нередко такие объекты не могут быть изъяты и представлены в натуре, да это порой и не вызывается необходимостью, но они могут быть заменены их фотографиями.

Указанные в законе источники доказательств дают возможность полно и всесторонне изучить личность субъекта, совершившего преступление, но с помощью этих источников следователь получает информацию, уже переработанную, осмысленную другими людьми, т.е. изучает преступника «чужими глазами».

В отношении самого факта преступления такой путь установления его является единственно возможным, так как, во-первых, расследование преступления – это всегда познание факта, имевшего место в прошлом, и во вторых, следователь не может участвовать в расследовании дела, если он наблюдал событие преступления непосредственно (ст. 59, 64 УПК РСФСР). В отношении же изучения личности преступника эти условия не действуют, потому что изучается не только прошлое, но и настоящее данного субъекта, но следователь (а также суд) имеет возможность непосредственно наблюдать и изучать проявления различных свойств и качеств личности. Все это дает основание для вывода о возможности для следователя изучать личность субъекта, совершившего преступление, путем непосредственного наблюдения за ним в ходе следствия. Таким образом, получа-

ется, что следователь также может выступать в качестве источника данных о личности преступника¹.

Исследование личности преступника входит в предмет доказывания, и потому собирание данных о личности соответствует общим положениям собирания доказательств о других обстоятельствах дела. Но специфика самого объекта исследования порождает некоторые особенности и в методике его изучения.

Отличительной чертой сведений о личности, поступающих из некоторых источников, является то, что они нередко содержат не столько фактические данные о той или иной стороне или признаке личности, сколько готовые оценки отдельных свойств личности. Это обязывает критически относиться к таким оценкам и выяснять факты, на которых они основаны. Общая характеристика личности субъекта, совершившего преступление, должна, несомненно, основываться на проверенных органами следствия и судом фактических данных.

Нельзя не отметить также такую специфику личности, которая влияет на методику изучения ее. По своей природе личность всякого человека, и преступника в том числе, является многосторонним, многозначным продуктом общественной жизни, раскрывающимся лишь на протяжении довольно длительного промежутка времени. Это накладывает свой отпечаток на характер и методику получения данных о личности преступника, так как приходится устанавливать самые разнообразные данные о различных периодах жизни одного человека, порой не имеющих непосредственной связи с совершенным им преступлением. Так, в частности, если обвиняемый работает недавно на данном предприятии или в учреждении, то возникает необходимость запросить характеристику на него из учреждения и с предприятия, где он работал ранее. В других случаях приходится прибегать к допросам лиц, которые знали обвиняемого на протяжении длительного периода времени, хотя о самом факте совершенного им преступления они могут и не знать и т. д.

Многоплановость и большой объем работы по сбору данных о личности субъекта, совершившего преступление, а также небольшой срок расследования, за который необходимо выяснить все об-

¹ Подобный вывод делает Л.А. Эйсман. Полагая, что источниками доказательств являются лица, дающие ту или иную информацию по обстоятельствам дела, он считает указанный в законе перечень источников не исчерпывающим и расширяет его, называя в числе источников следователя, понятых, специалиста и др. (См.: О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопросы предупреждения преступности. 1965. Вып. I).

стоятельства дела и одновременно изучить личность преступника, — все это со всей очевидностью ставит вопрос о необходимости планирования сбора сведений о личности преступника как средства, обеспечивающего достижение цели кратчайшим путем. Так же как и планирование следствия, планирование изучения личности обвиняемого является методом организованного изучения и представляет собой заранее продуманную совокупность приемов получения сведений о личности субъекта преступления.

Бессистемность в собирании данных о личности преступника является наиболее распространенным недостатком работы органов следствия. Она приводит к тому, что в ходе расследования некоторые стороны личности субъекта преступления оказываются не изученными, а это влечет или повторное проведение отдельных следственных действий, в частности допросов свидетелей, или, что еще чаще, дело в таком виде поступает в суд. Суд же, в силу специфики своей работы, не всегда имеет возможность более глубоко изучать личность преступника.

Так, по делу о зломном хулиганстве Киреева в столовой завода во время допросов его жены и матери следователь даже не ставил перед ними вопросов о том, как вообще ведет себя Киреев в быту. Позднее из характеристики с места жительства выяснилось, что он систематически устраивает дома скандалы, избивает жену и мать, выгоняет их из квартиры, и следователь был вынужден проводить повторные допросы матери и жены, а также дополнительно по этим вопросам допрашивать соседей Киреева.

§ 2. Получение сведений о личности обвиняемого в процессе некоторых следственных действий

Осмотр места происшествия. Осмотр места происшествия является одним из первоначальных и, как правило, неотложных следственных действий, результаты которого служат базой дальнейшего расследования. Одной из задач осмотра места происшествия является выявление данных, направленных на установление личности виновного. Это, прежде всего, различного рода следы (следы обуви, ладоней, пальцев рук, босых ног), по которым возможна идентификация, а также признаки, указывающие на физические особенности лица, совершившего преступление (пол, рост, физическая сила и т. д.). В плане нашего исследования интерес представляют те данные, которые указывают на личность совершившего

преступление, и в особенности те, которые характеризуют ее. В этом плане можно говорить о возможностях определения по объективным данным физических особенностей преступника; о фактах, указывающих на степень осведомленности преступника относительно условий, в которых будет совершаться преступление; о данных, свидетельствующих о числе преступников и роли каждого из них в совершении преступления; о мотивах и цели преступления; о признаках, по которым можно составить представление о профессиональных навыках лица, совершившего преступление. В отдельных случаях осмотр места происшествия может принести и другие данные, проливающие свет на ту или иную черту, свойство личности. Внимательное изучение обстановки места происшествия зачастую позволяет найти признаки, указывающие на некоторые физические особенности преступника, в частности, на его рост, фигуру, силу, ловкость и т. д.

Значение названных и других данных о физических особенностях преступника заключается не только в том, что они помогают в определении направления розыска преступника, но и в том, что при обнаружении преступника эти данные, если они достоверны и полностью согласуются с другими признаками его личности, являются дополнительными доказательствами причастности этого субъекта к совершению преступления.

В начальной стадии расследования, когда зачастую преступник еще не известен персонально, важно очертить как можно более узкий круг лиц, которые могли совершить данное преступление или быть причастны к нему. Позднее, в ходе расследования, собирая другие сведения и действуя методом исключения, определить действительного преступника. Анализ обстановки на месте происшествия нередко дает такую возможность. В первую очередь о круге лиц, которые могли совершить преступление, говорят признаки, указывающие на знакомство преступников с обстановкой, в которой они действовали.

Так, осмотром места кражи 1400 руб. из бухгалтерии Томского горпищескомбината было установлено, что преступники проникли внутрь помещения, взломав входную дверь, поднялись на второй этаж, через окно выдачи кассы проникли в бухгалтерию и с помощью электродрели взломали сейф.

Маршрут движения по месту происшествия (чтобы попасть в бухгалтерию, нужно было пройти несколько коридоров и сделать

ряд поворотов), наличие у преступников заранее подготовленного инструмента для взлома сейфа (электродрели) и знание о наличии денег в кассе – все это говорило о том, что среди лиц, совершивших кражу, находился человек, который работает или работал на этом предприятии. В дальнейшем эта версия подтвердилась.

Обстановка и следы на месте происшествия могут свидетельствовать о числе преступников и роли каждого из них в совершении преступления. Эти данные, кроме того, что они влияют на квалификацию и общественную опасность преступления, в определенной мере характеризуют личность каждого из участников деяния, отмечают степень его активности в совершении преступления.

Следующий пример из практики иллюстрирует это положение. К складу магазина подошли двое преступников, один нагнулся, уперся руками в грунт, а другой встал ему на плечи и проник в чердачное помещение. В произведенный пролом в потолке спустился тот из них, который первым поднялся на чердак, а другой принимал вещи на чердаке. Третий участник кражи все время стоял на улице у входной двери магазина и ушел в противоположную сторону, чем двое первых.

Выводы следователя о роли каждого из участников преступления в совершении его отразили действительное распределение обязанностей между ними.

Непосредственное отношение к изучению личности субъекта, совершившего преступление, имеет установление его профессии (имеется в виду его производственная профессия). Сам по себе факт применения преступником того или иного орудия преступления характеризует его как личность, обладающую конкретными особенностями и возможностями. Профессиональные навыки преступника, проявляясь в механизме совершенного преступления, отображаются в способе преодоления преград, в характере использованных при этом орудий, инструментов и т.д. Иногда в способе совершения нескольких преступлений проявляются настолько специфические и однотипные приемы и орудия, что можно почти безошибочно определить – исполнителем их было одно и то же лицо. Практике известны случаи раскрытия преступлений по способу их совершения. В наших условиях, при отсутствии профессиональной преступности, однотипные способы совершения преступлений – «модусы» – как правило, являются отражением не воровской, а производственной профессии.

Разумеется, нельзя всегда сразу же при осмотре места происшествия быть окончательно уверенным, что при совершении преступления проявилась именно та производственная профессия лица, которой он владеет. Но в большинстве случаев это правило подтверждается, и потому при осмотре места происшествия необходимо приложить усилия, чтобы обнаружить признаки, указывающие на профессию лица, совершившего преступление.

Нельзя отрицать, что мотив преступления, который должен быть установлен в каждом умышленном преступлении, характеризует личность преступника. Тщательный осмотр и анализ обстановки места происшествия с учетом результатов преступных действий проливает свет на мотив, которым руководствовался преступник при совершении преступления, показывает корыстолюбие, жестокость, цинизм или другие черты личности.

Следственная практика изобилует случаями, когда осмотр места происшествия предоставляет данные, по которым можно делать достоверные выводы о тех или иных признаках, характеризующих личность преступника. Так, иногда характер похищенного указывает не только на цель преступления, но и на свойство личности.

В особенности это проявляется тогда, когда целью хищения являлись какие-либо специфические материалы или вещества. Идя по этому пути, следователь с помощью работников уголовного розыска может довольно быстро установить преступников.

Каждый из указанных моментов, выявленных при осмотре места происшествия, характеризует лишь некоторые и даже не основные стороны личности преступника, но в результате анализа всей обстановки места происшествия, учитывания мелких штрихов и деталей может сложиться определенное представление о личности субъекта, совершившего преступление. Это представление о свойствах личности преступника дополняется и уточняется по мере изучения этого преступника в процессе дальнейшего расследования. Поэтому нельзя пренебрегать возможностями этого следственного действия в деле собирания данных о личности субъекта преступления. Это тем более важно еще потому, что, как правило, осмотром места происшествия начинается расследование большинства дел, и естественно желание как можно быстрее и больше узнать о личности субъекта, совершившего данное преступление.

О б ы с к . Гораздо большие возможности для изучения личности преступника, чем осмотр места происшествия, дает обыск.

Обыск может проводиться по месту работы, но чаще всего он проводится по месту жительства обвиняемого или подозреваемого. И в том, и в другом случае личное знакомство следователя с обстановкой и условиями, где протекает жизнь человека, может дать богатый материал для изучения его личности. При проведении каждого обыска следует помнить, что одной из целей его, наряду с изъятием орудий и следов преступления, похищенных и нажитых преступным путем ценностей, является также получение данных, способствующих выяснению личности преступника.

Установление данных, характеризующих личность обвиняемого, должно быть во многих случаях одной из задач обыска.

В то же время успешное проведение самого этого следственного действия также требует знания личности обыскиваемого¹. Следовательно, данные о личности обыскиваемого должны выясняться еще в стадии подготовки к обыску.

Обыск в случае проведения его в присутствии лица, совершившего преступление, представляет также возможность непосредственного наблюдения за преступником, когда проявляются психологические особенности личности.

Все эти моменты делают обыск одним из ценных следственных действий в деле изучения личности преступника.

Успех в проведении обыска во многом зависит от продуманной подготовки к нему. Не последнее место в этой подготовке занимает установление данных о личности обыскиваемого. Сведения о личности обыскиваемого, необходимые для успешного проведения обыска, собираются из уже проведенных до обыска следственных действий, а также в результате оперативно-розыскных мероприятий. Поэтому в стадии подготовки к обыску следователь уже располагает некоторыми сведениями о личности обыскиваемого, в частности, весьма полезно знать еще до обыска те сведения о личности обыскиваемого, которые могут указать на возможные места сокрытия искомых предметов. Сюда следует отнести информацию о профессии и роде занятий обыскиваемого, о склонностях его и характере занятий на досуге и т. п. Помогут при этом и сведения об образе жизни обыскиваемого и составе семьи, о взаимоотношениях членов семьи с соседями. Знание связей и знакомств обыскиваемого укажет, у кого могут находиться похищенные вещи или иные разыскиваемые предметы и документы.

¹ В данном случае имеется в виду обыск у обвиняемого и подозреваемого.

Но нередко обыск входит в число первоначальных и неотложных следственных действий, когда нет времени для предварительного изучения личности обыскиваемого, и приходится ограничиваться имеющимся минимумом сведений. Тем больше усилий в таких случаях должно быть приложено к тому, чтобы в ходе обыска получить больше данных, характеризующих личность преступника.

Как уже отмечалось, обыск дает возможность собирать как материально выраженные данные, характеризующие личность обыскиваемого, в виде различных документов, писем, записных книжек, фотографий и т. д., так и идеальные, в виде выводов и представлений следователя о психологических особенностях данного человека и условиях его жизни, которые он делает как на основании материальных объектов, так и поведения обыскиваемого.

Перечень искомых предметов дан в ст. 170 УПК РСФСР, где называются орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, и другие предметы или документы, могущие иметь значение для дела.

Все материалы, в которых содержится информация о личности обыскиваемого, следует отнести к группе других предметов и документов, могущих иметь значение для дела. Разумеется, орудия преступления составляют самостоятельную группу предметов, содержащих информацию о личности преступника.

При этом, конечно, должно соблюдаться требование ст. 171 УПК РСФСР о том, что при производстве обыска следователь должен ограничиваться изъятием лишь тех предметов и документов, которые имеют отношение к делу. Но поскольку, согласно ст. 68 УПК РСФСР, установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, является одним из самостоятельных элементов задачи расследования, следователь вправе изъять все предметы и документы, содержащие данные о личности. Разумеется, при этом нельзя забывать об обязанности следователя не оглашать обстоятельства интимной жизни обыскиваемого.

Конкретные обстоятельства каждого уголовного дела могут видоизменять перечень искомых предметов, в том числе и относящихся к группе, которые содержат информацию о личности обвиняемого. Однако можно назвать примерный перечень таких предметов. В первую очередь во время обыска у лица, совершившего преступление и подвергнутого аресту, должны быть обнаружены и изъяты, если это еще не сделано, документы, удостоверяющие личность пре-

ступника: паспорт, военный билет, другие удостоверения личности, а если он недавно вернулся из мест заключения – то справка об освобождении. Если обыскиваемый остается на свободе, то его документы тщательно изучаются. Кроме того, следует обращать внимание на такие важные для характеристики личности всякого человека документы, как дипломы, аттестаты, документы о наградах и званиях, почетные грамоты и др. Иногда могут быть обнаружены вырезки из газет, содержащие сведения об обвиняемом, с которыми следует ознакомиться и, если необходимо, включить в список изымаемых предметов. Эти документы содержат объективные данные, свидетельствуют о положительных сторонах лица, совершившего преступление.

Весьма ценные и разнообразные сведения о личности субъекта, совершившего преступление, могут содержаться в дневниках, записных книжках и фотографиях.

На практике зачастую не используются все возможности обыска для собирания документов, содержащих информацию о личности обыскиваемого. Объясняется это как незнанием возможностей обыска в этом отношении, так и недостаточным вниманием следователей к собиранию материалов, характеризующих личность преступника.

Решение вопроса при проведении обыска о том, изымать или не изымать те или другие документы и предметы, содержащие информацию о личности преступника, во многом определяется характером дела, но, как правило, на него следует дать положительный ответ. Гораздо легче позднее в случае ненужности вернуть их владельцу, чем убедиться при дальнейшем расследовании в необходимости таких документов. Слишком узкое понимание задач ведет к тому, что остаются невыясненными важные обстоятельства дела.

Рузаев был задержан с поличным недалеко от места кражи. На допросе он заявил, что документы им утеряны. Оперативный работник, которому было поручено провести обыск на квартире у Рузаева, считал, что целью обыска является обнаружение документов. Когда паспорт и военный билет на имя Рузаева им были найдены, он отказался от продолжения обыска.

Рузаев проживал в данном районе около трех лет, считался несудимым и ни в чем предосудительном замечен не был. Позднее оперативным путем установили, что Рузаев был судим и, совершив побег, воспользовался документами друга, прибыл на местожительство в г. Ленинск-Кузнецкий и устроился на работу. Тогда решили провести повторный обыск, и за картиной в комнате Рузаева была обна-

ружена пачка писем на имя Рузаева, в одном из которых, в частности, говорилось: «...рад, что у тебя пока все хорошо, только не залети по новой... Не займел ли себе молодуху, ты ведь теперь «молодой». Смотри, не проговорись, а то откажется от старика... Пиши, Вовчик». В дальнейшем было установлено, что Рузаев Николай Ильич, 1928 г. рождения, является Тагаевым Владимиром Петровичем, 1924 г. рождения, ранее судимым в 1949 г. за хищение и приговоренным к 10 годам лишения свободы, в 1957 г. за хулиганство – к 5 годам лишения свободы. 5 сентября 1958 г. Тагаев В.П. вместе с другими заключенными был выведен на работу, но по пути следования к месту работы совершил побег.

Приведенный пример показывает, что плохо проведенный первичный обыск мог существенно повлиять на исход дела, в результате чего опасный преступник не был бы разоблачен до конца.

В связи с широким распространением фотографии в быту следует обращать внимание при обыске на фотоальбомы и отдельные фотографии, а также фотопленки с изображением обыскиваемого. Фотографии могут подтвердить, что обыскиваемый обладает определенными предметами, транспортными средствами, украшениями и т. д. Групповые снимки могут отражать круг знакомых и друзей обыскиваемого, что позволяет судить о его связях и характере отношений с этими лицами. Фотографии могут проливать свет на образ жизни обыскиваемого, на них нередко фиксируются попойки, поездки по курортным местам и т. д. Следует просмотреть на месте обыска все фотоматериалы и ограничиваться изъятием тех из них, которые могут относиться к совершенному преступлению или характеризовать личность обыскиваемого.

Д о п р о с с в и д е т е л я и п о т е р п е в ш е г о .
Показания свидетелей и потерпевших являются наиболее распространенным источником получения сведений о личности преступника. Уголовно-процессуальный закон подчеркивает это обстоятельство, указывая, что свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, в том числе и о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними (ст. 74 УПК РСФСР). Путем допроса свидетелей и потерпевших можно получить самые разнообразные данные о личности субъекта, совершившего преступление.

Выяснение взаимоотношений с обвиняемым является обязанностью следователя при допросе любого свидетеля. Это выяснение

должно быть более тщательным по существу и во всяком случае не ограничиваться лишь записью в соответствующей графе протокола допроса: «посторонний», «незнакомый», «родственник», и т.д. В зависимости от того, насколько хорошо знал свидетель обвиняемого и в каких отношениях с ним находился, определяется объем и характер получаемой от него информации о личности обвиняемого.

Перед следователем встает задача: кого допрашивать в качестве свидетелей, чтобы получить наиболее полные сведения о личности обвиняемого, и о чем допрашивать того или иного свидетеля. В общем, круг свидетелей, которые могут дать сведения о личности обвиняемого, может быть очерчен довольно легко – это все те, кто знал или знает обвиняемого и может дать показания. Однако в целях удобства работы следователей по собиранию данных о личности обвиняемого представляется целесообразным разбить всех свидетелей на несколько групп в зависимости от того, с какой стороны могут они охарактеризовать обвиняемого. Это дает возможность вести допросы свидетелей более целенаправленно.

Одна группа свидетелей – это родители, жена (муж), дети, братья, сестры, соседи обвиняемого. Эти свидетели могут дать в случае необходимости полные сведения биографического порядка: о возрасте, партийности, гражданстве, национальности, образовании, месте работы, должности, семейном положении и составе семьи обвиняемого. Эти свидетели, как правило, располагают также ценной информацией об условиях воспитания и жизни в семье обвиняемого, о его характере, материальном положении семьи, поведении в быту, об отношении к алкоголю, о поведении его после совершения преступления.

Вторая группа свидетелей – это представители администрации и общественных организаций с места работы или учебы обвиняемого. В первую очередь эти свидетели могут дать общественно-производственную характеристику обвиняемого, сведения о его профессии, должности и стаже работы, об отношении к труду и трудовой дисциплине, участии в общественной работе и жизни коллектива, какие воспитательные меры применяли к нему общественность и администрация.

Третья группа свидетелей — это близкие друзья по работе и повседневной жизни обвиняемого, которые могут характеризовать его поведение как на работе, так и вне ее, его отношение к труду, а если он не работал, то почему, на какие средства жил, отношение к алкоголю и наркотикам, занятия и увлечения в свободное время.

Разумеется, круг свидетелей будет меняться по каждому конкретному делу, однако во всяком случае должны быть допрошены близкие родственники и друзья, показания которых помогут глубже и полнее расследовать преступление и понять, что за человек совершил преступление.

Получение сведений о личности обвиняемого от свидетелей, как правило, не представляет каких-либо трудностей. Все те тактические приемы, которые разработаны и применяются при допросах свидетелей с целью получения полных и достоверных показателей об обстоятельствах преступления, сохраняют свою силу и могут быть с успехом применены при выяснении у свидетелей данных о личности. Отсутствие в протоколах допросов свидетелей данных, характеризующих личность преступника, объясняется зачастую не тем, что свидетель не располагает такими данными или не хочет сообщить их органам следствия, а тем, что он не придает значения этим обстоятельствам, а следователь не проявил должного внимания и настойчивости, чтобы такие данные получить и зафиксировать.

Разумеется, не исключена и такая возможность, когда тот или иной свидетель почему-либо не хочет рассказывать об обвиняемом. Это в первую очередь относится к родственникам и близким друзьям обвиняемого, когда они могут не сообщать сведений, отрицательно характеризующих обвиняемого, или даже давать ложные показания о нем. Мотивы такого умолчания и лжи могут быть самыми разнообразными. Чаще всего это боязнь повредить своему родственнику или близкому человеку, боязнь мести со стороны обвиняемого, его соучастников или друзей или, наоборот, враждебное к нему отношение, желание отомстить.

Молчаливый и скрытный характер допрашиваемого свидетеля также может явиться причиной умолчания об известных ему фактах, характеризующих личность обвиняемого.

Задача следователя в таких случаях заключается в том, чтобы установить истинные мотивы умолчания или лжи свидетеля и разубедить его, показать несостоятельность или ошибочность этих мотивов.

При совершении кражи из торговой палатки был задержан гр-н Широ́в. Было установлено, что он является инвалидом и нигде не работает, однако часто пьянствует и приносит домой ценные вещи. При обыске в квартире обвиняемого были найдены различные новые вещи, не подходящие по размерам членам его семьи.

Жена Широва вначале не говорила правды ни о происхождении найденных вещей, ни о жизни и поведении обвиняемого. На допросе следователь сказал ей, что органам следствия известно о недостойном поведении в быту Широва, о том, что он не помогает жене в воспитании детей и т. д. Широва, тронутая участием к ее судьбе, многое рассказала вначале о своем муже, а затем показала, что кражи Широ夫 совершал систематически, украденное продавал, а деньги пропивал.

В основной же своей массе свидетели весьма охотно сообщают органам следствия объективные и полные сведения о личности субъекта, совершившего преступление.

Следует указать на одну деталь при фиксации таких показаний свидетелей. В протоколе допроса надлежит записывать не только выводы и мнения свидетеля о том или ином свойстве, качестве или стороне личности обвиняемого, но главным образом те факты, на основании которых свидетель делает свои заключения.

Д о п р о с о б в и н я е м о г о . Особое место среди источников, из которых может быть получена информация о личности обвиняемого, занимает допрос самого обвиняемого. Специфика этого источника обуславливается особым процессуальным положением обвиняемого как участника процесса расследования и заключается в двояком значении его показаний: как источника доказательства и как средства защиты. Эта особенность в полной мере применима и к тем показаниям обвиняемого, в которых содержатся данные, характеризующие его личность. Рассказывая о себе, приводя факты, показывающие его отношение к обществу, коллективу, другим людям, обвиняемый зачастую сообщает совершенно новые данные, известные лишь ему. В то же время и в этой части своих показаний он приводит в первую очередь обстоятельства, характеризующие его положительно, которые могут смягчить вину.

На первый взгляд может показаться, что обвиняемый – это самый богатый и разносторонний источник сведений о личности. Но представление о личности любого человека складывается не из того, что он сам о себе говорит, а главным образом из оценок его дел и поступков другими людьми. Поэтому, если обвиняемый может назвать исчерпывающие данные биографического порядка, указать другие факты своей жизни, он не может дать объективной оценки тем своим качествам, которые познаются только через отношение к другим людям и объектам.

Следовательно, обвиняемый является ценным источником информации о фактических данных, куда нужно отнести биографические сведения, сведения о состоянии здоровья и материальном положении обвиняемого и некоторые другие данные. Информация же о других сторонах личности обвиняемого получается в основном из других источников и при необходимости лишь проверяется путем постановки вопросов обвиняемому. В то же время допрос дает большие возможности для изучения личности обвиняемого путем непосредственного изучения его следователем. В ходе допроса следователь наблюдает за обвиняемым, за его поведением и реакцией на вопросы и таким образом изучает его.

Нужно отметить также еще одну особенность этого следственного действия. Заключается она в том, что изучение личности обвиняемого не только является одной из задач и целей его допроса, но и входит в комплекс подготовительных мероприятий этого же допроса. Получается такая ситуация: знание личности обвиняемого необходимо для того, чтобы успешно провести его допрос, и в то же время изучение личности обвиняемого является одной из задач самого допроса.

В тех случаях, когда допрос подозреваемого и обвиняемого проводится сразу же после совершения ими преступления, естественно, что следователь располагает лишь некоторыми данными о них, и потому успех допросов в этих случаях определяется в большей мере внезапностью и быстротой допросов, чем знанием личности допрашиваемого. Но по большинству дел допрос обвиняемого производится после проведения ряда следственных и оперативных действий, после сбора значительного количества доказательств по делу и, следовательно, после более или менее полного изучения личности обвиняемого. В этих случаях следователь имеет возможность и время тщательно подготовиться к допросу и учесть личность допрашиваемого. Выше уже отмечалось, что при проведении осмотра места происшествия, обыска, допросов свидетелей следователь имеет возможности получать информацию о личности совершившего преступление. Но, кроме такого, так сказать, попутного выяснения данных о личности, следователь может провести ряд следственных действий специально с целью получения сведений о личности обвиняемого. К таким следственным действиям в первую очередь относятся допросы соседей, членов семьи, товарищей по работе, друзей и знакомых обвиняемого. Нельзя не отметить, что иногда по делам о пре-

ступлениях, совершенных группой лиц, ценным источником информации о личности одного обвиняемого может выступать другой обвиняемый. Названные лица могут дать разнообразные данные о личности обвиняемого, в том числе о его характере, темпераменте и других личных качествах.

Для успешного проведения допроса обвиняемого следователю необходимы сведения о прошлом обвиняемого, о его роли в совершении преступления, взаимоотношениях с соучастниками. Но наибольшее значение для допроса обвиняемого имеет предварительное представление о его индивидуальных, психологических особенностях, так как в зависимости от этих данных в первую очередь намечается тактическая линия допроса.

В литературе уже отмечалось первостепенное значение для допроса обвиняемого знания его индивидуальных особенностей, так как «знание индивидуальных особенностей личности данного обвиняемого позволяет правильно построить план допроса, дает возможность отличить естественное поведение обвиняемого, обусловленное спецификой его характера, от нюансов, имеющих прямое отношение к предмету допросов и могущих быть использованными в качестве своеобразных «индикаторов» истинного отношения обвиняемого к предмету допроса»¹.

Не всегда и не по всем делам нужно проводить такую большую работу по выяснению данных о личности обвиняемого до допроса. Но во всяком уголовном деле должен быть собран определенный минимум сведений о личности совершившего преступление. Причем чем больше таких данных будет иметь следователь до допроса обвиняемого, тем успешнее будет допрос.

Окончательно тактическая линия допроса определяется непосредственно во время допроса, с учетом поведения обвиняемого.

Допрос обвиняемого обычно начинается с заполнения анкетной части протокола допроса, и затем тут же переходят к допросу по существу обстоятельств дела; но тактически правильнее не спешить с переходом к допросу по существу дела и выяснение анкетных данных проводить не в форме односложных вопросов и ответов, а предложить обвиняемому рассказать о себе, осветив свои биографические данные.

¹ Миловидов С.М. О психологии допроса обвиняемого // Вопросы криминалистики. 1962. № 3. С. 89–90.

В ходе рассказа, зная из материалов дела некоторые моменты из жизни обвиняемого, следует дать ему понять, что многое о нем известно и только требуется правдивый рассказ от него лично.

Обвиняемый поймет, что его знают, и это предотвратит ложь, в то же время он увидит участливое и внимательное отношение к нему и проникнется уважением к следователю. Разумеется, законченный рецидивист, с бравадой рассказывающий о своих судимостях, может дать и ложные сведения и с недоверием будет смотреть на следователя. Но подавляющее большинство обвиняемых правдиво рассказывают о своей жизни, и у них устанавливается хороший «контакт» со следователем.

В опубликованной практике имеются подобные примеры. При чем откровенный разговор о личной жизни обвиняемого психологически подготавливает его к даче правдивых показаний и по существу совершенного преступления.

Так, следователь М. Т. Редзивилин пишет, что после допроса ряда обвиняемых, которые не признавались и не давали показаний по существу преступления, он приступил к допросу обвиняемой Кутеневой. Разговор с ней следователь начал не с вопросов о том, откуда появился «левый» ирис, а о ее личной жизни.

Следователь знал, что Кутенева, несмотря на свою молодость, уже почти десять лет проработала в торговле, поступила в магазин ученицей, потом была продавцом, а несколько лет тому назад за хорошую работу ее выдвинули на должность заместителя заведующей секции.

Кутенева охотно рассказала о своей жизни, о том, что она много и добросовестно работала, не так давно вышла замуж и мечтала о счастливой семейной жизни. Рассказывала она долго, а потом стала интересоваться грозящим ей наказанием, говоря, что она не так уж виновата.

Разговор сам собой получил нужное направление¹.

В связи с тем, что изучение личности преступника является самостоятельной задачей расследования каждого дела, такое начало допроса с выяснения биографических и других данных о личности обвиняемого следует признать обязательным, как один из приемов методики изучения личности.

Все те приемы, которые разработаны следственной тактикой и применяются для получения правдивых и полных показаний от

¹ Следственная практика. Вып. 65.

обвиняемого по существу события преступления, сохраняют свою силу и могут с успехом применяться для получения данных, характеризующих личность обвиняемого. Здесь также можно встретиться с фактами умолчания, дачи ложных сведений, изменения показаний и т. д. Но почти совершенно не встречаются случаи отказа от сообщения каких-либо данных о личности. Поэтому, собственно, многие тактические приемы, рекомендуемые использовать особенности личности обвиняемого, построены в расчете на то, что обвиняемый, рассказав о себе, затем охотнее будет рассказывать о фактах преступления.

Особенно отчетливо это можно видеть при применении такого тактического приема, как обращение к положительным качествам личности. В каждом человеке, в том числе и у лица, совершившего преступление, есть положительное, хорошее. Напоминание лицу, совершившему преступление, о лучших поступках и делах в его жизни как бы поднимает его в своих глазах, порождает стремление остаться таким же в представлении следователя, показывает воочию ему разрыв между прошлым и совершенным преступлением, и так как естественное желание человека – это быть лучше, пользоваться уважением других людей, то, как правило, обвиняемые в таких случаях рассказывают откровенно и о себе, и о совершенном преступлении.

Следователь заинтересован в том, чтобы обвиняемый объективно и достоверно освещал все обстоятельства дела, правильно оценивал действия следователя. Для этого он специально изучает личные свойства обвиняемого. Кроме этого, на следователе лежит обязанность воспитательного воздействия на обвиняемого. Обвиняемый, понимая, что его будущее во многом зависит от работы следователя, в силу защитительного инстинкта не всегда дает правдивые и полные показания и не всегда правильно ведет себя на следствии. Не надо забывать также, что обвиняемый, в свою очередь, тоже наблюдает и изучает следователя. Все это приводит к тому, что в процессе расследования, и особенно во время допроса, между следователем и обвиняемым устанавливаются определенные отношения, незримая связь связывает этих двух лиц. Между ними возникает психологический «контакт». Задача следователя заключается в том, чтобы заполнить этот «контакт» соответствующим содержанием, поставить его на службу расследования дела и изучения личности обвиняемого. Непредубежденность следователя, ровный, спокойный тон допроса, стремление поддержать все лучшее, что есть в обвиняемом, знание

его личности – все это порождает уважение к следователю у допрашиваемого и, как следствие, признание и откровенный рассказ.

Глубокое, всестороннее знание личности обвиняемого, установление с ним психологического «контакта» создает благоприятные возможности для оказания в ходе всего расследования, и особенно допроса, воспитательного воздействия на обвиняемого. Условия и характер допроса благоприятствуют воздействию следователя как представителя государственных интересов на человека, совершившего противоправное деяние. Именно на допросе обвиняемый фигурирует как человек со всеми его слабыми и сильными сторонами, и, располагая данными о его личности, доказательствами совершенного им преступления, следователь конкретно, предметно вмешивается в помыслы и дела этого человека, направляя их в нужное русло.

Фиксация показаний обвиняемого производится в протоколе допроса. Все основные биографические данные обвиняемого излагаются в анкетной части допроса, обычно это делается в начале допроса. Но перечень вопросов, относящихся к биографическим данным обвиняемого, не раскрывает и не отражает других сторон личности. Поэтому представляется правильным, что в начале первого допроса, до изложения показаний по существу дела, целесообразно изложить рассказ обвиняемого о себе, где более подробно отразить главные моменты его биографии: состав семьи и взаимоотношения в семье, условия жизни и воспитания (для несовершеннолетних обвиняемых), подробные данные о трудовой деятельности обвиняемого, участие в общественной работе и т. д.

Сложнее обстоит с отражением в протоколе допроса данных о психологических свойствах обвиняемого. Следователь не вправе отражать в протоколе свои выводы и мнения, которые у него появляются в результате наблюдения за поведением обвиняемого. Он лишь учитывает их при избрании тактики допроса. Но свое мнение о психологических свойствах обвиняемого следователь может проверить при проведении других следственных действий.

Это можно сделать, в частности, путем постановки прямых вопросов свидетелям, близко знавшим обвиняемого, при запросах характеристик с места работы (учебы) и жительства. В дальнейшем, при совпадении выводов следователя и данных, которые поступают из других источников, может быть дана краткая психологическая характеристика обвиняемого в обвинительном заключении.

Рассмотренные следственные действия не являются исчерпывающим перечнем следственных действий как источников получения информации, характеризующей личность субъекта, совершившего преступление. При проведении некоторых других следственных действий также могут быть получены данные, относящиеся к свойствам личности, в частности, при проведении очной ставки, когда одним из участников ее является обвиняемый, при проведении следственного эксперимента с участием обвиняемого. В заключениях некоторых экспертиз также могут содержаться сведения об отдельных признаках, характеризующих личность преступника.

§ 3. Использование данных о личности преступника, имеющих в криминалистическом учете

Среди источников информации о личности субъекта, совершившего преступление, особое место занимают сообщения из органов, ведающих криминалистическим учетом. Особенностью этого источника является то, что сведения исходят из органов, предназначенных специально для учета некоторых специфических данных о лицах, совершающих преступления. Вся система криминалистического учета направлена в первую очередь на борьбу с рецидивистами.

Система криминалистического учета в целом содержит сведения не только о лицах, совершивших преступления, но также о некоторых явлениях, предметах и следах, связанных с событием преступления. Для изучения личности субъекта, совершившего преступление, интерес представляют сведения не о всех объектах уголовной регистрации и даже не все сведения о лицах, совершивших преступления. Так, вне поля внимания лежат данные о физических признаках лиц, предназначенные для установления личности и розыска скрывшихся преступников, поскольку они не содержат в себе никакой информации о моральном и нравственном облике преступника. Но вместе с тем при расследовании преступлений и изучении личности обвиняемых по абсолютному большинству дел приходится прибегать к помощи криминалистического учета. Объясняется это тем, что органы, ведающие криминалистическим учетом, располагают такими важными для изучения личности всякого обвиняемого данными, как сведения о прежних судимостях лиц, о времени и основаниях освобождения от наказания, о прекращенных в отношении этого лица делах в связи с последующей передачей обвиняемого на поруки коллективу или в товарищеский суд. Иными словами, из

сообщений органов, ведающих криминалистическим учетом, можно получить полную и объективную информацию о прошлой преступной деятельности лица, если оно ранее совершало преступления и привлекалось к уголовной ответственности, или же, напротив, убедиться в том, что данное лицо не было судимо.

Криминалистический учет ведут органы Министерства охраны общественного порядка.

При условии тщательной проверки данных о прежних судимостях обвиняемого следует вообще отказаться от записи их в материалах дела со слов обвиняемого. В тех случаях, когда лицо привлекается к уголовной ответственности впервые, точнее отметить это в обвинительном заключении и приговоре не фразой «со слов не судим», а в следующей формулировке – «сведений о судимости нет». Такая формулировка указывает, что данные о судимостях проверялись и ответ получен отрицательный.

Недостоверный и неполный перечень прежних судимостей в приговоре вынуждает администрацию исправительно-трудовых учреждений снова возвращаться к этому вопросу и устанавливать их путем запросов в те же органы, ведающие криминалистическим учетом. Причем нередко при тщательной проверке администрация исправительно-трудовых учреждений выявляла новые факты о судимостях осужденных.

В тех случаях, когда становятся известными места прежних судимостей, целесообразно направлять запрос в ИТУ тех областей и краев. Дело в том, что на практике встречаются случаи, когда справочный отдел не располагает данными о всех судимостях лица и, следовательно, не сообщает о них в своих справках. Это следствие несовершенства той системы учета, которая существовала у нас до сосредоточения всех учетных данных в одном органе, не исключены также и чисто технические ошибки.

Так, обвиняемый Калинин на одном из допросов заявил, что ранее он был судим также в г. Акмолинске (ныне Целиноград). Однако справочный отдел в своей справке не указал такой его судимости. Народный суд, возвращая дело на доследование, в числе других причин указал также на то, что не выяснены до конца сведения о прежних судимостях Калинина. Последующий запрос в Целиноградское краевое управление охраны общественного порядка подтвердил правдивость показаний обвиняемого.

В другом случае в справке справочного отдела в числе других судимостей проверяемого указывалось, что он был осужден в 1953 г. по ч. I ст. 2 Указа от 4.6.47 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» на 20 лет лишения свободы, тогда как в приговоре по этому делу значилась ч. II ст. 2 Указа. То, что в справке были перепутаны части статьи, доказывается также тем, что по части первой статьи второй этого Указа предусматривалась меньшая мера наказания.

В справках о судимостях лица должны указываться также основания освобождения от наказания и юридические последствия судимостей, т. е. если проверяемый был освобожден досрочно из мест лишения свободы, то снята ли с него судимость, или, если он освобожден условно-досрочно, то сколько лет, месяцев и дней он не отбыл. Это имеет большое значение, так как прямо влияет на меру наказания и назначаемый вид колонии. Однако иногда в справках таких сведений не содержится, зато в них нередко можно найти такую фразу: «данных об основаниях освобождения не имеется».

Для изучения личности преступника, в частности его преступного прошлого, если ранее он был судим, интерес представляет не только перечень его прежних судимостей и составов совершенных преступлений, но и более подробные сведения: о количестве преступлений (в тех случаях, когда виновный был осужден за несколько однородных преступлений), о мотивах и способах их совершения и других обстоятельствах, которые характеризуют личность. Особенно обстоятельно должен исследоваться вопрос о прежних судимостях тех обвиняемых, которые могут быть признаны особо опасными рецидивистами. Не случайно Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по признанию лиц особо опасными рецидивистами» требует приобщать к уголовным делам не только справки о судимостях, но и копии ранее вынесенных приговоров.

Несомненно, копии приговоров содержат более полные и подробные сведения о ранее совершенных преступлениях, чем справки о судимостях. Нужно отметить также такую деталь. Простое упоминание о том, что в деле имеются копии приговоров по прошлым преступлениям, или прочтение фрагментов из них при допросе производит всегда большое впечатление на обвиняемого, показывает ему, что о нем знают все и запирательство или ложь бесполезны. К тому же в этих приговорах могут содержаться другие важные для изучения личности моменты.

Но не всегда бывает возможным быстро получить копии приговоров. В тех случаях, когда обвиняемый был ранее судим на территории данной области (края) и в справке Управления охраны общественного порядка сообщаются названия судов, получить копии приговоров из них не представляет труда. Гораздо сложнее, когда обвиняемый ранее был судим в различных районах страны, а в справке справочного отдела не всегда указываются названия судов, чтобы можно было послать в них запросы и истребовать копии вынесенных ими приговоров. Сами обвиняемые именно о прежних судимостях, как уже отмечалось, чаще всего дают неправдивые показания, умалчивают и лгут.

У следователя в таких случаях имеется еще одна возможность получить копию ранее вынесенного приговора. Это можно сделать путем запроса в то исправительно-трудовое учреждение, где отбывал наказание осужденный. В личном деле каждого осужденного, в перечне обязательных документов, имеется приговор суда, по которому он отбывает наказание. Изготовить копию этого приговора по запросу следователя не составляет труда. Местонахождение же исправительно-трудового учреждения, где отбывал наказание обвиняемый, указывается в справке об освобождении, в справках о судимостях управлений охраны общественного порядка и справочного отдела Министерства охраны общественного порядка, адрес его может назвать и обвиняемый в своих показаниях.

Запросы в исправительно-трудовые учреждения, кроме получения копий приговоров, могут служить важным источником другой информации о личности преступника

§ 4. Истребование документов, характеризующих личность преступника, из учреждений и организаций

Весьма разнообразную и обширную информацию о личности субъекта, совершившего преступление, можно получить путем истребования документов из различных учреждений и организаций, с которыми по тому или иному поводу сталкивался данный человек и которые располагают сведениями, характеризующими его личность. К числу таких учреждений и организаций следует отнести предприятия и учреждения, где работает или учится обвиняемый, административные комиссии местных Советов депутатов трудящихся, медвытрезвитель, лечебные учреждения и т. д.

При расследовании каждого уголовного дела следователи обращаются к администрации и общественным организациям тех предприятий или учреждений, где до совершения преступления работал или учился обвиняемый. Исключение составляют лишь те дела, в качестве обвиняемых по которым проходят лица, до совершения преступления нигде не работавшие и не учившиеся. Как правило, ими являются лица только что отбывшие наказание и не желающие исправляться. Во всех же остальных случаях следователи непременно используют этот источник данных о личности преступника.

Путем запросов и истребования документов с места работы или учебы субъекта преступления получают в первую очередь сведения, составляющие общественно-трудовую характеристику личности преступника, в частности, сколько времени и в какой должности он работал, как соблюдал трудовую дисциплину и относился к товарищам по работе и представителям администрации, повышал ли свою квалификацию, участвовал ли в общественной жизни коллектива и т.д.

Все эти сведения, характеризующие одну из основных сторон личности всякого человека – его участие в труде, – следовательно, как правило, получает от соответствующего предприятия в виде производственной характеристики на обвиняемого. Такие характеристики под названием «производственная» или «общественно-производственная» фигурируют в уголовных делах нередко как единственный документ, непосредственно характеризующий личность преступника. К тому же иногда эти характеристики состоят буквально из нескольких строчек и носят формальный характер, не раскрывают конкретного содержания свойств личности. К примеру, много ли дает для изучения личности такая характеристика: «Ермолаев работал на кирзаводе с 27 сентября 1964 года по 2 октября 1965 года, с производственными заданиями справлялся, нарушений трудовой дисциплины не имел, в общественной работе не участвовал».

Встречаются такие случаи, когда характеристика, написанная после совершения лицом преступления, носит необъективный, предвзятый характер. Чаще даются отрицательные характеристики, где указываются лишь порочащие личность данные и не упоминается о положительных делах, чертах и качествах человека.

Так, Чернов привлекался к уголовной ответственности за клевету и хищение документов. В характеристике, написанной директором хлебоприемного пункта, где он работал, и представленной в ор-

ганы следствия, Чернов характеризовался только с отрицательной стороны. В частности, в ней говорилось, что «на работе он не дисциплинирован, груб, не выдержан, занимался пьянкой, за что его лишили прав шофера, имеет дисциплинарные взыскания. В общественных мероприятиях не принимал участия». При ознакомлении с материалами дела Чернов заявил ходатайство о том, чтобы к делу приобщили характеристику, которую на него представляли в инспекцию ГАИ незадолго до совершения преступления. Следователь удовлетворил это ходатайство, и в ранее составленной характеристике значилось, что Чернов «за время работы замечаний никаких не имел... Несколько раз награждался грамотами и денежными премиями за перевыполнение заданий. Чернов является активным участником всех мероприятий на пункте, дисциплинирован».

Невольно напрашивается вопрос – какой же из этих характеристик можно верить как отвечающей действительности.

Подобные случаи настоятельно выдвигают необходимость не ограничиваться телефонным звонком или письменным предложением прислать характеристику на того или другого работника предприятия (учреждения), привлекаемого в качестве обвиняемого, а направлять руководству организаций и учреждений развернутые запросы с перечнем конкретных вопросов, которые должны быть освещены в характеристике. Перечень вопросов, указанных в запросе, в любом случае будет ориентировать при написании характеристики, подчеркивать, что необходимо отметить в ней. Уже одно это принесет положительный результат, так как нередко составители характеристик не представляют четко, о чем именно нужно писать в этом документе. Необходимость осветить вопросы, названные в запросе, уменьшит также случаи представления необъективных характеристик.

Можно рекомендовать следующий примерный перечень вопросов для постановки их в запросах характеристик с места работы лица, совершившего преступление.

1. В качестве кого работал характеризуемый и с какого времени.
- 1.2. Общий трудовой стаж.
- 1.3. Отношение к работе, занимался ли повышением квалификации и образования.
- 1.4. Имел ли поощрения и взыскания, за что, какие.
- 1.5. Участвовал ли в общественной жизни коллектива.
- 1.6. Другие сведения, имеющие значение для характеристики личности, по мнению составляющих ее, в частности о характере

(правдивый, неправдивый, замкнутый, общительный, смелый, трусливый, принципиальный, непринципиальный и т. д.).

Аналогичные, лишь с некоторыми изменениями, вопросы можно ставить и в запросах по месту учебы обвиняемого, когда основным его занятием является учеба.

Запрос на характеристику должен направляться на имя руководителя предприятия, организации или учреждения с указанием, что в ее составлении должны непременно принимать участие представители общественных организаций, чтобы характеристика была не только производственной справкой, а именно общественно-производственной характеристикой.

В настоящее время в случае получения краткой и односторонней характеристики приходится прибегать к допросам лиц, выдавших ее, со специальной задачей получения данных, характеризующих личность лица, на которого выдана характеристика. В принципе такая практика не вызывает возражений, так как допрос, как правило, дает больше, чем письменная характеристика. Но при условии получения развернутой, полной и объективной характеристики отпадает необходимость в таких допросах, что, не говоря о других преимуществах, благотворно скажется на бюджете времени следователя, ограниченного сроками следствия.

Для того чтобы выяснить истинное лицо человека, т.е. его действительное отношение к обществу, труду и людям, необходим определенный период времени, чтобы свойства личности проявились в делах и поступках. Поэтому в тех случаях, когда обвиняемый на последнем месте работы проработал непродолжительное время, следует запрашивать характеристику на него с предыдущего места работы. Это тем более необходимо, когда обвиняемый сменил также и место жительства.

Наряду с характеристиками с места работы или учебы обвиняемого, следует истребовать во всех случаях, когда оно там имеется, личное дело лица, привлекаемого к уголовной ответственности. В личном деле обычно имеется автобиография, написанная собственноручно этим лицом, характеристики, выписки из приказов о поощрениях за работу и наказаниях за нарушения трудовой дисциплины и другие материалы. Ценность этих документов для изучения личности преступника, в частности автобиографии и характеристик, состоит в том, что они, будучи написанными вне связи с фактом совершения данным лицом преступления и не для органов следствия,

являются более объективными, не несут в себе элементов предвзятости. В материалах личного дела могут выявиться также другие данные, характеризующие личность, но забытые администрацией и сослуживцами. В одних случаях документы личного дела, содержащие сведения, характеризующие личность совершившего преступление, можно приобщить к уголовному делу, в других – можно ограничиться выписками из этих документов, заверив их на данном предприятии или в учреждении.

Работа с различными документами занимает значительное место в деле изучения личности субъекта, совершившего преступление.

Во всех случаях документы подлежат тщательному исследованию, особенно документы тех лиц, которые ранее привлекались к уголовной ответственности, так как они нередко стараются скрыть свое преступное прошлое. В этих целях в документы вносятся различные изменения, а иногда просто используются чужие документы.

Если документы, удостоверяющие наличие наград и почетных званий, встречаются в следственной работе относительно редко, и обычно они при этом не вызывают сомнений в их достоверности и принадлежности определенному лицу, то документы, удостоверяющие трудовую деятельность, – трудовые книжки – имеются у каждого работающего. Приобщение к делу выписки из трудовой книжки засвидетельствует факты трудовой деятельности лица, профессию и специальности, что, несомненно, имеет значение для изучения личности виновного. Из личных документов граждан наиболее часто различного рода подделки встречаются в трудовых книжках. Поэтому при их осмотре и изучении следует быть особенно внимательным.

Представление о любом человеке во многом определяется его поведением в общественных местах, соблюдением норм, регулируемых не только уголовным, но и административным правом. Вывод о том, что совершенное преступление было случайным, единичным проступком в жизни данного человека, что оно резко расходится с установкой его сознания, как и вывод противоположного смысла, делается на основании анализа предшествовавшего совершению преступления поведения субъекта. Поэтому весьма важным для характеристики личности субъекта, совершившего преступление, является выяснение того, совершало ли ранее данное лицо какие-либо правонарушения, привлекалось ли к административной ответственности, обсуждалось ли в товарищеском суде, доставлялось ли в штаб народной дружины. Установление такого рода фактов, несомненно,

влияет на степень общественной опасности личности. Сообщения из административной комиссии и других органов о случаях правонарушений со стороны обвиняемого помимо всего прочего оказывают большой воспитательный эффект, так как показывают, что все случаи правонарушений, имевшие место до совершения преступления, известны следствию и окажут свое влияние при разрешении данного конкретного уголовно наказуемого деяния.

В связи с ограничением административной ответственности граждан количество дел в административных комиссиях местных Советов депутатов трудящихся значительно сократилось, но пренебрегать этим источником получения информации, характеризующей личность субъекта преступления, не следует. Запрос в административную комиссию может дать сведения о том, не привлекался ли обвиняемый на протяжении последнего года к административной ответственности, а если привлекался, то когда, за какое конкретно нарушение и какая мера наказания назначалась.

В следственной практике незаслуженно редки обращения к административным комиссиям местных Советов, в то время как необходимость в этом имеется по многим делам. Лица, систематически употребляющие спиртные напитки (а большинство таких преступлений, как хулиганство, убийство, нанесение телесных повреждений и др., совершаются лицами в нетрезвом состоянии), как правило, до совершения преступления привлекались к административной или дисциплинарной ответственности или обсуждались в товарищеских судах. Поэтому во всех случаях, когда во время следствия выясняется, что по характеру совершенного преступления и предшествовавшему поведению обвиняемый мог быть подвергнут административному наказанию или мерам общественного воздействия, необходимо посылать запросы и устанавливать такие факты.

Одним из способов установления отношения обвиняемого к алкоголю может являться запрос в медвытрезвитель. Разумеется, пребывание в медвытрезвителе не является единственным и точным критерием отношения лица к алкоголю, но в определенной мере характеризует эту сторону личности, так как в медвытрезвитель обычно попадают те, кто напивается в случайных компаниях и теряет над собой контроль. Отношение субъекта, совершившего преступление, к алкоголю устанавливается не только по данным из медвытрезвителя, но и другими путями, в частности допросами его самого и близких ему людей. Но в любом случае сообщение официального органа

о фактах пребывания лица в пьяном состоянии в медвытрезвителе придает весомость и большую достоверность этим сведениям.

В настоящее время большую работу по борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка проводят добровольные народные дружины. Дружинники могут быть привлечены к работе следователя по изучению личности преступника, о чем будет сказано ниже. Но проводя повседневную работу по патрулированию и наблюдению за порядком в общественных местах, дружинники имеют право задерживать и доставлять в штаб дружины, милицию, в сельсовет отдельных нарушителей и преступников. Поэтому целесообразно поинтересоваться в районном или городском штабе народных дружин, не доставлялся ли ранее туда обвиняемый, и какие меры к нему были приняты. В случае положительного ответа это будет показывать пренебрежительное отношение лица к мерам общественного воздействия, глубину антисоциальной установки личности.

Всесторонность изучения личности субъекта, совершившего преступление, обязывает интересоваться состоянием его здоровья, когда оно вызывает сомнения. Судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы вносят ясность в этот вопрос. Но назначать экспертизы не всегда целесообразно, и поэтому можно ограничиваться истребованием истории болезни обвиняемого из больницы или поликлиники и приобщать ее к делу.

§ 5. Привлечение общественности к изучению личности преступника

Привлечение общественности к изучению личности субъекта, совершившего преступление, является частной задачей использования общественности в расследовании преступлений. Привлечение общественности к этой работе следует рассматривать так же, как и участие общественности в расследовании преступлений, не как эпизодическое явление, а как своеобразный самостоятельный метод деятельности по собиранию данных, характеризующих личность преступника. Обращением к общественности при сборе данных о личности используются те же возможности широких масс населения, что и при привлечении их к расследованию: осведомленность населения о фактах жизни и поведения субъекта, совершившего преступление, и знания коллектива о некоторых сторонах личности их члена, совершившего преступление.

Привлечение общественности к собиранию данных о личности преступника диктуется необходимостью выяснения разных сторон личности. Чтобы получить данные о политической и трудовой деятельности лица, изучить его моральную и бытовую стороны, необходимо располагать сведениями с места работы (учебы) и места жительства, знать не только настоящее, но и прошлое лица. Без привлечения к этой работе различных общественных организаций и отдельных граждан следователь не в состоянии будет полно и объективно изучить личность совершившего преступление. Привлечение общественности к этому разделу работы расширяет возможности органов расследования, но в то же время налагает на них дополнительные обязанности по инструктированию и руководству, так как непосредственные исполнители этой работы не имеют специальных знаний.

Формы использования помощи общественности при изучении личности преступника разнообразны: от прямого обращения к определенным коллективам с просьбой охарактеризовать того или иного члена коллектива, совершившего преступление, до поручения отдельным гражданам – членам добровольной народной дружины – изучить ту или иную сторону личности какого-либо субъекта, совершившего преступление.

Формой прямого обращения к помощи общественности при изучении личности совершившего преступление являются собрания рабочих и служащих по месту работы (учебы) обвиняемого. Проводятся они, как правило, с участием и по инициативе следователя, расследующего это преступление. Обсуждение факта совершенного преступления в коллективах проводится главным образом с воспитательными целями и преследует в первую очередь задачи общего предупреждения. Но это несколько не мешает использовать такие собрания в качестве источника информации, характеризующей личность субъекта, совершившего преступление.

Собрание обычно начинается выступлением следователя, который докладывает о существовании преступления и предлагает обсудить его. Всякое обсуждение совершенного преступления, как и расследование его, невозможно без одновременного рассмотрения и оценки личности человека, его совершившего. Практически зачастую на подобных собраниях выступающие больше говорят о достоинствах и недостатках обвиняемого как человека, чем о самом факте преступления. Обсуждая своего товарища по работе, выступающие харак-

теризуют его трудовую деятельность, отношение к товарищам по работе и администрации, участие в общественной жизни коллектива, его образ жизни и поведение в быту, называют черты характера и темперамента, а также критически оценивают совершенное преступление, вскрывают условия, способствовавшие его совершению, и предлагают меры по предупреждению.

Самая разнообразная информация о преступнике и преступлении может быть высказана на собрании. Так, в г. Топки Кемеровской области у себя на квартире Капарина К. С. по просьбе своей дочери Капариной Н. убила мужа последней. Выступая на собрании рабочих и служащих станции Топки, где работала уборщицей Капарина, следователь обратился к присутствующим с просьбой охарактеризовать обвиняемую. Все рабочие крайне отрицательно характеризовали Капарину: говорили о ее неуважении к семье, нежелании воспитывать детей, отмечали эгоизм и нежелание трудиться, ее показную набожность и откровенное нахальство, при этом рассказывались конкретные эпизоды из жизни обвиняемой, отрицательно ее характеризующие.

Чтобы собрание получило нужное направление, следователю в своем сообщении следует назвать основные вопросы, освещение которых желательно получить от выступающих, назвав в том числе и относящиеся к характеристике личности обсуждаемого. Выступления в этом случае будут более полными и целенаправленными.

Услышанное следователем на собрании дополняет его представление о личности преступника. Но, чтобы эта информация стала достоянием уголовного дела, она должна быть выражена в документе и приобщена к материалам дела. Таким документом является протокол собрания, где фиксируются мнения и факты, приводившиеся выступавшими. Протокол собрания в той части, которая содержит данные, характеризующие личность обсуждаемого, является, по существу, общественной характеристикой обвиняемого. Приобщение протокола собрания к материалам дела дополняет его весьма важными сведениями.

Наиболее ценные по своему содержанию выступления процессуально могут быть оформлены впоследствии также протоколами допросов этих лиц в качестве свидетелей. Обстоятельства, характеризующие личность преступника, при этом выясняются полнее и подробнее.

В сложившейся практике собрания коллективов по обсуждению члена этого коллектива, совершившего преступление, в подавляю-

щем большинстве случаев проводятся в конце следствия, когда по делу остается только выполнить ст. ст. 201 и 203 УПК РСФСР, т.е. ознакомить обвиняемого со всеми материалами дела и составить обвинительное заключение. Такая практика имеет тот существенный недостаток, что богатая информация о личности преступника, которую дают собрания, оказывается почти не использованной в ходе следствия, так как к этому моменту, как правило, истекает срок производства по делу. Поэтому представляется более целесообразным проводить собрания на более ранней стадии расследования, а именно вскоре после предъявления обвинения.

В некоторых случаях собрание может быть проведено и до предъявления обвинения. Полученная при этом информация нередко помогает быстро и эффективно разобраться в событии преступления и получить данные о личности виновного.

При расследовании дела о недостатке кооперативных средств в сумме 1200 руб. у продавца сельпо Колпашевского района Томской области Мaziной следователь на собрании пайщиков выступил с информацией о поступившем материале и попросил собравшихся рассказать об образе жизни и быте продавца. Выступившие 14 человек рассказали, что Мазина живет явно не по средствам, часто устраивает попойки у себя на квартире, рассказали о том, что у нее в течение двух лет одновременно проживали трое каких-то мужчин. Проведенное собрание дало возможность избрать правильное направление расследования и в короткий срок доказать растрату.

В материалах уголовных дел за последние годы можно встретить документы, характеризующие личность преступника, представленные от имени различных общественных организаций по месту жительства субъекта, совершившего преступление. Документы эти носят различные названия, но по своему содержанию они являются не чем иным, как общественными характеристиками личности преступника, и предоставляются от имени домовых и уличных комитетов по месту жительства лица, совершившего преступление.

Анализ практики показывает, что следователи еще недостаточно используют возможности получения информации из такого источника, как общественные организации по месту жительства обвиняемого. Чаще всего подобного рода характеристики истребуются не следователями на предварительном следствии, а адвокатами и приобщаются к материалам дела по их ходатайству во время судебного следствия. Несомненно, правильное уже на предварительном след-

ствии иметь вместе с характеристикой с места работы или учебы обвиняемого также и характеристику с места его жительства. Характеристика на обвиняемого от общественных организаций по месту жительства дает знание бытовой стороны жизни человека. Представители домовых и уличных комитетов, как правило, знают человека, совершившего преступление, на протяжении длительного периода его жизни, а нередко на протяжении всей его жизни. Поэтому информация их о жизни и поведении данного человека в быту, об отношении к членам своей семьи и соседям, о круге знакомых и занятиях в свободное время, об отношении к алкоголю и т. д. – все это дает богатый материал для уяснения некоторых свойств личности.

Особенно необходимы такие характеристики на несовершеннолетних и совершивших преступление впервые, чтобы глубже разобратся в причинах их преступного поведения.

Чтобы характеристики были полными и объективными, следует так же, как и при истребовании характеристики с места работы, направлять запрос в домовый или уличный комитеты с перечнем конкретных вопросов, которые должны быть в ней освещены. Это тем более необходимо в данном случае, так как замечено, что в характеристиках домовых и уличных комитетов нередко указываются лишь положительные моменты и не отмечаются недостатки, отрицательные качества личности.

Характеристика должна исходить именно от общественной организации, а не от отдельных граждан, которые, будучи зачастую заинтересованными лицами, пишут заведомо необъективные, хвалебные характеристики. Такого рода «документы», написанные отдельными лицами, не выражают мнения общественности и потому не должны вноситься в материалы дела. Однако до последнего времени в делах встречаются различного рода «объяснительные» и «подтверждения», которые своей необъективностью дают искаженное представление о личности преступника и могут дезориентировать суд.

Так, в рассмотренном народным судом Ленинского района г. Москвы уголовном деле по обвинению Наушкина и Проворова по ч. I ст. 145 и п. «а», «б» ч. II ст. 146 УК РСФСР имеется документ, названный «подтверждением». Составлен он от имени 10 жильцов дома, где проживал Наушкин. Наряду с правдивыми сведениями о жизни и воспитании Наушкина в нем говорится: «За время его жизни 19 лет за ним не было замечено плохих действий, поведения. Со взрослыми почтителен, вежлив, никогда никого не обидел ни словом, ни действием. Маль-

чик (в 19 лет!) попал в беду, мы считаем – случайно, попал в плохую компанию... Витя исправится, поправит свою ошибку, допущенную случайно и никогда не повторит ее...».

Наушкин же ранее был судим за участие в краже в группе с другими подростками и полгода до совершения второго преступления нигде не работал.

Ясно, что такие «документы» не должны включаться в материалы уголовных дел без предварительной проверки. В подобных случаях целесообразно допросить их авторов в качестве свидетелей по характеристике личности обвиняемого и зафиксировать факты, которые они будут приводить.

Данные, относящиеся к характеристике личности преступника, могут быть также в материалах таких общественных организаций, как товарищеские суды. Если обвиняемый работает на производстве или учится, то факты рассмотрения его в товарищеском суде известны администрации и о них обычно говорится в характеристиках с места работы (учебы). Но если обвиняемый не работает на производстве и не учится, но есть данные, что он нарушает нормы социалистического общежития в быту, то необходимо поинтересоваться в товарищеском суде при домоуправлении или уличном комитете. Основной категорией дел этих товарищеских судов являются дела о поведении граждан в быту, и, таким образом, запросив эти материалы, можно получить данные об одной из основных сторон личности. В случае же, если лицо не работает, то материалы из товарищеского суда будут, по сути дела, единственными, исходящими из общественного органа и характеризующими личность совершившего преступление.

Рассмотренные в этой главе тактические приемы и «способы собирания данных, характеризующих личность субъекта, совершившего преступление, в своей совокупности позволяют получить сведения об основных сторонах и свойствах личности всякого человека.

Это не означает, что по каждому уголовному делу непременно должны быть применены все тактические приемы. Многообразие способов получения данных о личности дает возможность следователю использовать в каждом конкретном уголовном деле те из них, которые наиболее эффективны в данном случае. Непреложным лишь остается требование о всестороннем, полном и объективном изучении личности субъекта, совершившего преступление.

§ 6. Процессуальное оформление данных о личности преступника

Всестороннее исследование личности субъекта, совершившего преступление, осуществляемое на протяжении всего расследования, приводит к тому, что в материалах дела собирается большое количество разнообразной информации о личности. Собираение данных о личности преступника происходит в основном при проведении тех же следственных действий, посредством которых получают доказательства о самом событии преступления. Причем зачастую данные, относящиеся к характеристике личности субъекта, совершившего преступление, оказываются в одном и том же процессуальном документе, что и сведения об обстоятельствах преступления. В то же время в материалах всякого уголовного дела имеются различные документы (характеристики, справки, письма и т. д.), приобщенные к делу специально для характеристики личности совершившего преступление.

Большая разобщенность различных материалов, содержащих информацию о личности преступника, при большом разнообразии ее по существу своего содержания порождает стремление сконцентрировать все эти данные в каком-то едином документе, который бы находился в материалах дела.

Ряд авторов¹ с этой целью предлагает следственную анкету – специальный документ, в котором нужно фиксировать все собираемые в процессе расследования данные о личности субъекта, совершившего преступление. Проф. А.А. Герцензон считает, что такой анкете следует придать значение процессуального документа, так как это сделает изучение личности преступника обязательным и приведет к всестороннему изучению её².

Анкета по изучению личности преступника была разработана бывшим Институтом криминалистики Прокуратуры СССР и в опытном порядке заполнялась по отдельным категориям дел и на территории отдельных прокуратур. Но предложение о внедрении следственной анкеты, несмотря на большую целесообразность его, не нашло своего законодательного закрепления до настоящего времени.

¹ Герцензон А. Об изучении и предупреждении преступности // Сов. гос-во и право. 1960. № 7. С. 77–88; Степичев С.С. Формы и методы изучения личности преступника // Соц. законность. 1960. № 8. С. 76–79; Утевский Б. К вопросу об организации и методике изучения преступности и преступника // Сов. гос-во и право. 1959. № 11. С. 59–68 и др.

² Герцензон А. Об изучении и предупреждении преступности // Сов. гос-во и право. 1960. № 7. С. 87.

С учётом складывающейся практики следует согласиться с предложениями отражать данные о личности преступника в обвинительном заключении¹.

Представляется, что при соответствующей продуманности в обвинительном заключении – этом завершающем акте предварительного следствия – можно сосредоточить и выразить все основные данные о личности преступника.

В обвинительном заключении формулируются итоги следствия, излагаются выводы следователя, к которым он пришел. Это положение относится не только к обстоятельствам самого факта преступления, но и к личности совершившего его. Поэтому в обвинительном заключении анализируются не только доказательства, подтверждающие наличие преступления и виновность обвиняемого, но и данные, относящиеся к характеристике личности субъекта, совершившего это преступление. В этом документе синтезируются воедино данные, полученные из всех источников, отражается окончательное мнение следователя о личности данного человека.

Однако это совсем не означает, что в обвинительном заключении допустимы какие-то общие рассуждения, догадки и необоснованные умозаключения следователя относительно личности обвиняемого. Каждый вывод о том или ином свойстве или стороне личности обвиняемого должен быть обоснован и подтвержден вполне определенными данными, зафиксированными в материалах дела, т. е. так же, как и при изложении обстоятельств дела, выводы о свойствах личности обвиняемого следует приводить со ссылками на листы дела, где содержатся конкретные факты, характеризующие личность. Так, вывод о том, что обвиняемый вел паразитический образ жизни, может быть подтвержден тем, что он долго нигде не работал; об отношении обвиняемого к работе может свидетельствовать характеристика с производства и допросы свидетелей, знавших его по совместной работе и т.д.

Одной из задач обвинительного заключения является систематизация материалов предварительного следствия. Это обязывает следователя проанализировать все собранные материалы о личности обвиняемого и изложить их в сжатом виде так, чтобы создавалось полное представление о личности данного субъекта. Руководящей нитью изложения могут служить при этом основные стороны личности, о которых говорилось в предыдущей главе.

¹ *Коришк М., Степичев С.* Изучение личности обвиняемого. Госюриздат, 1961. С. 39.

Анализ данных о личности обвиняемого целесообразно излагать сразу же после анализа доказательств преступления, т.е. в описательной части обвинительного заключения. В резолютивной же части обвинительного заключения обычно приводятся биографические (индивидуализирующие) данные о личности обвиняемого.

Подробное изложение в обвинительном заключении данных о личности обвиняемого, кроме удобства проверки и использования их в судебном следствии, оказывает, без сомнения, большое воспитательное и предупредительное влияние как на подсудимого, так и на присутствующих, когда обвинительное заключение оглашается в зале суда. Акцентирование внимания в обвинительном заключении на данных, характеризующих личность обвиняемого, вызывает, соответственно, более внимательное их исследование в судебном следствии и отражение в приговоре суда.

Индивидуализация наказания в зависимости от личности преступника, мотивирование конкретной меры наказания не только обстоятельствами преступления, но и данными о личности, наглядно показывает и заставляет больше ценить добросовестное отношение к труду, добропорядочное поведение в обществе и быту, свое положение в коллективе и т. д.

Изложение данных, характеризующих личность преступника, в приговоре суда имеет также тот положительный момент, что приговор, поступая в личное дело осужденного, обеспечивает преемственность в работе органов следствия, суда и исправительно-трудовых учреждений по изучению личности преступника с целью более успешного исправления и перевоспитания его.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО

*(Доклады итоговой научной конференции
юридических факультетов. (Декабрь 1970 г.).
Томск, 1971. С. 164–167)*

1. Необходимость всестороннего и глубокого изучения личности подсудимого диктуется значением ее для целого ряда вопросов, разрешаемых с момента предания обвиняемого суду и до оглашения вынесенного приговора. Рассматривая вопрос о предании обвиняемого суду в распорядительном заседании, суд может принять ряд решений, в том числе и о возвращении дела на дополнительное расследование в связи с неполнотой дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании. В принципе возможно такое положение, когда причиной принятия названного решения по делу может явиться и неполное изучение личности обвиняемого как одного из моментов, влияющих на рассмотрение основных вопросов по делу, в большинстве случаев суд надеется восполнить следствие в данном отношении в судебном заседании.

Решение суда о том, что личность обвиняемого изучена надлежащим или ненадлежащим образом, во многом определяется материалами предварительного следствия, но в некоторой степени и субъективным отношением судей к необходимости полного изучения личности подсудимого.

2. Пределы изучения личности подсудимого определяются задачей вынесения объективного, обоснованного и справедливого приговора. Изучив и проверив в процессе рассмотрения дела данные о личности, собранные на предварительном следствии, суд решает вопрос о достаточности их. Возможности суда по получению новых сведений о личности подсудимого, с одной стороны, ограничены, а с другой – расширены по сравнению с возможностями следователя. Возможности суда ограничены во времени, но расширены в плане непосредственного восприятия судом поведения подсудимого в зале суда. Откровенность или запирательство, раскаяние или

стремление во что бы то ни стало уйти от ответственности, объективная оценка своих действий или желание свалить вину на другого, менее опытного соучастника – все это раскрывает личность подсудимого, показывает его отношение к совершенному преступлению, что не может не учитываться судом при оценке данной личности. Специфика судебного разбирательства определяет специфику методики изучения личности подсудимого. Основные сведения о личности подсудимого получаются в процессе проведения следственных действий в суде (допрос потерпевшего и свидетелей, заключение экспертов, допрос подсудимого, оглашение протоколов других следственных действий). Новые сведения о личности подсудимого могут быть получены из выступлений защитника и прокурора, общественного защитника и обвинителя, представленных на рассмотрение суда новых доказательств.

3. Судебное следствие, являющееся этапом судебного разбирательства и предназначенное для исследования доказательств, имеет свою тактику.

Тактика судебного следствия включает в себя как порядок исследования доказательств, так и тактические приемы проведения отдельных следственных действий. Элементы тактики присутствуют также в выступлениях прокурора и защитника, в действиях других участников процесса.

Тактика судебного следствия во многом определяется личностью подсудимого как субъекта, на которого и ради которого направляются усилия суда.

4. Основным и единственным документом, в котором фиксируется судебное разбирательство, в том числе и новые сведения о личности подсудимого, полученные в ходе судебного следствия, является протокол судебного заседания. Изучение судебной практики показывает, что названные протоколы очень кратки и в них нередко не отражаются важные моменты из показаний лиц и выступлений сторон.

Большими недостатками в рассматриваемом аспекте страдают и приговоры судов, как итоговые документы, решающие судьбу обвиняемого на длительный период времени. Представляется целесообразным не ограничиваться перечислением биографических сведений о личности подсудимого во вводной части приговора, а излагать более подробно основные характеризующие личность данные в его описательной части. Убедительность и воспитательное значение

приговора от этого, несомненно, повысятся, подсудимый и присутствующие в зале будут более дорожить своим добрым именем и достойным поведением в обществе.

5. Интересным и мало изученным в литературе является вопрос о влиянии личности подсудимого на внутреннее убеждение судей и, как следствие этого, вынесение соответствующей меры наказания и вида ИТК. Относительно определенные санкции составов преступлений и прямые указания закона о необходимости определять размер наказания и вид ИТК с учетом личности подсудимого открывают широкие возможности для суда в этом направлении. Пролить свет на данный вопрос можно после проведения социально-психологических исследований, в частности, опросов судей и народных заседателей, сравнительным исследованием аналогичных дел и т.д.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

(Сов. юстиция. 1974. № 13. С. 17–18. Соавт.: Лукин Ю., Орлов Г.)

Применение технических средств в судопроизводстве как важный элемент совершенствования судебной деятельности, повышения культуры судебных процессов способствует повышению авторитета суда и его воспитательного воздействия. На необходимость такого совершенствования не раз указывалось в постановлениях Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР.

Вот почему эксперимент по использованию технических средств в судебном процессе, осуществляемый в течение последних трех лет в Московском областном суде, привлекает пристальное внимание юридической общественности не только в нашей стране, но и за рубежом.

Недавно группа слушателей факультета повышения квалификации МГУ, в которую входили преподаватели уголовного права, процесса и криминалистики различных вузов страны, посетила Московский областной суд для ознакомления с опытом его работы по применению технических средств, существом и перспективами проводимого эксперимента, возможностями распространения опыта Московского областного суда в судебных учреждениях страны.

Слушатели посетили экспериментальный судебный зал. На столах – микрофоны, эпидиаскопы, проекционные аппараты. На стене – экран. На окнах – плотные шторы для затемнения зала. В углу – специально отгороженное застекленное помещение – аппаратная со звукозаписывающей аппаратурой.

При оборудовании зала преследовались цели: определить оптимальные условия использования технических средств в судебном процессе на основе полного соблюдения требований уголовно-процессуального закона, максимально помочь составу суда в изучении и исследовании доказательств, представить их более наглядно, изучить возможности применения такой техники, эксплуатация которой не вызывала бы особых сложностей.

Имеющуюся в зале технику можно условно подразделить на два вида: звукозаписывающую (воспроизводящую) и демонстрационную.

В областном суде уже накоплен большой опыт применения звукозаписывающей аппаратуры. За последние три года на магнитофонную ленту записано свыше 200 уголовных процессов. Чтобы выяснить эффективность звукозаписи в судебном заседании, работники суда поставили интересный эксперимент: ход судебного заседания одновременно фиксировался путем обычного протоколирования, стенографии и записи на магнитофонную ленту, а результаты затем тщательно изучались. Протокол вел опытный секретарь судебного заседания, имеющий среднее юридическое образование и десятилетний стаж работы в суде; стенограмму — опытная стенографистка, не имеющая юридического образования. Установлено, что при протоколировании 50% общей и специальной юридической информации утрачивается. Определенная потеря информации происходила и при стенографировании (2% общей и 30% специальной информации). Столь значительный процент утраты специальной информации при стенографировании и расшифровке стенограмм объяснялся тем, что стенографистка, не владея юридической терминологией, искажала смысл сказанного либо заменяла специальные термины обычными словами.

При записи на магнитофонную ленту утраты информации не происходит. Так было установлено существенное преимущество звукозаписи перед другими способами фиксации хода судебного заседания. Выявлены и другие важные преимущества. Так, магнитофонная запись позволила облегчить работу секретаря судебного заседания и улучшить качество протокола. Если секретарь упускала какой-либо момент в показаниях свидетеля или подсудимого и не отражала его в протоколе, то затем могла восполнить этот пробел. Включив автономное тихое воспроизведение записи и даже при необходимости повторив ее, секретарь может наиболее важные места в протоколе отразить дословно. Не случайно, что ни по одному из дел, при разбирательстве которых производилась звукозапись, от участников процесса не поступило никаких замечаний на протокол.

Известно, что в ходе судебного следствия часто возникает необходимость уточнить, перепроверить и сопоставить те или иные показания. Преимущество звукозаписи выражается в том, что любое данное в суде показание может быть быстро отыскано и воспроизве-

дено в судебном заседании. Этим достигается оперативность и повышается культура судебного процесса.

В случае необходимости суд также может те или иные показания прослушать в совещательной комнате, отключив репродукторы, находящиеся в зале судебного заседания.

Применение звукозаписи способствует установлению истины по делу. В практике Московского областного суда известны случаи, когда магнитофонные записи помогли разоблачить подсудимых, пытавшихся симулировать психическое расстройство. Так, привлеченный к уголовной ответственности за особо крупное хищение Р. еще на предварительном следствии симулировал психическое заболевание, в связи с чем в течение восьми месяцев находился в Институте судебной психиатрии им. проф. Сербского. Эксперты пришли к выводу о его полной вменяемости, однако на суде Р. продолжал симулировать психическое расстройство. Произведенная в суде судебно-психиатрическая экспертиза на основании записи его показаний на магнитофонную ленту убедительно подтвердила несостоятельность попыток симуляции, ибо в показаниях подсудимого не наблюдалось характерных для такого рода заболеваний признаков («разрыва мысли» и др.). Аргументированность этой экспертизы была так убедительна, что впоследствии подсудимый вынужден был признаться в симуляции.

При применении звукозаписи в суде выяснилось еще одно преимущество, не учитывавшееся ранее: магнитофонная запись способствует экономии времени всего судебного процесса. У судей обычно вырабатывается привычка как бы искусственного «торможения» хода судебного процесса (повторение вслух отдельных выражений допрашиваемых лиц, а иногда и прерывание их показаний) с целью дать возможность секретарю судебного заседания более точно и подробно вносить в протокол получаемую информацию. При производстве звукозаписи необходимость такого «торможения» исчезает. Поэтому повышается общая культура судопроизводства (путем хронометрирования установлено, что повторы отнимают около трети всего времени судопроизводства). Нетрудно понять важность такой экономии, если учесть, что рассмотрение уголовных дел областным судом по первой инстанции нередко длится недели и даже месяцы.

Техническая и организационная сторона звукозаписи в суде и ее воспроизводство не представляют непреодолимых трудностей. На столе перед каждым участником процесса, а также перед трибуной свидетеля и подсудимыми помещаются переносные достаточно чув-

ствительные микрофоны. Размещенные по стенам зала усилители позволяют хорошо слышать речь каждого участника процесса. Запись и воспроизводство осуществляются с помощью серийных, несложных в обращении магнитофонов «Комета».

Запись на двух магнитофонах и воспроизводство на третьем производит специально подготовленный оператор, который фигурирует в процессе как второй секретарь судебного заседания. О чём объявляется в начале судебного заседания (в отношении секретаря-оператора действует общий процессуальный порядок отвода). У всех участников процесса испрашивается согласие на производство звукозаписи. Оценив ее достоинства, адвокаты нередко заявляют ходатайства о перенесении судебного заседания в зал, оборудованный средствами звукозаписи.

Еще до применения звукозаписи в суде среди практических работников, а также в литературе иногда высказывались опасения относительно возможности фальсификации фонограмм. В Московском областном суде найдено простое, но убедительное средство защиты звукозаписи и фонограмм от подобных подозрений. При записи судебного процесса на магнитофонную ленту используется специальная линейка, с помощью которой точно измеряется длина пленки, используемой для фиксации тех или иных показаний, данные измерения заносятся в специальный журнал, по которому всегда можно определить, в какой части ленты записаны эти показания. За шесть часов работы суда затрачивается обычно 500 м магнитофонной пленки. При этом изменить какую-то часть записи практически невозможно, так как пришлось бы перекроить всю магнитофонную ленту. Таким образом, ведение специального журнала помогает оперативно отыскать интересные показания и воспроизвести их в судебном заседании, служит определенной гарантией от фальсификации фонограмм.

Опыт широкого применения различной демонстрационной техники в ходе судебного разбирательства в Московском областном суде выявил большие возможности повышения эффективности судебных процессов и их воспитательного воздействия.

Как известно, органы предварительного следствия, с каждым годом все шире используют фото- и киносъемку. Уже сейчас в практику следственных органов внедряются средства видеозаписи. Путем просмотра фотоснимков, кинофильмов и видеозаписи как способов фиксации доказательств в судебном заседании достигается «эффект присутствия» участников процесса и находящихся в зале лиц, значительно повышает-

ся не только наглядность и убедительность тех или иных доказательств, но и облегчается выполнение судом воспитательной функции.

Кроме того, в Московском областном суде на экране широко демонстрируются вещественные доказательства (если позволяют их размеры) различные документы и т. п.

Для этой цели используется обычная простая в обращении демонстрационная аппаратура: проекционные фонари «Свет», эпидиаскопы обычных типов, проекционный аппарат «ЛЭТИ» с дистанционным управлением, киноустановка для демонстрации фильмов, снятых на 8- и 16-миллиметровой пленках.

Результаты проводимого эксперимента по применению технических средств в суде затрагивают деятельность не только судов, но и всех органов, ведущих борьбу с преступностью. При демонстрации результатов работы следователей и экспертов нагляднее проявляются многие недостатки и упущения, имеющие место при фиксации доказательств. Еще нередко представленные в суд следственными органами фотоснимки и кинофильмы не отвечают предъявляемым требованиям. Кроме того, изображенные на фотоснимках и кинофильмах действия (чаще всего иллюстрируются протоколы осмотров места происшествия, следственных экспериментов, опознаний и т. д.) могут быть неправильно истолкованы и поняты в судебном заседании, что отнюдь не способствует осуществлению целей правосудия. Так, из 18 представленных следователями в суд кинофильмов 16 по различным причинам не могли демонстрироваться в судебном заседании.

Указанные недостатки в значительной мере относятся и к деятельности экспертных учреждений. Заключение экспертов нередко написаны сложным, неудобным для восприятия языком, а иллюстрации к экспертизам изготавливаются без учета возможности их демонстрации крупным планом в ходе судебного разбирательства. Отсюда их неубедительность.

Думается, что недалеко то время, когда все суды перейдут на широкое использование технических средств. Министерство юстиции СССР и Министерство юстиции РСФСР осуществляют в этом направлении необходимые меры.

Внедрение в практику органов расследования и судов научно-технических средств в конечном счете зависит от подготовки специалистов, способных использовать достижения научно-технического прогресса. Важная роль в этом принадлежит юридическим факультетам, институтам страны.

ФОРМИРОВАНИЕ У СЛУШАТЕЛЕЙ НАВЫКОВ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

*(Формирование профессиональных качеств следователя
при изучении криминалистики и судебной психологии.
Волгоград, 1976. С. 69–73)*

Выполнение требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела (ст.20 УПК РСФСР) в равной мере распространяется как на выяснение обстоятельств совершенного преступления, так и на изучение личности субъекта. Предмет доказывания по каждому уголовному делу включает в себя, наравне с установлением события преступления, виновности обвиняемого, характера и размера ущерба, также выяснение обстоятельств, указанных в ст. 38 и ст. 39 УК РСФСР, подавляющее большинство которых, как известно, относится к личности обвиняемого. Но законодатель, понимая ограниченность обстоятельств, содержащихся в названных статьях УК РСФСР и не раскрывающих полноту и своеобразие каждой личности, специально оговаривает необходимость установления во всяком уголовном деле также иных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого.

Процессуальное значение надлежащего изучения личности обвиняемого раскрывается в ст. 342 и ст. 343 УПК РСФСР. В числе оснований к отмене или изменению приговора ст. 342 УПК РСФСР указывает односторонность или неполноту дознания, предварительного или судебного следствия. Статья 343 УПК РСФСР разъясняет, в чем может заключаться эта неполнота следствия, и наряду с другими обстоятельствами, дающими основание для отмены приговора, включает и такое, как не установленные с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого. Таким образом, закон прямо указывает, что поверхностное и неполное изучение личности обвиняемого на предварительном следствии является основанием для направления дела на доследование, если суд не сможет восполнить этот недостаток в судебном разбирательстве.

Уголовно-правовое значение изучения личности обвиняемого наглядно видно при решении вопросов квалификации преступлений.

Правильная квалификация на предварительном следствии определяет специфику доказательственного материала и обеспечивает правильное направление расследования. Наибольшее значение при квалификации преступления представляет вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом. Как известно, это существенно влияет на квалификацию преступлений и влечет целый ряд уголовно-правовых последствий. Основанием признания лица особо опасным рецидивистом является наличие у него определенного числа судимостей за преступления, предусмотренные законом. Но наличие только прежних судимостей является формальным основанием. Кроме этого, нужна еще внутренняя связь между преступными деяниями данного субъекта, которые должны свидетельствовать о прочно укоренившейся антиобщественной направленности личности. Именно поэтому закон обязывает суд при рассмотрении вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом учитывать также характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела (ст. 24 УК РСФСР). Таким образом, даже при наличии достаточного количества судимостей суд может не признать лицо особо опасным рецидивистом, если характер вновь совершенного преступления и личность правонарушителя не свидетельствуют о единой направленности на совершение новых преступлений. Отсюда ясна значимость глубокого и всестороннего изучения личности обвиняемого.

Еще более широк диапазон использования данных о личности обвиняемого в решении криминалистических задач. Достаточно напомнить, что наличие этих данных способствует успешному проведению следственных действий. Принимая то или иное решение по делу (предъявление обвинения, избрание меры пресечения, назначение экспертизы и т.д.), следователь учитывает личность обвиняемого. Это помогает правильно выдвинуть и проверить версии по делу, спланировать розыск. Изучение личности нередко помогает выявить непосредственные причины и условия, способствующие совершению преступления, и принять действенные меры к их устранению.

Такое разностороннее и многоплановое значение личности обвиняемого делает весьма насущной задачу разработки методики ее изучения. Наиболее существенными здесь должны являться вопросы о пределах (объеме) и методике изучения. Прежде чем обучать методике, следует решить, в каких пределах (в каком объеме) изучать, уяснить приемы изучения, которые могут быть применены в специ-

фических условиях предварительного следствия и судебного разбирательства. При определении пределов изучения личности обвиняемого нами было предложено исходить не из простого перечисления данных, характеризующих его, а из того, чтобы были охвачены все основные стороны личности. Это обеспечивает всесторонность и полноту изучения, дает возможность классифицировать полученные сведения и одновременно удовлетворить требования закона, поскольку совокупность сведений в целом позволяет решить все необходимые конкретные вопросы по делу.

Усвоение методики изучения личности обвиняемого, заключающейся в применении различных способов получения и фиксации в процессуальных документах разнообразных сведений о нем с учетом требований закона и процессуального режима, является в настоящее время необходимым компонентом профессиональной подготовки следователя.

Многосторонность самой личности вызывает необходимость применения различных методов ее изучения. В следственной деятельности используются следующие методы: наблюдение, беседа, анализ процесса и результатов деятельности, метод обобщения независимых характеристик, анализ документальных данных, а также судебно-психологическая экспертиза. Применяются эти методы при проведении того или иного следственного действия, т.е. сведения о личности черпаются из тех же источников, что и доказательства по делу. Уже во время осмотра места происшествия, анализируя обстановку, в ряде случаев можно точно установить цель преступления, число преступников и роль каждого из них в совершении преступного деяния, их профессиональные навыки, а также некоторые черты характера (корыстолюбие, жестокость, цинизм). Обыск дает возможность собрать как материально выраженные данные, характеризующие личность (в виде различных документов, писем, записных книжек, фотографий), так и идеальные, в виде выводов и представлений следователя о психологических особенностях человека и условиях его жизни, которые он делает на основании изучения материальных объектов и поведения обвиняемого.

Весьма обширные сведения о личности обвиняемого можно получить из показаний свидетелей, потерпевших и других обвиняемых. Как известно, закон (ст. 74 УПК РСФСР) специально указывает, что свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу. В качестве свидетелей могут

выступать близкие родственники, друзья по работе и повседневной жизни, представители администрации и общественных организаций по месту работы или учебы обвиняемого.

Важным источником информации о личности являются криминалистические учеты. Весьма разнообразную и обширную информацию можно получить путем истребования документов из различных учреждений и организаций. Для получения такой информации можно широко использовать общественность.

Основы формирования навыков по изучению личности обвиняемого должны быть заложены в процессе профессиональной подготовки следователей, в частности при изучении курса криминалистики.

В Томском университете по решению кафедры вот уже несколько лет читается лекция по теме «Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии». Кроме того, при чтении лекций, посвященных тактике отдельных следственных действий, обращается внимание на широкую возможность получения сведений о личности, показываются пути и способы получения такой информации.

При изучении раздела следственной тактики слушатели получают цельное представление о проблеме изучения личности обвиняемого, усваивают конкретные приемы и способы собирания необходимых сведений. Кроме того, в кафедральную тематику курсовых и дипломных работ ежегодно вносится несколько тем, посвященных данной проблеме, предлагаются исследовательские темы, при выполнении которых требуется не только изучение литературы, но и обобщение следственной практики. Кафедра широко практикует изучение личности обвиняемого по отдельным категориям преступлений, что впоследствии дает материал для сравнительного анализа. По результатам исследований студенты выступают с докладами в студенческом научном кружке при кафедре и на ежегодной студенческой научной конференции. Эта тематика и доклады вызывают интерес, так как студенты видят практическую значимость проблемы и возможность самим исследовать малоизученные вопросы.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ И ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

*(Актуальные проблемы государства и права.
Томск, 1977. С. 129–132)*

Проблема личности преступника непосредственно связана с решением ряда институтов и задач уголовного права и процесса, исправительно-трудового права, криминалистики и криминологии. Достижение целей общественных отношений, регулируемых данными науками, предполагает и становится возможным лишь в результате изучения и воздействия на личность субъекта, совершившего преступление.

Если говорить о значении изучения личности обвиняемого, то следует отметить, что надлежащее изучение ее является одним из оснований принимаемых решений и выводов по уголовному делу. Причем это единая, цельная, «сквозная» проблема, проходящая через все стадии уголовного процесса, играющая существенную роль при решении всех вопросов, начиная с возбуждения уголовного дела и кончая определением меры наказания и его исполнением. Соответственно задача изучения личности преступника возникает с момента совершения преступления и появления виновного и остается актуальной до полного исправления и перевоспитания данного лица.

Требование изучения личности субъекта, совершившего преступление, закреплено в ряде статей Основ уголовного законодательства и судопроизводства, в уголовных и уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Причем степень правовой регламентации различных аспектов изучения личности преступника в законе неодинакова. Более полно в законе отражен уголовно-правовой аспект изучения личности совершившего преступление. Так, в ряде статей как Общей, так и Особенной частей Уголовного кодекса РСФСР имеются указания о том, какие данные о личности субъекта преступления необходимы для доказывания наличия определенного состава преступления, назначения справедливого наказания, вида колонии и т. д.

Гораздо слабее, т. е. менее полно и в отдельных случаях менее четко, решаются в законе вопросы уголовно-процессуального и кри-

миналистического аспектов изучения личности обвиняемого, а именно: сколько сведений о личности субъекта, совершившего преступление, должно быть в материалах уголовного дела, каким образом их получать, где и в каких документах фиксировать. Иначе говоря, речь идет о пределах и методике изучения личности преступника. Вопросы уголовно-процессуального аспекта рассматриваемой проблемы настоятельно требуют своего дальнейшего развития и совершенствования, требуют новых юридических гарантий применения правовых норм, в которых содержатся отдельные указания относительно возможностей их в данном аспекте.

При существующем положении приходится путем расширительного толкования норм, выяснения их «духа» показывать, что законодатель имеет в виду наравне с установлением обстоятельств преступления и надлежащее изучение личности субъекта, его совершившего, получение тех или иных данных о нем. Так, исходя из требования ст. 20 УПК РСФСР о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, мы распространяем это и на изучение личности преступника, утверждая, что всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела немыслимы без надлежащего изучения личности субъекта преступления. Основываясь на предписании п. 3 ст. 68 УПК РСФСР о необходимости доказывания по уголовному делу смягчающих и отягчающих, а также иных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, мы утверждаем, что это обязывает органы следствия и суда глубоко изучать личность обвиняемого и подсудимого.

Отсутствие, таким образом, специальной нормы в УПК, предусматривающей, предписывающей в необходимых пределах изучение личности субъекта, совершившего преступление, приводит порой к неудовлетворительному состоянию исследования личности на практике, несмотря на понимание необходимости этого изучения и субъективное желание отдельных работников.

Иллюстрацией этого могут служить результаты изучения материалов уголовных дел, проведенного на кафедре уголовного процесса и криминалистики Томского университета. Обобщение практики выявило, что следственные органы выясняют достаточно полно лишь некоторые обстоятельства, характеризующие личность виновного. Это – сведения о роде занятий, образовании, месте работы, партийности, о судимостях и о совершении иных правонарушений. Эти данные имелись во всех изученных делах (нетрудно заметить,

что вопросы об этих сведениях прямо предписываются в бланках протоколов допроса). Гораздо реже в материалах уголовных дел встречаются другие данные о личности: о мотивах совершенного преступления (51 %), о причинах, по которым лицо не работало и не училось (63 %), об отношении к совершенному преступлению (17 %).

Если в УПК имеется общее решение по вопросу о пределах изучения личности преступника, то еще более скудные указания содержатся в его нормах о возможных и допустимых путях и способах получения сведений о личности. Практически лишь о проведении одного следственного действия, а именно допроса свидетеля, в УПК отмечено, что он может быть допрошен о любых обстоятельствах, в том числе и о личности обвиняемого (ст. 74 УПК РСФСР). Процессуальный порядок проведения других следственных действий не содержит каких-либо указаний на этот счет. При этом можно лишь подразумевать, что при проведении их могут быть попутно получены и отдельные сведения о личности субъекта преступления. Именно неопределенностью законодательного закрепления в УПК можно объяснить нередко встречающееся неудовлетворительное состояние с изучением личности преступника на практике. Следовательно и суд, не имея в законе прямых указаний о том, какие именно и сколько необходимо и достаточно иметь сведений о личности преступника в уголовном деле, а также каким образом и из каких источников они могут быть получены, не уделяют должного внимания этой стороне следствия, ограничиваясь нередко лишь минимумом.

Представляется, что одним из возможных путей дальнейшего развития и совершенствования уголовно-процессуальных норм по вопросу об изучении личности преступника может быть следующий. Ввести в раздел первый (Общие положения) УПК союзных республик специальную статью, предусматривающую необходимость надлежащего изучения личности субъекта преступления с примерным перечислением обстоятельств или сторон личности, сведения о которых должны содержаться во всяком уголовном деле. Примечательным в этом отношении является решение данного вопроса в законодательстве зарубежных социалистических стран. В частности, в УПК Польской Народной Республики, принятом 19 апреля 1969 г., в § 1 ст. 8, говорится, что «в уголовном судопроизводстве необходимо установить личность обвиняемого, его возраст, семейные и имущественные отношения, образование, характер работы, а также данные о судимости, а по мере необходимости данные относительно

особенностей характера обвиняемого, его личных условий и образа жизни. В отношении военного и сотрудника милиции, кроме того, собираются данные, касающиеся прохождения службы, поощрений и дисциплинарных взысканий».

Введением подобной статьи в «Общие положения» УПК союзных республик решался бы вопрос о пределах изучения личности обвиняемого.

Не менее важно и законодательное закрепление путей и способов получения информации о личности обвиняемого. Сведения о личности виновного, как известно, получают в основном из тех же указанных в законе источников, что и доказательства преступления, в частности, при проведении таких следственных действий, как осмотр, допрос, обыск, предъявление для опознания, следственный эксперимент и др., а также путем запросов из организаций и учреждений различных документов, характеризующих личность. Поэтому в целях показа возможностей того или иного следственного действия в этом отношении и, соответственно, возложения на следователей и судей обязанности по собиранию данных о личности преступника целесообразно внести некоторые дополнения и уточнения в нормы УПК, регулирующие порядок проведения следственных действий.

Так, следует дополнить ст. 178 УПК РСФСР указанием на то, что осмотр места происшествия преследует цель не только обнаружить следы преступления и вещественные доказательства, но и признаки, характеризующие личность преступника. При анализе обстановки места происшествия как единого целого, как результата воздействия преступника, а именно такой подход к изучению обстановки преступления является правильным, в ней неизбежно проявляются признаки, как указывающие на личность совершившего преступление, так и характеризующие ее. Нацеливание следователей на вдумчивый осмотр места происшествия, на отыскание признаков, характеризующих личность преступника, поможет не только в изучении личности, но и повысит качественную сторону осмотра.

Еще более ценную и разностороннюю информацию о личности обвиняемого можно получить при производстве обыска места жительства или работы его. Для чего было бы уместно отметить в соответствующей статье УПК, что одной из задач обыска является сбор данных о личности обвиняемого.

Аналогичные дополнения, небольшие, на первый взгляд, но значительные по существу для рассматриваемой проблемы, внесенные

и в статьи о некоторых других следственных действиях, сыграли бы известную роль в улучшении состояния изучения личности преступника в процессе расследования и судебного рассмотрения дела.

Законодательного закрепления в качестве самостоятельного источника сведений о личности виновного заслуживает также судебно-психологическая экспертиза. При условии разработанности научно обоснованной методики ее проведения она может дать объективно достоверные данные о личности испытуемого, в частности, о чертах характера и темперамента его, о направленности личности и других психических качествах.

Как попытку правовой регламентации изучения личности виновного, в определенном смысле, можно рассматривать инструктивное указание МВД СССР о составлении следователями справок-характеристик на обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения – содержание под стражей. Однако, не будучи закрепленным в законе, это указание выполняется следователями неудовлетворительно. Так, изучение личных дел осужденных к лишению свободы, проведенное по уголовным делам, расследованным следователями МВД, показало, что такие справки-характеристики имелись лишь в 43% дел.

Таким образом, только совершенно точное и определенное законодательное закрепление может сделать обязательным для следователей и судей надлежащее изучение личности преступника.

В проблеме изучения личности преступника весьма важным является вопрос о взаимодействии органов расследования, суда и органов, исполняющих приговор. Действительно, если личность обвиняемого будет даже хорошо изучена на предварительном следствии, но эти данные не найдут отражения в таких основных документах, как обвинительное заключение и приговор, а позднее не попадут в личное дело осужденного, то работа, проделанная на первом этапе, в значительной степени оказывается проделанной впустую, не дает необходимого выхода. При анализе материалов уголовных дел замечено, что если в обвинительном заключении приводилось более или менее развернутая характеристика личности обвиняемого, то почти дословно эта формулировка переходит в приговор и можно видеть, что же именно и как учел суд при оценке личности подсудимого. В противном случае в приговоре нередко можно встретить трафаретную фразу – «учитывая личность».

Данные нашего исследования говорят о том, что положение дел в плане взаимодействия органов следствия, суда и ИТУ по изучению личности преступника в настоящее время не отвечает требованиям единства действий всех органов, ведущих борьбу с преступностью. Наблюдается явно выраженная тенденция к «утечке» информации о личности преступника по мере разрешения уголовного дела. Так, например, если в материалах уголовного дела в стадии предварительного следствия сведения, характеризующие обвиняемого в быту, содержались в 79 из 100 уголовных дел, то в обвинительном заключении они отражены лишь в 17, а в приговорах – в 14 делах, сведения об отношении к работе на предварительном следствии содержались во всех делах, а в обвинительном заключении – в 27 и в приговоре – в 21 деле, сведения о причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений, соответственно содержались в 20 и двух делах, сведения об участии в общественной работе – на предварительном следствии в 24 делах и ни в одном обвинительном заключении и приговоре. Поэтому закрепление в нормах УПК положения о передаче сведений о личности преступника из органов следствия в суд и затем из суда в органы, исполняющие приговор, представляется весьма целесообразным. Законодательное закрепление этого приведет к преемственности и непрерывности изучения личности преступника всеми органами, к быстрому и правильному избранию путей и методов его перевоспитания, а в конечном итоге к более высокой эффективности нашей борьбы с преступностью.

РОЛЬ ПРОКУРОРА И АДВОКАТА В ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО

*(Проблемы борьбы с рецидивной преступностью.
Томск, 1978. С. 63–67. Соавт.: Танцеров В.С.)*

В рассмотрении конкретного уголовного дела, помимо суда, активное участие принимают прокурор и адвокат, на которых, соответственно, возложены функции обвинения и защиты.

Строгое разделение этих процессуальных функций и состязательное построение судебного разбирательства позволяют обеим сторонам в одинаковой мере отстаивать перед судом свои позиции, что является важной гарантией реализации права подсудимого на защиту.

Осуществляя свои процессуальные функции, прокурор и адвокат принимают участие в исследовании не только фактических обстоятельств дела, но также и данных, характеризующих личность подсудимого.

Каким же образом прокурор и адвокат изучают личность подсудимого, и как они доводят свои мнения до сведения суда?

В соответствии с последовательно проведенным в нашем уголовном процессе равноправием участников защитник располагает всеми теми правами, какими располагает прокурор в исследовании обстоятельств дела. Права эти весьма широки как относительно исследования обстоятельств совершенного преступного деяния, так и в выяснении данных, характеризующих личность подсудимого. При этом следует помнить о различии задач прокурора и адвоката в уголовном процессе. Во всей своей деятельности в судебном разбирательстве прокурор исходит из требования всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, что в полной мере распространяется и на исследование личности подсудимого. Это означает, что прокурор должен стремиться получать и анализировать сведения, характеризующие подсудимого не только с отрицательной, но и с положительной стороны. Адвокат же имеет лишь одну обязанность (ст. 51 УПК РСФСР) – использовать все доз-

воленные законом средства и способы для выяснения обстоятельств, оправдывающих подсудимого или смягчающих его вину, т.е. благоприятных для подзащитного. Естественно, такое различие задач прокурора и адвоката является определяющим моментом в их деятельности по изучению личности подсудимого.

В подготовительной части судебного разбирательства прокурор и адвокат имеют право заявлять ходатайства в связи с выяснением анкетных данных подсудимого, в ходе судебного следствия участвовать в допросах подсудимого, потерпевших, свидетелей, задавать вопросы эксперту, изучать документы с целью выяснения данных о подсудимом, наконец, высказать перед судом в судебных прениях сложившееся у них мнение о подсудимом как о личности.

Хорошее знание материалов уголовного дела – неперемнное требование, предъявляемое к прокурору и защитнику, участвующим в судебном разбирательстве. Применительно к рассматриваемому вопросу такое знание позволяет заранее наметить путь дальнейшего выяснения данных, характеризующих личность подсудимого (заявить соответствующие ходатайства, подготовить вопросы относительно личности подсудимого лицам, которые могут охарактеризовать его и будут допрошены в судебном заседании, и т. д.).

Уже в подготовительной части судебного разбирательства, когда суд устанавливает личность подсудимого, участие в этом прокурора и адвоката должно быть активным. Если, по мнению кого-либо из них, суд не установил тех или иных анкетных данных о подсудимом, они могут задать вопросы подсудимому с целью их выяснения. Согласно ст. 276 УПК РСФСР прокурор и адвокат в данной части судебного разбирательства имеют право заявлять ходатайства о вызове новых свидетелей, о приобщении к материалам дела новых документов, которые могут с той или иной стороны охарактеризовать подсудимого, о назначении различного рода судебных экспертиз (психолого-психиатрической, психиатрической и др.), а также о направлении дела на дополнительное расследование, если в деле усматривается недостаточное количество данных о личности подсудимого.

Возможность представления сведений, характеризующих личность подсудимого, со стороны адвоката обеспечивается также ст. 26 Положения об адвокатуре РСФСР, согласно которой адвокат вправе запрашивать из государственных и общественных организаций характеристики о трудовой и общественной деятельности подсудимого, справки о его семейном положении, о состоянии здоровья и др.

Проводя серьезную, глубокую и всестороннюю досудебную подготовку, прокурор и адвокат оказывают затем большую помощь суду в изучении данных, характеризующих личность подсудимого. Материалы судебной практики показывают, насколько полезны бывают инициатива и усилия защитников по выявлению, собиранию и представлению сведений, характеризующих личность подсудимого.

Например, по делу Вахрушева, осужденного по ст. ст. 15–117 УК РСФСР, по ходатайству адвоката были вызваны в качестве дополнительных свидетелей домоуправляющий по месту жительства подсудимого и мастер с места работы, которые дали в ходе судебного следствия дополнительные сведения о личности подсудимого. Домоуправляющий охарактеризовал его как очень вежливого и спокойного по характеру человека, пользующегося уважением старших. На его иждивении находится престарелая мать. Мастер сообщил суду, что Вахрушев хороший производственник, ударник коммунистического труда, за хорошие показатели в труде награждался денежными премиями, активно участвует в общественной жизни цеха и завода. Адвокат запросил также характеристику из воинской части, где служил подсудимый. Характеристика свидетельствовала о том, что Вахрушев зарекомендовал себя как добросовестно исполняющий долг воин. Являлся отличником боевой и политической подготовки. Суд при вынесении приговора учел все это и определил ему условную меру наказания.

В то же время имеются случаи, когда адвокаты недостаточно используют предоставленные им законом права по собиранию дополнительных данных о личности подсудимого и используют лишь те сведения, которые были собраны на предварительном следствии, хотя их зачастую явно недостаточно. Крайне редко адвокаты заявляют и ходатайства о направлении дела на дополнительное расследование из-за недостаточности материалов, характеризующих подсудимого.

Но если адвокаты хотя и не в должной мере собирают данные о личности подсудимого и затем представляют их суду, то прокуроры, как показывает практика, нередко опускают этот вопрос при выполнении своих процессуальных функций.

В ходе судебного следствия прокурор и защитник участвуют в исследовании находящихся в материалах дела документов, характеризующих личность подсудимого. Это могут быть справки о судимостях, характеристики с места работы, жительства или учебы,

медицинские справки о состоянии здоровья, справки из медвытрезвителя, выписки из трудовой книжки и др., которые оглашаются судом в любой момент судебного следствия.

Положение прокурора при выяснении характеризующих подсудимого сведений в судебном разбирательстве и, в частности, при допросе самого подсудимого несколько сложнее, чем адвоката, поскольку зачастую до этого он изучает подсудимого лишь по документам и видит его впервые. Однако обязанности по тщательному изучению личности подсудимого с государственного обвинителя не снимаются. Поэтому все без исключения показание подсудимого, а также свидетелей, потерпевшего и эксперта должны интересовать прокурора с позиции не только обстоятельств совершенного преступления, но и изучения личности подсудимого.

Всестороннее изучение данных, характеризующих подсудимого, позволяет как прокурору, так и адвокату сделать выводы и довести до суда свои соображения о том, является ли совершенное преступление закономерным проявлением внутренней направленности личности подсудимого или же оно совершено вследствие случайного стечения обстоятельств и противоречит положительному образу жизни подсудимого.

Произнесение обвинительной речи прокурором и защитительной речи адвокатом – итоговая часть их работы в судебном заседании. Задача защитника и обвинителя – проанализировать в своих речах содеянное подсудимым под углом зрения защиты и обвинения, раскрыть психологический механизм совершенного преступления, показать, насколько отразились в преступном деянии стабильные нравственно-психологические и социальные черты личности подсудимого, в какой мере они характеризуют его жизненную ориентацию, его интересы и стремления.

Давая характеристику личности подсудимого наряду с анализом доказательств совершенного преступления, прокурор и адвокат подготавливают суд и присутствующих в зале лиц к требованию о мере наказания подсудимому. Из характеристики должно быть ясно, почему прокурор попросил ту, а не иную меру наказания и какие положительные и отрицательные данные о подсудимом суд должен учесть при определении наказания. Поэтому освещение вопроса о характеристике подсудимого должно быть достаточно полным и включать в себя данные о жизни и деятельности подсудимого в прошлом и в настоящее время, о его поведении в семье, об образе

жизни и связях, о состоянии здоровья и личных качествах, чертах характера и т. д. Используя эти данные, прокурор и адвокат, каждый соответственно своим задачам, должны воссоздать перед судом общественно-политический облик подсудимого, показать его роль в преступлении, выявить подлинные мотивы преступления. До наших дней остается верным замечание А.Ф. Кони: «Закон требует, чтобы снисхождение было основано на обстоятельствах дела. Но из всех обстоятельств дела, конечно, самое главное – сам подсудимый. Поэтому если в его жизни, в его личности, даже в слабостях его характера, вытекающих из его темперамента и его физической природы, вы найдете основание для снисхождения, – вы можете к строгому голосу осуждения присоединить голос милосердия» (Кони А.Ф. 1967).

Характеристика подсудимого должна быть построена на конкретных материалах дела, являться выводом из этих материалов, а не представлять собою голословное утверждение защитника и обвинителя о том, каким представляется им подсудимый. В характеристике должен быть максимум информации. Давая ее, прокурор и адвокат должны осветить не отдельные теневые или ярко положительные стороны из биографии подсудимого, а показать его во всей полноте жизненных обстоятельств, объяснить те причины, которые толкнули его на совершение преступления, выявить степень его социальной запущенности. Как правильно отмечает В. Стеценко, исследование личности подсудимого не может замыкаться только теми ее свойствами и качествами, которые непосредственно проявились в преступном деянии. Оно должно распространяться также на психологические и социальные особенности подсудимого, которые позволяют судить о степени его опасности, путях и перспективах его исправления (Стеценко В. 1967).

Например, по делу Мусохрановой, осужденной по п. «г» ст. 102 УК РСФСР, адвокат в своей защитительной речи показала, что привело подсудимую к совершению столь тяжкого преступления. Мать и отец отдавали все силы воспитанию своего единственного сына. С детских лет исполнялись все его желания. Однако, став взрослым, сын не только не уделял должного внимания родителям, а скандалил и даже зачастую избивал их. Окончив 8 классов, он пошел работать. Заработанные деньги тратил на приобретение спиртных напитков. Затем окончил курсы шоферов, женился, но также продолжал пьянствовать, избивал теперь уже не только мать и отца, но и жену. Последняя вскоре ушла от него. И вот однажды, будучи в состоянии

алкогольного опьянения, сын избивает отца, за что был осужден к лишению свободы, но возвратившись, продолжает пьянствовать и издеваться над матерью (отец к этому времени уже умер). Однако на свободе он пробыл недолго. Находясь в нетрезвом состоянии за рулем автомашины, сбил человека и вновь был осужден к лишению свободы. Отбыв наказание и вернувшись домой, он в первый же день напился и ночью стал требовать от матери, чтобы она вступила с ним в половую связь, и когда она отказалась, сын начал избивать и душить ее. Тогда мать решила убить своего сына... По работе и месту жительства подсудимая характеризуется положительно. По характеру она очень спокойная и вежливая, пользуется уважением товарищей, исполнительная, не имела ни административных, ни дисциплинарных взысканий. За хорошую работу была награждена почетными грамотами, является ударником, коммунистического труда.

По делу Малых, осужденного по ст. 206 ч. 2; ст. 113 УК РСФСР, прокурор в обвинительной речи уделил серьезное внимание личности подсудимого. Малых не случайно вновь попал на скамью подсудимых. Ранее он был судим и приговорен к лишению свободы, но, вернувшись, не исправился, а продолжал вести аморальный образ жизни, не работал, пьянствовал, избивал жену. Соседи неоднократно делали ему замечания, вызывали работников милиции. За мелкое хулиганство был осужден на 15 суток, но ничего в его поведении не менялось, он продолжал пьянствовать и избивать жену. По характеру подсудимый грубый, жестокий и самолюбивый человек.

Закон не устанавливает прокурору и адвокату каких-либо пределов при характеристике личности подсудимого в своих обвинительной и защитительной речах, разумеется, опять-таки с учетом различия их задач. Но совершенно недопустимо, когда адвокаты представляют своих подзащитных только в «розовом свете», а прокуроры пытаются нарисовать портреты подсудимых исключительно в мрачных тонах.

Характеризуя личность подсудимого, адвокат не должен без всякой меры превозносить его заслуги перед обществом, приукрашивать его служебную деятельность, общественную характеристику, моральный облик и т. п., а государственный обвинитель не вправе прибегать к бранным эпитетам и грубым словам, допускать в обвинительной речи выражения и сравнения, оскорбляющие подсудимого, унижающие его честь и достоинство. «Пройтись на счет подсудимого, без сомнения, иногда бывает соблазнительно, — отмечал

А.Ф. Кони, – особенно в тех случаях, когда обвинитель глубоко убежден в его виновности и возмущен его поступком...» (Кони А.Ф. 1967). Но этому соблазну не следует поддаваться.

Необъективная оценка личности подсудимого, беспринципность адвоката и прокурора в этом вопросе, даже при правильном анализе других материалов дела, может повлиять на оценку судом и аудиторией всей речи, поставить под сомнение заслуживающие внимания доводы защитника и прокурора.

Необходимо также отметить, что если защитники, как правило, всегда в защитительной речи проводят анализ данных, характеризующих личность подсудимого, то прокуроры нередко ограничиваются беглыми и общими замечаниями, что, по нашему мнению, является недостатком в их работе. Между тем следует помнить, что сведения о личности подсудимого, которые оглашаются перед судом, могут быть учтены в выводах суда и получить отражение в приговоре при определении наказания.

Поступить в соответствии с требованиями судебной этики и закона для адвокатов и прокуроров – значит изучить и раскрыть в своих защитительной и обвинительной речах и личность подсудимого.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, И МЕТОДИКИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

*(Проблемы теории и практики борьбы с преступностью.
Томск, 1982. С. 127–134)*

Активное изучение вопросов эффективности правового регулирования является одной из характерных черт научных исследований в юридической науке последних лет (Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. 1979). При этом преследуется цель изыскания новых путей усиления воздействия права на общественные отношения с тем, чтобы наилучшим образом использовать его потенциальные возможности по развитию политической организации общества, улучшенного его управления. Это один из путей, которым ученые-правоведы вносят свой вклад в выполнение задачи повышения эффективности функционирования нашего государственного механизма.

Исследование вопросов эффективности правового регулирования способствует раскрытию «внутренних резервов» права, его потенциальных возможностей по совершенствованию деятельности органов управления обществом. Эти исследования направлены на решение задачи повышения эффективности и качества работы всех составных частей нашего государственного механизма, выдвинутой в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии.

Повышение эффективности правового регулирования – одна из актуальных задач современной правовой науки, в решении которой остро заинтересована практика. Это прямо вытекает из решений XXVI съезда КПСС, в которых отмечается высокая роль и большая ответственность правоприменительных органов в укреплении социалистической законности и правопорядка. При этом подчеркивается, что «советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание».

Представляется, что задача повышения эффективности деятельности органов, расследования может быть решена двумя путями: повышением эффективности самого права и повышением эффектив-

ности правоприменительной деятельности. Повышение эффективности расследования преступлений означает повышение эффективности деятельности органов расследования, в процессе которой они реализуют те или иные правовые нормы, т. е. осуществляют правоприменительную деятельность. Поскольку до последнего времени основные понятия теории эффективности правового регулирования, в том числе понятия эффективности права и эффективности его применения, остаются дискуссионными, необходимо на них остановиться. Уяснив исходные понятия, можно будет предпринять попытку разработать методику определения эффективности применительно как к деятельности органов расследования в целом, так и относительно отдельных следственных действий.

Прежде всего следует отметить, что в настоящее время является весьма утвердившимся представление о том, что эффективность применения права есть самостоятельное явление, отличное от эффективности самого права. Однако при всем том это отличие является не абсолютным, так как применяться может лишь уже имеющееся право, т.е. право, выраженное в определенной форме. Иными словами, эффективность права есть залог его эффективного применения, и поэтому эффективность права рассматривается как одна из составляющих эффективности его применения (Ларин Л.М., 1979; Морщакова Т.Г., Петрухин И.Л. 1973).

Эффективность применения уголовно-процессуального закона определяется как степень действительного достижения поставленной перед ним цели, т. е. как реально достигнутые результаты деятельности определенных органов (лиц) по достижению поставленной в законе (норме) цели. Из сказанного следует, что для установления эффективности применения закона необходимо уяснить два момента: в чем проявляется применение закона и какова та цель, которая должна быть достигнута при этом.

В качестве общего правила принято считать, что всякая правовая норма живет тогда, когда она действует, исполняется, т. е. проявляет себя в деятельности людей (как в действиях, так и в воздержании от действий, запрещенных законом). Однако это общее правило не носит абсолютного характера для уголовно-процессуальных норм. При аналитическом рассмотрении характера деятельности по исполнению уголовно-процессуальных норм можно заметить, что в их числе имеются такие нормы, неприменение которых свидетельствует не об их неэффективности, а, напротив, указывает на высокую степень

эффективности применения других норм или является результатом проявления, действия внеправовых факторов. Так, например, число обжалований приговоров говорит о хорошем уровне применения норм, регулирующих основания и порядок их вынесения, и совсем не является показателем низкой эффективности норм, предоставляющих право на обжалование. В то же время это может свидетельствовать и о другом – о снижении активности адвокатов-защитников или о повышении уровня отправления правосудия судьями, т.е. о факторах, строго говоря, неправового характера.

Получается, таким образом, что достигаемый в процессе деятельности по применению права результат является следствием не только действия нормы права, но и суммы внеправовых факторов. Поэтому, чтобы установить эффективность применения нормы права, следует выяснять и исследовать воздействие на этот процесс ряда внеправовых факторов, оказывающих непосредственное влияние на него, плюс к той эффективности, которая заключена в самой правовой норме.

В самом общем виде действие внеправовых факторов складывается из деятельности тех субъектов, которые применяют норму права, и из той обстановки, в которой протекает эта деятельность. Применительно к установлению эффективности применения какой-либо конкретной правовой нормы (или института) это означает исследование и профессиональной подготовки кадров, и их опыта и мастерства, и их технической вооруженности, и условий их работы и т. п.

Таким образом, установление подлинной эффективности применения уголовно-процессуальных норм возможно лишь на основе всестороннего анализа и оценки деятельности органов расследования и суда.

Весьма важным моментом в разработке методики и установлении эффективности применения закона является определение цели нормы, ибо по степени достижения цели нормы можно судить об эффективности ее применения.

Нельзя не заметить, что категория цели в праве исследуется в юридической литературе последних лет весьма интенсивно (Лупинская П.А. 1972; Бойков А.Д. 1973; Элькинд П.С. 1976). При этом выделяют общие цели всей деятельности и цели отдельных решений, юридические и материальные цели норм с выделением в числе последних непосредственных, промежуточных и конечных целей, цели всей уголовно-процессуальной деятельности (перспективные

и ближайшие). Применительно к предварительному расследованию предлагается различать задачи и цели деятельности (Михайлов А.И. 1977). Следует согласиться с тем, что если расположить все цели уголовного судопроизводства по степени их общности, начиная от низших, непосредственных целей отдельных норм и кончая высшей, конечной целью всей уголовно-процессуальной деятельности, то получится своеобразное дерево целей, весьма разветвленное у основания и резко сужающееся к вершине.

Цель нормы, как правило, не входит в содержание самой нормы, а выявляется путем её телеологического (внутреннего) анализа.

Всякая процессуальная норма имеет свою непосредственную цель, но в то же время она в определенной мере «работает» на достижение широкой социальной цели, «заложенной» в конечной цели уголовного процесса. Т.е. все цели, определяющие уголовно-процессуальную деятельность, находятся в некоторой иерархической зависимости. Непосредственная цель правовой нормы достигается в результате конкретных действий, которые выражаются в виде конкретных результатов. Это и позволяет установить, обнаружить и подсчитать данные результаты путем применения различных методов социологического исследования и, таким образом, установить эффективность применения правовой нормы. Гораздо сложнее будет обстоять дело, если мы зададимся целью определить вклад конкретной нормы в достижение конечных целей уголовно-процессуальной деятельности, ибо на пути от действия результатов конкретной нормы до достижения конечных целей уголовного процесса неизбежно сказывается влияние различного рода посторонних факторов, которые затуманивают воздействие нормы.

В качестве вывода из приведенных рассуждений можно отметить, что применение закона проявляется в деятельности, направленной на достижение цели, для которой принимался данный закон. Следовательно, определение эффективности действия нормы права требует установления действительных, реально полученных результатов практической деятельности по ее применению и соотношения их с запланированной целью нормы, т. е. требуется изучение судебной практики. Значение изучения судебной практики при исследовании эффективности применения закона весьма точно отметил А.М. Яковлев. «Судебная практика, – пишет он, – это закон в жизни, закон в действии, это повседневная жизнь самого закона, и от харак-

тера судебной практики во многом зависит реальный социальный эффект закона» (Яковлев А.М. 1979).

С учетом сказанного, представляется возможным поставить вопрос и сформулировать некоторые положения о повышении эффективности расследования преступлений в зависимости от тех или иных слагаемых, влияющих на данный процесс и его результаты, например, в зависимости от степени изученности и использования в процессе расследования данных о личности обвиняемого.

Весьма сложным, если не невозможным представляется установление степени влияния данных о личности обвиняемого на достижение конечных целей уголовно-процессуальной деятельности, но в то же время установить долю их вклада в достижение целей конкретных норм и отдельных процессуальных институтов полагаем возможным. Поэтому преждевременным было бы ставить задачу установления в полном объеме эффективности правоприменительной деятельности органов следствия и суда в зависимости от изученности личности обвиняемого, но представляется достижимой более скромная задача – установить влияние данных о личности обвиняемого на эффективность применения некоторых норм, регулирующих производство отдельных следственных действий, избрав в первую очередь те из них, при производстве которых данные о личности играют существенную роль.

Цель такого исследования – найти пути повышения эффективности применения соответствующих правовых норм, пути повышения эффективности производства следственных действий, повышения эффективности расследования преступлений в целом.

При этом могут быть высказаны суждения и об эффективности самих правовых норм, если будут выявлены моменты, свидетельствующие о несовершенстве этих правовых норм. По существу, подобными исследованиями устанавливается обратная связь между социальной действительностью и правом как регулятором общественных отношений, когда результаты действия права используются для его совершенствования. Располагая точной информацией об эффективности действующих правовых норм, мы повышаем научную обоснованность вносимых рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Эффективность права – это внутреннее свойство права. Вовне оно выражается в том, чтобы своими формулировками и словесным содержанием способствовать достижению заложенной в нем цели,

когда она (цель) будет достигаться деятельностью по реализации предписаний права. Чем в норме права содержится больше предписанных условий, соблюдая которые участники деятельности, реализующие данную норму, добиваются большего приближения к цели нормы, тем можно считать выше эффективность данной правовой нормы, т. е. эффективность права – это показатель степени его совершенства (Шаргородский М.Д. 1968).

С учетом рассмотренных положений теории эффективности правового регулирования могут быть предложены следующие этапы изучения правоприменительной деятельности при расследовании преступлений, которые составят общую методику установления ее эффективности:

1. Изучение правовых норм, регулирующих производство расследования или проведение того или иного следственного действия.
2. Выявление целей данных правовых норм.
3. Изучение деятельности по их применению, т. е. собирание конкретных данных о применении соответствующих правовых норм.
4. Изучение личностных свойств субъектов правоприменительной деятельности, включая изучение личностных свойств субъектов, в отношении которых применяются данные правовые нормы.
5. Изучение условий работы субъектов правоприменительной деятельности.

Представляется, что, выделив названные «блоки» в правоприменительной деятельности, собрав конкретные данные об их функционировании, можно будет определить долю вклада каждого из них в достижение целей норм и, таким образом, установить эффективность применения тех или иных правовых норм.

В качестве «обратной связи», если в процессе изучения выявится недостаточная эффективность конкретных правовых норм, могут быть высказаны аргументированные соображения по совершенствованию этих норм, т.е. установление эффективности правоприменительной деятельности позволит в случае необходимости повысить эффективность самого закона.

Предложенная общая методика установления эффективности правоприменительной деятельности по расследованию преступлений может быть конкретизирована применительно к установлению эффективности производства отдельных следственных действий.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

*(Проблемы охраны прав и интересов обвиняемого. Кемерово, 1983.
С. 28–34. Сост.: Ведерникова О.Н.)*

Общие требования к изучению личности обвиняемого в советском уголовном процессе закреплены в ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 20 УПК РСФСР). Они обязывают соответствующие органы принять предусмотренные законом меры для всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие его ответственность обстоятельства. Однако совершенно ясно, что речь при этом идет об исследовании обстоятельств совершенного преступления и личности обвиняемого для целей раскрытия и расследования преступления, определения правильной, справедливой меры наказания, т. е. для достижения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических задач. Это совершенно правильно. Но наряду и одновременно с этим изучение личности обвиняемого на предварительном следствии и судебном разбирательстве способно вносить определенный вклад в решение криминологических задач.

В уголовно-процессуальной и криминалистической литературе относительно изучения личности обвиняемого принято выделять различные направления или аспекты изучения соответственно задачам тех правовых наук, к предмету которых относится решение того или иного вопроса (Ведерников Н.Т. 1963). Применительно к личности обвиняемого это означает установление таких обстоятельств, свойств личности, которые необходимо и достаточно знать, чтобы успешно и на должном уровне решать задачи, возникающие в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела.

Выделение определенных аспектов изучения личности обвиняемого носит в известной степени условный характер, поскольку личность есть единое, целостное явление. К. Маркс писал: «Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом; следовательно, как целостный человек» (Маркс К. 1844). Одна-

ко определение предмета каждого из аспектов изучения личности обвиняемого не только способствует установлению общего предмета и пределов изучения личности обвиняемого, но и придает целенаправленность изучению, ведет к наиболее эффективному использованию данных о личности.

Как известно, предметом изучения советской криминологии являются преступность и ее причины, особенности личности преступника и меры предупреждения преступности. Собственно криминологическое изучение личности преступника может иметь место лишь после вступления в законную силу приговора, когда лицо, совершившее преступление, официально признается таковым уполномоченным на то органом государства – судом. Однако начальный момент интереса к личности данного субъекта возникает гораздо раньше и обусловлен он фактом совершения преступления, о котором становится известно органам дознания, следователю, прокурору или суду. В процессе расследования преступления, в процессе рассмотрения уголовного дела в суде одновременно с установлением обстоятельств преступления идет и изучение личности обвиняемого.

На первый взгляд, может показаться, что ставить вопрос о криминологическом изучении личности обвиняемого неправомерно, поскольку он еще не признан преступником и, возможно, им не является, а криминологическое изучение мы обычно связываем с изучением личности преступника.

Однако если встать на такую позицию, мы не только не будем иметь необходимых данных о личности преступника, когда он таковым будет признан и перейдет из состояния обвиняемого в положение преступника, для развертывания в последующем работы по его исправлению и перевоспитанию и решения других криминологических задач, но могут оказаться невыполненными некоторые непосредственные задачи уголовного судопроизводства и не достигнутыми его цели.

Статья 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, определяя задачи уголовного судопроизводства, к их числу относит не только быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, но также и укрепление социалистической законности, предупреждение и искоренение преступлений, охрану интересов общества, прав и свобод граждан, воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения законов, уважения правил социалистического

общежития. Достижение любой из названных целей уголовного судопроизводства практически невозможно без изучения и использования данных о личности обвиняемого, но в особенности, в плане рассматриваемого вопроса, необходимо подчеркнуть их значение для достижения целей предупреждения и искоренения преступлений и оказания воспитательного воздействия на граждан в духе неуклонного исполнения законов. Конечно, быстрое и полное раскрытие преступления, как и правильное применение закона, также оказывают предупредительное воздействие на граждан, но, тем не менее, криминологическое изучение личности обвиняемого в первую очередь связано с решением задач предупреждения преступлений с тем, чтобы пресечь и сделать невозможным их свершение, а в конечном счете способствуют ликвидации преступности.

Уголовно-процессуальный закон, однако, не ограничивается таким общим указанием на достижение целей судопроизводства, из которых может быть сделан вывод о необходимости соответствующего собирания данных о личности обвиняемого, а содержит более определенные указания на этот счет. Так, согласно ст. УПК РСФСР выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устранению является обязанностью органов дознания, следователя и суда, а в ст. УПК РСФСР в числе обстоятельств, подлежащих доказыванию по всякому уголовному делу, отмечается, что «подлежат выяснению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления».

Конечно, изучение личности обвиняемого не может охватывать в полном объеме всех целей криминологического изучения личности, и ставить задачу таким образом было бы делом невыполнимым. Но в то же время нельзя не видеть и тех возможностей, которыми располагает в этом отношении изучение личности обвиняемого на предварительном следствии и в суде по конкретному уголовному делу.

Глубокое и всестороннее изучение личности обвиняемого непременно ведет к выявлению причин совершения данного преступления и установлению обстоятельств, способствовавших его совершению. А.А. Герцензон в свое время утверждал, что «успешное выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, во многом зависит от того, насколько правильно и всесторонне следователь и суд сумеют изучить личность обвиняемого» (Герцензон А.А. 1962).

Исследованиями криминологов в последние годы установлено, что механизм образования преступности и индивидуального преступного поведения не только сложен, но и различен. В. Н. Кудрявцев справедливо отмечает, что «причинные связи применительно к преступности вообще несколько иные, чем в каждом индивидуальном акте преступного поведения» (Кудрявцев В.Н. 1971). Поэтому при изучении личности обвиняемого можно говорить не об общих причинах преступности, а об установлении причин и условий, способствовавших совершению данного конкретного преступления. При подходе к причинам и условиям, способствовавшим совершению преступления, в криминологии различают причины внешние, объективные, приведшие к совершению преступления, и причины внутренние, субъективные, лежащие в основе формирования анти-социальной направленности личности.

Внешними по отношению к совершенному преступлению выступают те причины, которые так или иначе связаны и вытекают из условий, в которых находился обвиняемый до совершения преступления, т. е. конкретная «микросреда» личности. «Микросреда» личности складывается из тех формальных и неформальных коллективов, которые оказывали наиболее существенное влияние на личность обвиняемого. В их число прежде всего входят коллективы по месту работы и учебы обвиняемого, различные общественные организации, в которых он состоит и участвует, неформальные коллективы, в которых он проводит свое свободное время, включая семью. Совершенно закономерно, что, изучая личность конкретного обвиняемого, мы устанавливаем все её коллективы, собираем сведения о их состоянии и, как правило, выявляем неблагополучие в одном или ряде из них, которое сделало возможным, способствовало, явилось причиной совершения преступления. Так, изучение личности обвиняемого приводит к установлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, и у следователя появляется возможность соответствующим образом прореагировать на эти причины, разумеется, в плане устранения их, реализуя ст. 140 УПК РСФСР. По уголовному делу об убийстве Р. на рабочем месте своего бывшего ученика и товарища по работе, которое вызвало большой общественный резонанс, следователь, изучая личность Р. и причины совершения им столь тяжкого преступления установил, что по характеру Р. является вспыльчивым и резким человеком, администрация предприятия, где он работал, неоднократно до этого прощала

ему самые дикие выходки по отношению к товарищам (замахнулся на мастера, бросил ключом в другого рабочего и т. п.). Несмотря на такое поведение Р., руководство неоднократно награждало и отмечало его, т. к. он имел высокие показатели в труде.

Нетребовательность, попустительство со стороны коллег, захваливание со стороны администрации предприятия, что Р. принимал как вседозволенность, явились причиной совершения преступления, о чем и указал следователь в своем представлении на имя директора и секретаря парткома завода.

Более трудным представляется установление внутренних причин совершения преступления, которые связаны с выяснением состояния индивидуального сознания личности, определением уровня, поскольку именно состояние сознания личности определяет в конечном счете направленность ее деятельности. Связь детерминантов и следствий относительно личности идет по схеме, в которой стоят обстоятельства жизни и воспитания, обуславливающие особенности личности, которые и проявляются в поведении данной личности в определенной ситуации. Сложность познания относительно нашего объекта, личности обвиняемого, заключается еще в том, что оно (познание) всегда идет в ретроспективном порядке: от совершенного преступления к истокам формирования личности. При этом зачастую этот путь бывает весьма растянутым во времени, но в любом случае изучение личности обвиняемого не может ограничиваться лишь временем совершения преступления, а должно охватывать достаточно длительный период его жизни.

При изучении личности обвиняемого самого пристального внимания требует его ближайшее окружение, круг друзей и семьи, нравственный климат семьи и соседей, характер свободного времяпрепровождения с тем, чтобы выявить тех лиц или группы лиц, которые оказывали и оказывают наибольшее влияние на формирование данной личности, мнение и позиция которых выступают в качестве референтной группы для нее. Оздоровление ближайшего окружения личности — залог изменения ее направленности. Но при этом сама личность не является только «продуктом» среды, а активно участвует в формировании отношений и свойств. Условия нашего общества предоставляют для этого богатые возможности и в тех случаях, когда лицо совершает социально вредный и опасный поступок, появляются предпосылки для наказания его в размерах вины.

Изучая личность обвиняемого, мы должны стремиться установить, является ли совершенное им преступление логичным продолжением его жизненной «линии», вытекает из сущности данной личности или же находится в явном противоречии с ней, характерно для этого лица или является случайным фактом его жизни. Отсюда различие и в определении меры наказания, и в профилактических мероприятиях по недопущению совершения новых преступлений данным лицом.

Изучение личности обвиняемого по конкретному уголовному делу предоставляет разностороннюю личностную информацию. Но при обобщении материалов уголовных дел, в особенности по однородным категориям преступлений, появляется возможность выявить типичные, общие признаки личностного характера, которые присущи субъектам, совершающим данные преступления. Так появляется возможность выделить некоторые характерные признаки субъекта преступления как элемент криминалистической характеристики той или иной группы преступлений и как один из критериев криминалистической типизации преступлений. Одновременно это дает материал и для криминологических обобщений. Разнообразная, на первый взгляд, информация о личности обвиняемого, имеющаяся в материалах уголовных дел, при ее обобщении, в первую очередь по категориям однородных преступлений, дает возможность для установления причин и условий совершения преступлений более общего характера и, соответственно, для формулирования предложений по их устранению.

Материалы уголовных дел, таким образом, являются весьма важным источником первоначальных сведений криминологического характера как о личности преступника, так и об условиях, в которых им было совершено преступление. Поэтому в любом случае они заслуживают более внимательного к ним отношения, в особенности это касается личностной информации. Исправительно-трудовые учреждения крайне заинтересованы в том, чтобы уже с самых первых дней работы по исправлению и перевоспитанию осужденного иметь о нем как можно более полные сведения. Такие сведения имеются в материалах уголовного дела, но уголовное дело, как известно, в органы, исполняющие приговор, не поступает. Поэтому уже много лет идут поиски путей и вносятся различные предложения, направленные на урегулирование вопроса о передаче информации о личности преступника из органов следствия и суда в исправительно-трудовые

учреждения. При существующем же положении собранная в процессе расследования и судебного рассмотрения дела информация о личности обвиняемого (за исключением той, что находит отражение в приговоре) оказывается утраченной для работы по исправлению и перевоспитанию осужденного и вновь собирается администрацией исправительно-трудовых учреждений. Вопрос этот требует безотлагательного решения.

Сведения о личности обвиняемого, собранные в процессе расследования, могут быть использованы следователем и еще в одном виде его профилактической деятельности – общепредупредительной работе. В выступлениях перед коллективами трудящихся, в лекциях перед населением, в газетных публикациях и телевизионных передачах материалы конкретного уголовного дела могут явиться хорошим предупредительным фактором для неустойчивых в моральном отношении граждан,

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*(Актуальные вопросы государства и права на современном этапе.
Томск, 1984. С. 215–217)*

1. Предмет науки криминалистики, состоящий, как известно, из трех основных частей: криминалистической техники, следственной тактики и методики расследования отдельных видов преступлений, развивается не равномерно. В разные годы более интенсивно развивается тот или иной раздел.

В последние годы наметился заметный крен в сторону всестороннего внимания к вопросам методики расследования. Не случайно именно в работах по методике расследования появились и уже с успехом используются такие понятия, как криминалистическая характеристика преступлений, следственная ситуация, тактическая операция, типичные версии и т.д. Такое положение следует считать закономерным, поскольку задача повышения уровня расследования преступлений предъявляет требования, в первую очередь, к разработке вопросов методики расследования. Следователь расследует не вообще преступления, а конкретные уголовные дела, относящиеся к той или иной группе, виду преступлений. Поэтому в первую очередь он испытывает необходимость в рекомендациях по расследованию конкретного преступления. Сказанное не означает, что другие разделы криминалистики – криминалистическая техника и следственная тактика – имеют меньшее значение. Но фактом является и то, что в методике расследования происходит синтез знаний из техники и тактики и их реализация в фактической деятельности следователя.

Немалое внимание в работах криминалистов уделяется общим положениям методики расследования как методологическим, определяющим построение частных методик.

2. Вопрос о криминалистической классификации преступлений. Несмотря на то, что этот вопрос затрагивался в работах ряда авторов-криминалистов, он не получил еще своего окончательного разрешения. Замечено, что криминалистическая классификация престу-

плений не совпадает с их уголовно-правовой классификацией, построенной в зависимости от объекта посягательства. Представляется, что в основу криминалистической классификации преступлений следует положить криминалистическую характеристику преступлений, т.е. совокупность таких признаков преступления, которые требуют существенно различной методики их расследования. При этом вряд ли целесообразно полностью абстрагироваться от уголовно-правовой и в особенности от криминологической характеристики преступления. Напротив, именно на основе соединения элементов криминалистической характеристики преступления (способ совершения преступления; материальная обстановка, оставляемая при совершении преступления; сведения о личности субъектов, совершавших преступления данного вида) с их криминологической характеристикой (распространенность, региональные и временные признаки преступлений данного вида) могут быть определены объективные, криминалистически значимые признаки классификации преступлений.

3. В общих положениях методики расследования преступлений должен найти своё место вопрос о более тесном сращивании криминалистики и криминологии. Суждения о криминалистической характеристике преступления, так же как и о типичных версиях и следственных ситуациях, строятся на основе обобщения значительного числа однородных преступлений, т.е., по существу, на криминологических сведениях, имеющих криминалистическое значение. Дальнейшее обогащение криминалистических понятий криминологической информацией способно оказать положительное влияние на методику расследования преступлений.

Связанным с высказанным положением является вопрос о необходимости разработки в криминалистике тактики установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Задача установления названных обстоятельств является самостоятельной задачей предмета доказывания по уголовному делу. Однако тактика установления их, по существу, в криминалистике не разработана, что приводит к поверхностному рассмотрению их в частных методиках и не способствует реализации всех возможностей органов следствия по профилактике преступлений.

4. В методике расследования должно найти большее место использование данных о личности преступника и потерпевшего. Разработка вопросов криминалистической характеристики преступлений отчетливо показала, что личность преступника, субъективные

факторы играют весьма существенную роль в расследовании преступлений. Начиная от зарождения намерения совершить преступление, включая затем способ его реализации и оставляемые при этом материально фиксированные следы, как и приёмы сокрытия их и последующее противодействие успешному расследованию, – все это накладывает свой «отпечаток» и не может не учитываться в методике расследования любого вида преступлений.

Следует отметить, что криминалисты уже добились некоторых успехов в постановке и разработке вопросов криминалистического изучения личности преступника (С.С. Степичев и М.Г. Коршик, А.С. Кривошеев, П.П. Цветков, Ф.Б. Глазырин и др.). Однако эти исследования не были конкретизированы применительно к частным методикам расследования. В то же время приходится констатировать, что необходимость изучения личности преступника как одна из самостоятельных задач не нашла ещё своего закрепления и в общих положениях методики расследования, что нельзя считать правильным.

Изучение личности преступников применительно к отдельным видам преступлений свидетельствует о том, что определенные категории преступлений совершают различные группы лиц. Это нельзя не учитывать в частных методиках расследования. Знание личностных свойств субъектов преступления помогает не только целенаправленно исследовать материальную обстановку места происшествия, найти и зафиксировать все характерные следы, но и выдвинуть обоснованные, типичные версии, избирать наиболее эффективные тактические приёмы производства отдельных следственных действий, вести более целенаправленную профилактическую работу.

5. В общих положениях методики следует предусмотреть в качестве одной из задач этого раздела необходимость разработки методик расследования будущих преступлений. Исходя из общих тенденций развития некоторых отраслей науки и техники и учитывая практику законотворчества в области уголовного права, можно предположить, что перед криминалистикой в более или менее отдаленном будущем встанет задача расследования таких преступлений, как кражи и хищения с использованием компьютеров, злоупотребления при пересадке органов человека, преступления, связанные с загрязнением и уничтожением окружающей среды и др.

Для криминалистики было бы совсем не лишним иметь хотя бы в общих чертах готовые рекомендации по методике расследования преступлений, появление которых можно предсказать с достаточной степенью вероятности.

ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИПС В РАБОТЕ КАФЕДРЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

(Связи университетов с производством и проблемы целевой подготовки специалистов. Томск, 1987. С. 129–131.

Соавт.: Черкашин В.И.)

1. Одна из существенных особенностей криминалистики как науки, отличающая ее от всех других наук юридического цикла, заключается в самой тесной связи ее с естественно-техническими науками, поскольку поиск криминалистической информации зачастую связан с необходимостью исследования различного рода материальных объектов как носителей такой информации.

Другой особенностью криминалистики является ее теснейшая связь с практикой работы правоохранительных органов и экспертных учреждений, которая обуславливает необходимость формирования у обучающихся не только суммы теоретических знаний, но и неперенное умение применять эти знания на практике, т.е. изучение криминалистики состоит из двух тесно связанных между собой компонентов – не только знать, что делать, но и уметь, как это делать.

Поэтому поиски различных путей и способов максимального приближения изучения криминалистики к нуждам практики являются неперенной задачей преподавателей-криминалистов всех юридических учебных заведений. Наш опыт в этом плане может быть полезным.

2. Целевая интенсивная подготовка специалистов (ЦИПС) применительно к обучению студентов-юристов, и в частности по криминалистике, призвана не только повысить уровень подготовки кадров, но и сделать ее более целенаправленной. Выпускник юридического факультета в результате использования приемов ЦИПС должен оказаться более подготовленным к выполнению своих непосредственных обязанностей по месту его будущей работы. Он будет лучше знать, с чем именно ему придется столкнуться на практике, что сократит срок его адаптации к производственным условиям и предотвратит возможное разочарование в своей профессии.

Правовой базой ЦИПС на нашей кафедре являются договоры о творческом содружестве с рядом подразделений МВД (УВД) СССР, правоохранительными органами области и экспертными учреждениями. Уже в течение ряда лет успешно реализуется наш договор с экспертно-криминалистическим отделом УВД Томского обл-исполкома, заключен договор с Томским филиалом Центральной Сибирской научно-исследовательской лабораторией Министерства юстиции РСФСР и с другими учреждениями.

3. Наши творческие связи с экспертно-криминалистическим отделом УВД области позволяют студентам получать беспрепятственный доступ не только к материально-технической базе данного подразделения, но и ко всем его материалам, что положительно сказывается на уровне выполнения курсовых и дипломных работ студентов. Эксперты ЭКО УВД нередко выступают консультантами студентов при выполнении этих работ или же рецензентами дипломных сочинений.

В случае получения студентами практически значимых результатов мы имеем возможность использовать их на практике. Так, студентом-дипломником под руководством одного из авторов данного сообщения в качестве приложения к дипломному сочинению был создан макет установки для проверки прочностных характеристик холодного оружия. После доработки его был построен промышленный образец такой установки, который и используется при производстве соответствующих экспертиз. На протяжении ряда лет на кафедре с участием студентов проводится отработка методики дифференциации почерков на мужские и женские, что в итоге позволило подготовить и передать в ЭКО УВД таблицу критериев такой дифференциации. В настоящее время студенты активно участвуют в подготовке экспериментального материала по выявлению следов пальцев рук с помощью лазерных лучей на различных следовоспринимающих поверхностях.

4. Однако наш опыт свидетельствует о том, что подготовка кадров по методике ЦИПС в полном объеме требует различных новых организационных форм, которые бы взаимно обязывали кафедру и соответствующее подразделение предприятия или практического органа. Такой формой в наших условиях явилось создание отделения внештатных экспертов при ЭКО УВД и специализированного научно-студенческого кружка при кафедре, который мы назвали «Молодой криминалист». Углубленную теоретическую подготовку буду-

щих экспертов-криминалистов призваны обеспечить занятия в нашем кружке, а необходимые практические навыки студенты получают при работе в лабораториях ЭКО УВД под руководством соответствующих экспертов.

Программа кружка, рассчитанная на два года, утверждена кафедрой, а положение об отделении внештатных экспертов – соответствующим приказом начальника УВД области. Начальником отделения является старший эксперт ЭКО УВД. Конечной целью названной формы взаимного участия в подготовке кадров является получение студентами к моменту окончания факультета в дополнение к их общему диплому права подписи по нескольким видам криминалистических экспертиз, что должно быть подтверждено итогами их аттестации соответствующей комиссией экспертно-криминалистического управления МВД СССР.

Появление и развитие названной формы реализации ЦИПС в работе нашей кафедры стало возможным благодаря многолетнему тесному сотрудничеству коллектива кафедры с практическими органами и, в частности, с экспертными учреждениями. По инициативе кафедры и при активном участии всех правоохранительных органов и экспертных учреждений области в 1984 г. была проведена первая межведомственная областная конференция, посвященная роли судебной экспертизы в борьбе с преступностью. На конференции были обсуждены актуальные вопросы дальнейшего развития и координации деятельности следственных и экспертных органов области. Участники конференции ознакомились с имеющейся криминалистической техникой.

Эксперты различных экспертных служб регулярно участвуют в наших ежегодных региональных научных конференциях, а работники кафедры – в совещаниях-семинарах экспертов области по итогам года. Договор о содружестве с ЭКО УВД позволил кафедре получить из этого подразделения значительное количество необходимой для практических занятий со студентами криминалистической техники и материалов, а также организовать взаимный обмен недостающими приборами. Кафедра и ЭКО УВД выпускают ежеквартальное периодическое издание «Страничка криминалиста», материалы которого в необходимых случаях используются в учебном процессе.

Наш опыт использования разнообразных форм связи с практическими органами в целях повышения уровня подготовки кадров юристов может быть полезен в работе любой кафедры юридического факультета высшего учебного заведения страны.

О ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ ОБЩЕНИЯ У СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

*(Проблемы совершенствования юридического образования
в свете решений XXVII съезда КПСС. Томск, 1988. С. 57–58.*

Соавт.: Кривошеин И.Т.)

1. Одним из принципиально важных положений перестройки высшей школы является кардинальное повышение качественного уровня подготовки специалистов. Продуктивность решения данной задачи во многом определяется сбалансированностью учебного плана, предусматривающего, в частности, время для теоретических и практических занятий. Оптимальное соотношение времени – одно из важнейших условий полноценного усвоения студентами того или иного предмета. Поэтому диспропорции в соотношении времени, смещение акцентов здесь особенно нежелательны.

2. Важное место в системе подготовки студентов-юристов отводится юридической психологии. Знание психологии исключительно важно как при расследовании уголовных дел, так и при рассмотрении гражданских споров для установления истины по делу и принятия правильного решения. Кроме того, деятельность юриста – это в значительной степени работа с людьми, непременным признаком которой является общение. Поэтому развитые навыки общения составляют важнейшее профессиональное качество юриста, основы которого должны закладываться уже в период обучения, в частности при освоении курса «Юридическая психология».

Вместе с тем ранее действовавший учебный план не предусматривал практических занятий и сводился к лекционному курсу. Такой односторонний подход, конечно же, не давал необходимой широты и глубины знаний психологии, не способствовал формированию и выработке практических навыков и умений у студентов по организации общения.

В этой связи представляется своевременным включение в учебный план практических занятий по курсу «Юридическая психология».

3. К числу наиболее актуальных психологических проблем предварительного и судебного следствия можно с полным правом отне-

сти проблему общения. Статус проблемы общения определяется той фундаментальной ролью, какую оно играет в деятельности лиц, осуществляющих правосудие. Общение выступает в качестве необходимого условия плодотворности профессиональной деятельности следователя, судьи, адвоката, прокурора, которые вступают в общение как между собой, так и с другими участниками процесса в целях установления истины по делу. В ходе общения решается и такая важная задача, как оказание воспитательного воздействия на участников процесса, на других граждан.

В трудах советских психологов показано многоплановое формирующее влияние общения на все сферы психики личности – мотивацию, интеллект, волю, эмоции (А.А. Бодалев), способности (Б.Ф. Ломов). Общение оказывает самое непосредственное влияние на эффективность групповой деятельности.

В исследованиях советских криминалистов также уделяется значительное внимание проблеме общения. В самом общем виде проблема общения складывается из двух самостоятельных подпроблем – это проблемы общения на предварительном следствии и при судебном разбирательстве. Самостоятельное значение указанных проблем обусловлено спецификой и особенностями осуществляемой деятельности.

В судебно-психологической литературе обращается внимание на то, что коммуникативные свойства и качества личности следователя являются неотъемлемой частью его профессиональной психологической характеристики (Д.П. Котов, Г.Г. Шиханцов, А.В. Дулов, В.П. Васильев), что процесс общения с некоторыми участниками уголовного процесса, направленного на установление истины, зачастую протекает в конфликтных ситуациях. Актуальным является вопрос о профессиональной деформации личностных свойств и качеств следователя, ведущей к снижению качественного уровня расследования, к снижению эффекта воспитательного воздействия на участников уголовного процесса и других граждан.

Общение на судебном следствии обладает рядом особенностей. Особенности общения здесь обуславливаются спецификой решаемых задач. Это обстоятельство нередко порождает нездоровый дух соперничества между судом и адвокатом, между адвокатом и государственным обвинителем, между народными заседателями и судьей. Нездоровые отношения отражаются и на социально-психологическом климате зала судебного заседания,

оказывая отрицательное влияние на присутствующих граждан. Такая атмосфера нередко проистекает из слабого знания некоторыми участниками процесса именно психологических закономерностей общения.

Изложенным, естественно, не охватываются все основные функциональные аспекты общения, но и сказанного достаточно для понимания важности его роли.

В этой связи целесообразно, на наш взгляд, предусмотреть в учебном плане специальный курс с углубленным изучением проблем общения, что особенно важно для студентов, готовящихся к деятельности в органах правосудия.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

*(Актуальные вопросы государства и права в современный период.
Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 40–45)*

Датой рождения конституционного судопроизводства в России следует, очевидно, считать дату принятия Закона «О Конституционном Суде РСФСР». Как известно, он был принят V Съездом народных депутатов РСФСР 12 июля 1991 года. Датой начала его становления можно считать 30 октября 1991 года, когда из 25 представленных Председателем Верховного Совета Съезду народных депутатов кандидатур было избрано 13 судей (по Закону их число устанавливалось в 15 судей). Датой же реального функционирования Конституционного Суда Российской Федерации следует считать 14 января 1992 года, когда Суд рассмотрел свое первое дело. Это было ходатайство группы народных депутатов о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 19 декабря 1991 г. № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР».

Идея создания судебного органа конституционного контроля в нашей стране зародилась в головах депутатов-юристов, членов Верховного Совета РСФСР, и была положительно воспринята как неперенный атрибут правового государства. Свою роль в этом сыграл и уже действовавший на уровне СССР Комитет конституционного контроля.

Реализация идеи и принципов построения всякого государства как правового своим неперенным атрибутом требует наличия такого властного органа, который бы своими особыми методами и в особой процедуре, типа судебного процесса, мог рассматривать наиболее важные вопросы относительно реализации властных полномочий двух других ветвей власти (законодательной и исполнительной) и в таком качестве выступал в виде арбитра между ними. Критериями же оценки при этом являются требования норм Конституции. Таким образом призван работать механизм сдержек и противовесов между структурными элементами власти в государстве, дабы не допускать «захвата» одной из них полномочий другой ветви власти.

В чисто теоретическом виде это представляется достаточно ясным и понятным. Однако на практике, в реальной жизни, добиться исполнения и соблюдения названных принципов дело далеко не простое. Об этом наглядно свидетельствует короткая, но будем надеяться, продолжающаяся история деятельности Конституционного Суда России.

Оказывается, провозглашение даже на уровне Конституции – Основного закона государства – принципа разделения властей, а данного государства – правовым еще не означает, что отныне это государство пойдет именно по правовому пути развития, а законодательная и исполнительная ветви власти будут вести себя законопослушно и следовать предписаниям Конституции.

События новейшей российской истории, к великому сожалению, - яркое тому подтверждение. В реальной жизни действуют не абстрактные теории и принципы, не идеальные, а живые люди, которые поступают согласно своим собственным представлениям, заложенным в них ранее, согласно уровню своего правосознания. Как оказалось, в головах не только реально действующих нынешних российских политиков, но и в головах ряда юристов есть или непонимание или прямое искажение основополагающих правовых принципов. Не могут не вызывать, скажем, недоумения появившиеся в среде юристов рассуждения о приоритете неких принципов права над писаным правом или о неконституционности самой Конституции. К сожалению, ряд бывших советских юристов, когда история потребовала от них принципиальности и научной честности, гражданского и профессионального мужества, оказались не на высоте положения и задач времени, а последовательно стойкие в своих убеждениях подвергаются остракизму и гонениям. В том числе и в этом кроется одна из причин, в силу которых становится возможным проявление не силы права, а права силы!

Коротко об итогах деятельности Конституционного Суда Российской Федерации за два года, или почти за два года. Хронологически время деятельности первого состава Конституционного Суда России следует исчислять, как ранее было отмечено, с 30 октября 1991 года (дата избрания судей) по 7 октября 1993 года, когда был издан Указ Президента РФ № 1612 «О Конституционном Суде Российской Федерации», в котором постановлялось «констатировать невозможность деятельности Конституционного Суда Российской Федерации... и не созывать его заседания до принятия новой Конституции Российской Федерации».

Так вот, за время своего активного существования Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел 27 дел (одно из них – это «дело о КПСС», которое Суд рассматривал на протяжении шести месяцев). Из 27 дел 19 – по ходатайствам о проверке на конституционность нормативных актов и 8 – по индивидуальным жалобам граждан. Кроме того, Судом были даны два заключения: о соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента РФ Б.Н. Ельцина, связанных с его обращением к гражданам России 20 марта 1993 г. и связанных с его же Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» № 1400 от 21 сентября 1993 года.

По 15 постановлениям Суда и двум заключениям судьями было заявлено в письменном виде 21 особое мнение.

В настоящее время, хотя Конституция уже и принята, Конституционный Суд все еще в полном смысле как суд не функционирует, но теперь уже в силу действия других Указов Президента РФ. В частности, в силу того, что Указом Президента РФ № 2288 от 24 декабря 1993 г. «О мерах по приведению законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» отменено действие ряда законов, в том числе и Закона о Конституционном Суде РСФСР, а в Указе Президента № 2289 от 25 декабря 1993 г. «О замещении вакантных должностей федеральных судей» заложен механизм подбора кандидатов в судьи Конституционного Суда и установлена дата, когда следует закончить эту работу – до 31 марта 1993 года. Лишь после этого Президент внесет кандидатуры судей на Совет Федерации, где они и будут назначены и появятся все условия для полноценной деятельности Конституционного Суда в полном составе.

При этом не надо забывать и еще об одном «пустячке» - если к этому времени Федеральным Собранием будет принят новый федеральный конституционный закон о Конституционном Суде Российской Федерации.

Говоря иными словами, деятельность Конституционного Суда Российской Федерации попросту безосновательно заморожена. Заморожена, но не прекращена.

Еще более важным представляется то, что, несмотря на всю непредсказуемость развития событий последнего времени, потоки несправедливых упреков и грязных инсинуаций в адрес Конституционного Суда, удалось отстоять институт Конституционного Суда

в новой Конституции Российской Федерации и даже расширить его полномочия (ст. 125 Конституции).

Главный упрек, который грозил похоронить самую идею независимого и самостоятельного Конституционного Суда как правового института в России, состоял в том, что Конституционный Суд, и в особенности его бывший председатель проф. В.Д. Зорькин, занялись политикой и решали вопросы, руководствуясь не правом, а политической целесообразностью. Причем, дескать, большинство решений Суда были вынесены в пользу Съезда народных депутатов и Верховного Совета, т.е. представительной ветви власти.

Со всей определенностью и убежденностью должен отвести подобные утверждения как, по большому счету, несостоятельные и необъективные. Даже простое сравнение числа нормативных актов, которые Конституционный Суд за этот период признал неконституционными, и то опровергает это утверждение. Напомню, что Конституционный Суд Российской Федерации признал полностью или частично неконституционными два постановления Съезда народных депутатов, шесть законов и постановлений Верховного Совета, восемь Указов Президента, два постановления Правительства и два постановления Президиума Верховного Совета, а также четыре акта республик в составе Российской Федерации. Арифметически все признанные неконституционными акты разложились, как нарочно, поровну: восемь актов законодательной власти (два постановления Съезда и шесть Верховного Совета) и восемь Указов Президента как главы исполнительной власти по действовавшей в то время Конституции РФ.

Но дело, как представляется, в конечном счете не в количестве нормативных актов с той или иной стороны, признанных Конституционным Судом соответствующими или не соответствующими Конституции. Дело в значимости и актуальности рассматриваемых в Конституционном Суде вопросов, и не в последнюю очередь также в том, как эти решения преподносятся прессой, другими средствами массовой информации общественному мнению.

Известное заключение Конституционного Суда относительно действий и решений Президента РФ Б.Н. Ельцина, содержащихся в его телеобращении к народу 20 марта 1993 г., в котором он прямо заявлял, что подписал Указ «об особом порядке управления» страной на переходный период, предусматривавший ряд нововведений, ограничивавших компетенцию представительных и судебных органов власти, лишь констатировало наличие антиконституционности

в этих действиях и решениях Президента. Оно (заключение Конституционного Суда) не содержало ни вывода об юридической квалификации решений Президента, ни вывода о достаточности оснований для включения в действие механизма импичмента Президенту. Все последующие решения – это были решения высшего законодательного органа страны – Съезда народных депутатов. Но обвинен был во всем позднее Конституционный Суд.

Или возьмем решение Конституционного Суда относительно подсчета голосов по апрельскому референдуму. Суд тогда решил, что, поскольку в Конституции нет нормы, предусматривающей возможность досрочного прекращения полномочий Президента и народных депутатов, то решения по этим вопросам потребуют внесения изменений в Конституцию и, следовательно, положительными они могут быть признаны лишь при голосовании за них более 50% от списочного состава избирателей, а не от числа явившихся на голосование. Как известно, народ не принял таких решений. Как же можно было заявлять после оглашения результатов голосования, что народ подтвердил легитимность Президента и сказал о необходимости досрочных перевыборов народных депутатов, да еще и обвинять при этом Конституционный Суд за его решение. Суд принимал решение до проведения референдума, не зная и не предугадывая его результатов, а исходил лишь из толкования норм Конституции и закона о референдуме, и никакие политические мотивы при этом не присутствовали.

К сожалению, приходится констатировать, что неверное и предвзятое отношение к решениям Конституционного Суда на страницах прессы зачастую не встречает должного отпора со стороны юридической общественности.

Мы никак не закладываем в правосознание граждан то положение, что по вопросам применения и толкования Конституции законно и правильно, легитимно и окончательно лишь решение Конституционного Суда и ничье, и никого более. И это не преувеличение роли или значимости данного органа, а утверждение верховенства права. Это констатация того положения, которое занимают подобного рода органы судебной власти в любой, как принято сейчас говорить, цивилизованной стране Европы или Америки. Данное положение следует всячески внедрять в сознание как наших юристов, так и всех граждан.

Справедливости ради все же следует отметить, что в деятельности нашего Конституционного Суда, и в особенности его бывшего

председателя проф. В.Д. Зорькина, была некоторая нацеленность на политику, стремление активно влиять и вмешиваться в политические процессы в стране. При этом некоторые дела рассматривались излишне поспешно, без просчета всех возможных последствий решений, во всяком случае для судьбы самого Суда.

Но к этому были и некоторые объективные правовые предпосылки. Так, в Законе о Конституционном Суде одной из важнейших целей данного органа провозглашалась защита конституционного строя РСФСР. Очевидно, что это правильно по существу. Но какими методами и средствами может быть решена эта задача в каждой конкретной ситуации в наше непростое время? Разумеется, что имеются в виду правовые методы и средства в форме использования определенных в законе судопроизводственных процедур. Но кто может знать точно и определенно, какими конкретно действиями можно и нужно защищать конституционный строй страны, когда к тому же представители других ветвей власти постоянно принимают решения, не затрудняя себя строгим соблюдением конституционных норм и принципов.

Вопрос о том, насколько возможно вообще любому конституционному суду избежать рассмотрения политических вопросов, не так прост, как может показаться при первом рассмотрении. Он упирается в решение такого фундаментального вопроса, как понимание, что же такое политика и что же такое право. Всякое политическое решение нуждается в его правовом оформлении, обеспечении, а всякое правовое решение такого суда, как конституционный, не может не влиять на принимаемые политические решения, или, во всяком случае, при принятии политического решения авторы его должны иметь в виду возможность правовой оценки данного решения со стороны соответствующего конституционного суда.

Здесь будет небезынтересным процитировать по этому поводу суждение американского юриста, профессора Д. Барри, высказанное в его статье «Конституционный Суд России глазами американского юриста». Он пишет: «Судья по природе своей, и особенно конституционные судьи, неизбежно сталкиваются с вопросами политического характера. Так, американская правовая система не достигла решительных успехов в отделении «политических» вопросов от вопросов правового характера, пытаясь избежать рассмотрения такого рода дел» (Государство и право. 1993. № 12. С. 81).

Если поставить, хотя бы в виде риторического, такой вопрос – состоялся ли Конституционный Суд в России, - полагаю, что есть все основания дать на него утвердительный ответ. Большинство судей Конституционного Суда первого созыва не поддались оказывавшемуся на них беспрецедентному давлению, не совершили профессионального предательства, сохранили верность юридическому долгу, не преступили через дававшуюся ими клятву соблюдать и защищать Конституцию как основной закон государства. Хочется выразить уверенность, что Конституционный Суд России своими решениями и самим фактом своего бытия будет и впредь вносить достойный вклад в становление России как правового государства.

РОССИЯ И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*(Проблемы развития и совершенствования российского
законодательства. Томск, 1999. Ч. 1. С. 56–59)*

Провозглашение России правовым государством в статье 1 Конституции есть не столько существующая реальность, сколько указание на цель и стремление достичь ее в исторически обозримом будущем. Хотелось бы быть оптимистом и выразить уверенность в том, что Россия как государство в исторической перспективе будет соответствовать высоким требованиям правового государства. Однако, наблюдая нашу действительность, невольно становишься пессимистом и в этом вопросе.

Нестабильность нынешнего государственного устройства Российской Федерации подогревается, в частности, многочисленными предложениями, направленными на внесение изменений и дополнений в ее Основной закон – Конституцию. Причем предложения эти носят скорее популистский характер, нежели являются продуманными и обоснованными попытками законодательного внесения их на основе заложенного в самой Конституции механизма. Предпринимавшаяся Государственной Думой единственная попытка внесения поправок в Конституцию, как известно, не увенчалась успехом. Тем не менее, зерно сомнения относительно стабильности Основного закона государства брошено в общественное сознание и дает свои ростки.

Какими же видятся основные направления модификаций действующей Конституции Российской Федерации?

1. Согласно части 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина».

Во-первых, требует своего дальнейшего уяснения и разработки провозглашенная формула: «Президент – гарант Конституции». Что это означает на самом деле, каковы правовые механизмы реализации этой, как представляется, важнейшей функции президентской власти? Это лишь право или единство права и обязанности Президента? Способен ли один Президент исполнять названную функцию или это

является обязанностью всех структур государственной власти? Какова роль в этом, в частности, Конституционного Суда Российской Федерации, призванного защищать основы конституционного строя, основные права и свободы человека и гражданина, обеспечивая верховенство и прямое действие Конституции Российской Федерации на всей ее территории (статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»)?

Из сказанного напрашивается вывод, что по сути своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации призван самым активным образом способствовать исполнению Президентом Российской Федерации его функции быть гарантом Конституции. Но может ли Конституционный Суд достаточно активным образом способствовать в этом Президенту, не обладая полномочием начинать какое-либо судебное разбирательство по собственной инициативе? Практика показывает, что не может.

Для самого Конституционного Суда такая его пассивная роль может быть даже и не плоха, она выводит Конституционный Суд из числа активных участников не только политических, но и законотворческих, социальных и иных общественно значимых процессов в стране, создает ему спокойную жизнь и как бы снимает ответственность за все происходящее.

Известно, например, насколько широкое применение получила практика заключения договоров о разграничении полномочий между федеральным центром и отдельными субъектами Федерации. Известно также, что в такого рода договорах нередко содержатся отдельные положения, не соответствующие Конституции Российской Федерации или весьма сомнительные в этом плане, что заслуживает рассмотрения их в Конституционном Суде Российской Федерации, однако обращений подобного рода пока не было.

Представляется, что сохранение пассивной роли Конституционного Суда не идет, что называется, на пользу делу построения правового государства в нашей стране и требует внесения соответствующего изменения как в Конституцию, так и в Закон о Конституционном Суде.

Практика работы Конституционного Суда Российской Федерации в области исполнения его решений свидетельствует еще об одном неблагоприятии в этом вопросе. Так, рассматривая конкретные нормативные акты отдельных субъектов Федерации, Конституционный Суд убеждается в том, что аналогичного рода нарушения име-

ются в нормативных актах других субъектов Федерации. Казалось бы, логично, что при установлении подобного рода фактов должны вноситься изменения в нормы аналогичных актов всех субъектов Федерации, однако этого не наблюдается, а сам Суд, не имея прямой записи об этом в своем Законе, лишен возможности обязывать органы власти всех субъектов Федерации устранять выявленные недостатки и тем самым эффективно воздействовать на все правовое поле.

2. Следующее важное направление возможных изменений в Конституцию Российской Федерации – это усиление контрольных функций Федерального Собрания при формировании органов исполнительной власти, начиная с выдвижения Президентом Российской Федерации кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации и вплоть до выражения импичмента отдельным федеральным министрам.

Конституционный Суд Российской Федерации уже внес свою лепту в это направление. Так, рассматривая дело в процедуре толкования Конституции относительно ее части 4 статьи 111 о праве Президента Российской Федерации на роспуск Государственной Думы после трехкратного отклонения ею представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации, Конституционный Суд усмотрел главное в данной процедуре не в том, что Президент может представлять как одну и ту же, так и разные кандидатуры на должность Председателя Правительства, а в том, что это право «должно реализовываться с учетом конституционных требований о согласованном функционировании и взаимодействии участников этого процесса, в том числе на основе предусмотренных Конституцией Российской Федерации или не противоречащих ей форм взаимодействия, складывающихся в процессе реализации полномочий главы государства и в парламентской практике». При этом Конституционный Суд руководствовался рядом положений Конституции Российской Федерации, прямо закрепляющих обязанность высших должностных лиц Российской Федерации и органов государственной власти работать в тесном контакте и взаимопонимании. Причем обязанность эта возлагается в первую очередь на Президента РФ, который «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» (часть 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации). Выявление подлинного смысла конституционных положений и распространение их на решение конкретной правовой ситуации призвано ограничить едино-

личное усмотрение со стороны Президента РФ и снять возможное противостояние между ним и Государственной Думой.

3. В Конституции Российской Федерации требуется дальнейшая проработка вопросов федерализма, в частности, в плане выравнивания правового положения всех субъектов Федерации. При изучении этого вопроса встречаются высказывания прямо противоположного свойства, что не способствует стабилизации положения в обществе и государстве.

Нельзя не признать, что Конституционный Суд Российской Федерации является одним из зримых и реальных элементов правового государства в нашей стране, вероятно, поэтому из года в год растет число обращений в него и количество рассмотренных дел. Так, в 1998 году поступило 10257 обращений, в то время как в предыдущем году их было 9473. При этом остается большим количество писем, жалоб и обращений, что называется, «не по адресу». В 1998 году их оказалось 7006. На них были даны ответы отделом писем аппарата Конституционного Суда.

Увеличивается и число рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации в последние годы дел. В различных процедурах судопроизводства в 1995 году было рассмотрено 20 дел, в 1996 году – 22 дела, в 1997 году – 25 дел и в 1998 году – 34 дела (в том числе 12 дел по жалобам граждан).

Рассмотренные в 1998 году Конституционным Судом Российской Федерации дела затрагивали ряд весьма важных вопросов внутренней жизни государства и его граждан. Особо следует сказать о делах, посвященных рассмотрению отдельных положений действующего Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. За последние годы Конституционным Судом Российской Федерации было рассмотрено 25 таких дел. Это указывает на то, что ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс безнадежно устарел и его положения не отвечают Конституции Российской Федерации. Но в то же время Конституционный Суд не может выступать в качестве «отрицательного законодателя» лишь относительно норм УПК РСФСР. Поэтому было принято решение несколько сдвинуть очередность рассмотрения последующих обращений по УПК РСФСР в надежде на то, что новый кодекс будет в скором времени все же принят.

Таковы некоторые мои соображения относительно современного состояния и перспектив построения правового государства в России в свете деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*(Государственная власть и права человека: Материалы науч.-
практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения
профессора А.И. Кима, 14 декабря 2000 г. Томск, 2001. С. 119–125)*

Как известно, основополагающим принципом государственного устройства современной России является принцип разделения властей. Согласно этому принципу, закреплённому в ст. 10 Конституции Российской Федерации, государственная власть в нашей стране делится на законодательную, исполнительную и судебную.

Справедливости ради следует отметить, что этот принцип был внесён Съездом народных депутатов РСФСР в 1990 г. ещё в прежнюю Конституцию РСФСР в качестве одного из изменений и дополнений. Сейчас, однако, для нас важен этот принцип не сам по себе, а его реализация применительно к судебной власти. Важно также подчеркнуть, что провозглашение суда именно как одной из «ветвей» государственной власти в то время было новым правовым конституционным явлением в истории современной России.

Суды имеются во всех государствах, естественно, суд был и в нашем государстве советского периода. Но даже на уровне теории, а тем более на уровне конституционного принципа, суд в то время не провозглашался и не являлся органом власти. Это был, в лучшем случае, один из правоохранительных органов государства, а в глазах большинства граждан его относили обычно к репрессивным органам, куда приходили обычно при крайней необходимости и к тому же с чувством страха.

Реализация принципа разделения властей применительно к судебной власти означает не только провозглашение суда как власти, но наделение суда такими полномочиями, которые позволяли бы ему в судебной процедуре рассматривать законодательные и нормативные акты других «ветвей» власти, а также решения и действия конкретных должностных лиц на предмет соответствия их Конституции Российской Федерации и законам государства.

В наиболее ярком виде это присутствует в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, равно как и в деятельности конституционных (уставных) судов субъектов нашей Федерации, там, где подобные суды созданы и действуют.

Само появление Конституционного Суда в Российской Федерации и закрепление его полномочий в ее Основном законе – зримое и реальное движение в сторону создания правового государства.

Определенное представление о работе Конституционного Суда Российской Федерации можно составить на основе ряда цифр о его деятельности. Так, с 1995 г. по апрель 2000 г. (период деятельности Конституционного Суда после принятия ныне действующей Конституции Российской Федерации и разработанного на ее основе Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») в Конституционный Суд поступило 55 993 обращения, из которых 55 392 жалобы граждан и 601 запрос государственных органов власти. Из всего массива обращений в суд 38 581 было неподведомственно Конституционному Суду. В публичных заседаниях суда было рассмотрено 2 997 обращений, в том числе с вынесением постановлений – 113, с вынесением определений о прекращении производства по делу – 15 и определений с разъяснением ранее принятых решений суда – 3.

Всякий суд проявляет себя как орган власти при рассмотрении конкретных дел по определенным процедурным правилам их разрешения, призванным обеспечить беспристрастность и объективность оценки имеющихся доказательств и вынесение общеобязательного для исполнения решения (приговора) суда по делу. Система федеральных судов в нашей стране состоит из судов общей юрисдикции во главе с Верховным Судом Российской Федерации, из судов по разрешению материальных споров между субъектами экономических отношений во главе с Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

В настоящее время активно формируется и система местных судов, состоящая из мировых судей (судов) и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации. На повестку дня поставлен вопрос об учреждении административных федеральных судов, создание которых прямо вытекает из ч. II ст. 118 Конституции Российской Федерации, называющей административное производство в числе других самостоятельных видов судопроизводства, для обеспечения чего и целесообразно иметь специализированные отдельные суды.

В число весьма актуальных вопросов деятельности Конституционного Суда Российской Федерации последнего времени выдвинулся вопрос о юридической силе его решений. По мере накопления все большего числа решений Конституционного Суда, регулирующих самые разные сферы правоотношений из различных отраслей права, возникает необходимость в разрешении вопросов общего характера относительно правовой природы решений Конституционного Суда, их места в иерархии правовых актов государства, а следовательно, и вытекающей из этого их значимости. Но прежде всего необходимо решить также вопрос: являются ли решения Конституционного Суда Российской Федерации источником права?

Под источниками права обычно понимается правовой акт (совокупность, система правовых актов), содержащий нормы, обязательные для исполнения при разрешении вопросов той или иной деятельности людей, урегулированной правом. Законодательные акты, регулирующие различные виды деятельности (и, соответственно, виды правоотношений), группируются по предмету их регулирования и составляют различные отрасли права.

Поскольку в советское время не было такого органа судебной власти, как Конституционный Суд Российской Федерации, решения которого имеют влияние на всю систему права и ее отдельные институты, то и возник, естественно, вопрос о самой правовой природе актов названного суда как новом правовом явлении в системе источников права.

Формально решения Конституционного Суда Российской Федерации не являются нормативными актами, но они могут определять характер не только будущих правоотношений в той или иной сфере жизни общества и государства, но и влиять на само содержание будущих законодательных актов, поскольку, осуществляя конституционный контроль, Конституционный Суд вправе признать тот или иной закон в целом, или в его части не соответствующим Конституции Российской Федерации. Принятие же такого решения означает, что с этого момента такой закон не подлежит применению, следовательно, требуется принятие нового закона, соответствующего Конституции и решению Конституционного Суда.

В этом состоит, в частности, применительно к судебной власти суть действия механизма «сдержек и противовесов» в правовом государстве. Это можно считать также высшей точкой полномочий судебной власти в правовом государстве. Оценка любого законодательного акта под углом зрения соответствия его положениям Консти-

туции Российской Федерации в конечном итоге означает не что иное, как реализацию конституционных норм в их приложении к иной отрасли права. В особенности ярко это проявилось применительно к уголовному судопроизводству, где Конституционный Суд рассмотрел уже более 30 дел о соответствии тех или иных норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР Конституции Российской Федерации.

Возможность принятия Конституционным Судом подобных решений прямо вытекает из его полномочия как единственного органа, имеющего право давать официальное обязательное толкование норм Конституции Российской Федерации. Причем толкование норм Конституции, вскрытие их глубинного содержания и всестороннего смысла имеет место не только в тех случаях, когда судом рассматривается специальное дело в процедуре толкования Конституции (Конституционный Суд, таким образом, на настоящий момент истолковал уже 22 статьи из 137 статей первого раздела Конституции Российской Федерации), но и тогда, когда Конституционный Суд рассматривает любое другое дело и в любой иной процедуре. Суд при этом вскрывает конституционно-правовой смысл той нормы, которая является предметом его рассмотрения (например, нормы Уголовно-процессуального кодекса), и как бы накладывает его на уголовно-процессуальное понимание этой же нормы, сложившееся в практике ее применения, и, если эти два понимания не совпадают, признает данную норму не соответствующей Конституции Российской Федерации.

Как известно, с этого момента данная норма или не применяется вовсе в ее прежнем уголовно-процессуальном понимании, или она применяется, но уже в новом, конституционно-правовом ее понимании, или законодателю дается предписание изменить данную норму с учетом нового ее толкования, или предписывается впредь применять не истолкованную норму того же Уголовно-процессуального кодекса, а напрямую норму Конституции.

О юридической силе решений Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствуют следующие факты. Так, в ряде случаев решения суда явились основанием принятия в целом новых законов. В частности, 4 января 1999 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», которым предусматривалось создание в составе Верховного Суда Российской Федерации новой судебной инстанции – Кассационной коллегии – как су-

да второй инстанции для рассмотрения дел по жалобам и протестам на решения, приговоры, определения и постановления, вынесенные судебными коллегиями Верховного Суда как судом первой инстанции по гражданским и уголовным делам. Он был принят во исполнение Определения Конституционного Суда от 6 июня 1998 г. о несоответствии ч. V ст. 325 УПК РСФСР положениям ст. 46 и 50 Конституции Российской Федерации.

Известны случаи принятия на основе решений Конституционного Суда указов Президента Российской Федерации. Так, в соответствии с постановлением Конституционного Суда по делу о проверке конституционности положений ч. I и III ст. 8 Федерального закона от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» был принят Указ Президента Российской Федерации № 488 от 4 мая 1998 г. «О мерах по обеспечению права граждан Российской Федерации на свободный выезд из Российской Федерации». Решения Конституционного Суда нередко являлись основанием наложения вето Президента на уже принятые Государственной Думой законы и приостановления им действий актов органов исполнительной власти субъектов Федерации в случае противоречия их Конституции и федеральным законам.

В постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного суда Российской Федерации также встречаются ссылки на Постановления Конституционного Суда, все чаще при рассмотрении конкретных дел их применяют и другие федеральные суды. Особое место правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации занимают в решениях конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, хотя, как известно, все эти суды не составляют какой-то единой системы судов, в отличие от судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Именно на решения Конституционного Суда Российской Федерации опираются нередко прокуроры всех рангов при проведении работы по приведению в соответствие с федеральным законодательством регионального законодательства и актов органов местного самоуправления.

Все ранее сказанное служит доказательством нормативного характера решений Конституционного Суда Российской Федерации. Поэтому можно считать своевременным и обоснованным предложение проф. М.А. Митюкова – полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Фе-

дерации – о необходимости закрепления в законодательстве, в частности в будущем Федеральном законе «О нормативных правовых актах Российской Федерации», положения о нормативной природе решений Конституционного Суда РФ.

После положительного решения вопроса о нормативном характере решений Конституционного Суда и признания за ними силы источника права возникает также вопрос о том, к какому именно виду источников права следует их отнести, является ли решение Конституционного Суда в чистом виде нормативным актом, интерпретационным актом, прецедентом, новым нетрадиционным источником права или чем-то иным, необходимо определить их место в системе источников права.

Относительно места решений Конституционного Суда Российской Федерации в иерархии источников права, существующей в нашей стране, следует, очевидно, определить их место сразу же после норм самой Конституции РФ, отдав им предпочтение перед нормами федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также нормами иных видов нормативных актов.

Аргументами в пользу такого решения является следующее:

1. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации непосредственно и однозначно закреплены в самой Конституции РФ.

2. Конституционный суд Российской Федерации действует на основании федерального конституционного, а не простого федерального закона.

3. Юридическая сила решений Конституционного Суда такова, что он может признать ту или иную норму любого закона не соответствующей Конституции, что означает объявление ее не подлежащей применению судами, иными органами власти и должностными лицами.

4. Конституционный Суд вправе дать законодателю предписание о необходимости иного правового урегулирования того или иного вопроса, и законодатель обязан его выполнить.

5. Если норма закона признается неконституционной и, следовательно, не подлежащей применению, а другого порядка регулирования данного вопроса еще не принято, то Конституционный Суд может предписать впредь напрямую применить конституционную норму непосредственно, а по существу, в подобной ситуации применяется само решение суда.

В тесной связи с рассматриваемым общим вопросом о юридической силе решений Конституционного Суда и их месте в системе нор-

мативных актов находится вопрос о том, какую часть решения суда, резолютивную или мотивировочную, следует считать имеющей непосредственно силу нормативного акта. Представляется, что резолютивная часть любого решения суда, бесспорно, имеет силу нормативного акта. Однако наряду с этим обоснованная и развитая в мотивировочной части решения суда его правовая позиция по тому или иному вопросу также может быть использована в качестве нормативно одобренной позиции высшего судебного органа, каковым является Конституционный Суд Российской Федерации; влиять на решение других судов при разрешении ими дел аналогичного характера.

Другим актуальным вопросом в деятельности Конституционного Суда является проблема исполнения его решений. Эта проблема не является новой, она возникла на следующий же день после образования самого суда и продолжает оставаться актуальной по сей день. Это проблема, скорее всего, даже не самого Суда, сколько других органов власти, законодательной и исполнительной, ибо сам Конституционный Суд не имеет никакого аппарата, кроме своего высокого авторитета, призванного принудить к исполнению своих предписаний.

Справедливости ради следует заметить, что в 10-летней истории российского Конституционного Суда была попытка в 1993 г. со стороны тогдашнего законодательного органа страны – Верховного Совета Российской Федерации – принять специальный закон, предусматривающий различную ответственность, вплоть до уголовной, за неисполнение решений Конституционного Суда. Но в окончательном виде закон не был принят, и проблема не получила своего законодательного разрешения.

В наши дни вопрос поднят вновь в связи с проводимой судебной реформой, и нам остается лишь немного подождать до принятия тех или иных решений по этому поводу.

Существует и еще одна проблема, на первый взгляд, технического характера, связанная с восприятием и пониманием решений Суда широкими массами народа. Это проблема ясности и простоты изложения решений Конституционного Суда. Подход к ее решению зависит от ответа на вопрос, для кого пишутся постановления и определения Конституционного Суда – для юристов-профессионалов или для широких масс населения, для людей «с улицы». Хотелось бы, чтобы судьи Конституционного Суда Российской Федерации озабочились и этой проблемой и спустились к народу.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ОБЛАСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

(Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. Юрид. науки. 2003. № 4.

Приложение: Статьи по материалам науч.-практ. конф.

*«Проблемы теории и практики уголовного процесса в свете нового
УПК РФ», посвящ. 125-летию Том. гос. ун-та и 105-летию высш.*

юрид. образования в Сибири (Томск, ТГУ, 30 января –

1 февраля 2003 г.). С. 10–14. Соавт.: Ведерников А.Н.)

1. Как известно, Конституционный Суд Российской Федерации, являющийся органом конституционного судебного контроля, по определению не должен бы выступать тем органом, где вопросы уголовного процесса и уголовного судопроизводства, в широком их понимании, занимали бы сколько-нибудь большое или даже существенное место в его деятельности. Для этого есть, в первую очередь, целая система судов общей юрисдикции во главе с Верховным Судом Российской Федерации. Свой аспект деятельности применительно к гражданскому и административному судопроизводствам имеют арбитражные суды во главе с Высшим арбитражным судом Российской Федерации; местные суды, где вопросы уголовного процесса имеют место быть в деятельности мировых судей при рассмотрении уголовных дел и в некотором преломлении в деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

По своей юридической силе, резонансу в общественном мнении, влиянию на юридическую науку и судебную практику и, наконец, на судьбу конкретных граждан, «проходящих» по уголовным делам, которые Конституционный Суд в результате своего решения предписывает пересмотреть в соответствии со своей позицией по тому или иному вопросу, наибольшее влияние и значение имеют именно решения Конституционного Суда Российской Федерации. Постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации в области уголовно-процессуального законодательства и его правоприменительной практики, по существу, играют ключевую роль в истории отечественного уголовного судопроизводства последнего десятилетия.

Если попытаться определить некую исходную точку, начальную платформу, отталкиваясь от которой Конституционный Суд Россий-

ской Федерации выстраивал свою последующую деятельность в рассматриваемой правовой сфере, то можно считать, что в качестве таковой выступала «Концепция судебной реформы Российской Федерации», принятая Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г.¹ Именно этот документ с его идеей возрастания роли суда в правовом государстве и вывода его за рамки органа, ведущего борьбу с преступностью, с идеей суда присяжных заседателей и уменьшением полномочий прокуратуры, состязательности как определяющего принципа судопроизводства и другими его идеями объективно стал руководящим для народившегося вскоре после его принятия Конституционного Суда РСФСР – первого органа конституционного судебного контроля в современной истории России.

Следует заметить, что сама Концепция судебной реформы 1991 г. стала возможной благодаря принятию до этого Декларации о государственном суверенитете РСФСР и внесению соответствующих весьма существенных поправок в действовавшую в то время Конституцию РСФСР, главным образом, в виде задачи построения правового государства в России и основного принципа такого государства – принципа разделения властей с провозглашением судебной власти одним из видов, одной из ветвей государственной власти.

Разделение властей на законодательную и исполнительную у нас провозглашалось и ранее и даже, как говорится, худо-бедно оно проводилось в жизнь. Конечно же, даже и такое ущербное разделение властей осуществлялось или, скорее, позволялось под жестким диктатом партии (КПСС), закрепленным в пресловутой статье 6 Конституции СССР. Поэтому разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, внесенное в Конституцию РСФСР 1978 г. одним из Съездов народных депутатов РСФСР в 1990 г. задолго до принятия ныне действующей Конституции Российской Федерации 1993 г., следует считать крупным шагом на пути построения правового государства в нашей стране.

Именно провозглашение суда властью и реализация этой власти судом через отправление правосудия, выражающееся в решениях

¹ *Концепция судебной реформы в Российской Федерации.* М.: Республика, 1992 – 112 с. Достаточно резкая и во многом справедливая критика в адрес этого документа содержится в работах А.Д. Бойкова. «Третья власть в России». Книга первая (1997 г.) и Книга вторая. М.: Юрлитинформ, 2002. Один из авторов настоящей статьи являлся в то время членом Верховного Совета РСФСР и несет в известной мере ответственность за ее принятие. Однако при оценке данного документа надлежит более терпимо и внимательно относиться к конкретно-историческим условиям ее принятия.

суда, и есть главное для нас в принципе разделения властей в правовом государстве. Отсюда и все иные конституционные и просто правовые принципы судопроизводства: независимость суда и неприкосновенность судей, участие народа в отправлении правосудия, возможность обжалования в суд действий и решений должностных лиц и органов власти и т.д.

К тому же сложилась еще и такая ситуация, что ряд авторов, разработчиков рассматриваемой Концепции судебной реформы, как и народных депутатов РСФСР, принимавших эту Концепцию, вскоре стали полноправными судьями Конституционного Суда РСФСР и получили возможность реализовывать в его деятельности идеи правового демократического федеративного государства в современной России, в том числе и применительно к нормам уголовно-процессуального законодательства и практике уголовного судопроизводства.

2. Общеизвестно, что среди дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации за весь период его существования, количество дел, посвященных различным институтам уголовного процесса, сравнительно с другими отраслями права занимает, пожалуй, первое место. По нашим подсчетам, только в гласных процессах Конституционного суда, исключая определения, принятые в организационно-распорядительных Пленумах суда, на настоящий момент рассмотрено более 30 дел, в то время как по некоторым другим отраслям права дел или не было вообще или их были единицы.

Обращений граждан в Конституционный Суд РФ по различным вопросам уголовного процесса и судопроизводства было такое число, что на одном из организационно-распорядительных пленумов суда по инициативе его председателя серьезно рассматривался вопрос, а не принять ли суду на какое-то время своеобразный мораторий на рассмотрение подобного рода дел и, когда их накопится изрядное количество, рассмотреть все в одном производстве. Это предложение мотивировалось, в частности, тем, что Уголовно-процессуальный кодекс является единым нормативным актом и потому в принципе такое соединение обращений и затем рассмотрение их в одном производстве было возможно. Предложение это, однако, не было принято, и в Конституционном Суде РФ продолжилась практика рассмотрения поступающих обращений и запросов по вопросам уголовного процесса в порядке очередности их поступления и принятия к производству.

Нам представляется, что можно назвать, по крайней мере, два обстоятельства в качестве причин столь большого числа обра-
ще-

ний в Конституционный Суд по вопросам уголовного процесса. Первое – это то, что уголовный процесс регулирует весьма острую сферу жизни общества и личности, которая связана с возможностью нарушения комплекса прав и свобод человека вплоть до лишения его свободы. И второе – это весьма высокая активность растущего в последнее время числа адвокатов-защитников, помноженная на материальные возможности некоторых осужденных. Чаще в последние годы по этим вопросам поступают и запросы из судов общей юрисдикции. Конечно, при этом не следует забывать и о таком объективном обстоятельстве, как задержка на несколько лет с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса, соответствующего в своей стратегической направленности Конституции Российской Федерации 1993 г.

В связи с последним обстоятельством есть необходимость сказать несколько слов об истории разработки нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, принятого наконец-то в самом конце 2001 г.

После принятия всенародным голосованием Конституции Российской Федерации 1993 г., содержащей достаточно большое число положений, прямо касающихся и достаточно кардинально по-новому решающих ряд принципиальных вопросов уголовного судопроизводства, стала очевидной необходимость разработки и принятия нового Уголовно-процессуального кодекса. Было разработано несколько проектов нового УПК РФ, различающихся между собой по своей направленности, главным образом тем, какое ведомство формировало ту или иную группу разработчиков и какие задачи, соответственно, перед ними ставились.

Началась длительная работа по согласованию позиций и разработке единого проекта УПК РФ. В 1996 г. новый УПК РФ был принят Государственной думой Российской Федерации в первом чтении и, казалось, дело сдвинулось с мертвой точки. Но на проект поступили тысячи поправок, и дело с принятием нового УПК РФ вновь затормозилось. В Администрации Президента Российской Федерации была создана рабочая группа по вопросам проведения судебной реформы под руководством заместителя руководителя Администрации Д.Н. Козака, которому удалось создать работоспособный коллектив и подготовить проекты ряда законов, в том числе, по существу, и новый проект УПК РФ. В ходе его разработки и обсуждения в Государственной думе Российской Федерации состоя-

лось несколько парламентских слушаний, где прошли острые дебаты по ряду положений нового УПК РФ.

Новый УПК РФ был принят 22 ноября Государственной думой, 5 декабря одобрен Советом Федерации и 18 декабря 2001 г. подписан Президентом Российской Федерации и опубликован.

В один день с УПК РФ был принят под № 177-ФЗ и закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым была определена дата введения нового УПК РФ в действие – 1 июля 2002 г. Наряду с этим в этом законе устанавливались различные даты введения в действие важнейших институтов уголовного судопроизводства: судов присяжных, мировых судей, полномочия суда по решению вопросов досудебного производства по уголовным делам и др. В частности, этим законом допускалось применение такой меры пресечения, как содержание под стражей на срок свыше 48 часов не по решению суда, а по постановлению прокурора до 1 января 2004 г., т.е. еще на 1,5 года оттягивалось исполнение одного из важнейших положений Конституции РФ относительно права человека и гражданина на свободу. Конституционный Суд РФ признал это положение вышеназванного закона не соответствующим Конституции и предписал ввести в действие данную норму одновременно с датой введения в действие УПК РФ¹, т.е. с 1 июля 2002 г.

По вопросу о введении суда присяжных, который планировалось ввести повсеместно с 1 января 2003 г., уже принят специальный закон № 181 – ФЗ от 27 декабря 2002 г., которым предусматривается поэтапное введение этого института на территории России в разные сроки для различных субъектов Федерации вплоть до 1 января 2007 г., когда планируется введение суда присяжных на территории Чеченской Республики².

Приведенные два примера уже внесенных изменений в закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» свидетельствуют о том, что принятие и введение в действие в полном объеме нового УПК РФ требует, кроме всего прочего, большой организационно-правовой работы. Так, на повестку дня в качестве актуального выдвигается еще один вопрос –

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 6-П от 14 марта 2002 г. // Российская газета. 2002. 21 марта.

² Можно заметить, в частности, что введение суда присяжных в Томской области планируется по этому закону с 1 июля 2003 г.

о формировании списков кандидатов в присяжные заседатели. Не исключено, что возникнут и иные подобного рода вопросы, пока новый УПК РФ вступит в действие в полном объеме.

3. В последнее время, в том числе и в связи с принятием нового УПК РФ, приобретает большую актуальность вопрос о соотношении и возможном применении в нашем отечественном уголовном судопроизводстве общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. Вопрос этот, ранее в нашей уголовно-процессуальной литературе не поднимавшийся, возник в связи с тем, что согласно ч. IV ст. 15 Конституции Российской Федерации «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Согласно этому положению Конституции РФ, которое нашло свое закрепление в ч. III ст. 1 УПК РФ с тем лишь уточнением, что эти принципы и нормы международного права являются составной частью законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство, со всей остротой встает вопрос о соотношении норм международно-правовых актов, в которых в той или иной мере затрагиваются вопросы уголовного судопроизводства, и нашего внутригосударственного законодательства.

Ранее такой проблемы, по существу, не возникало, т.е. не было подобного положения в Основном законе страны, хотя ряд международно-правовых актов, имеющих отношение к уголовному судопроизводству, Советским Союзом и был ратифицирован. В настоящее же время, в особенности в связи со вступлением России в Совет Европы, в связи с участием российского судьи в составе Европейского суда по правам человека и рассмотрением в этом суде ряда дел по обращениям наших граждан, все эти элементы правового статуса России в современном мире, и в особенности в Европе, где они уже реализуются, поставленные вопросы выдвигаются в ряд актуальных и требующих своего решения. При этом они имеют не только внешний, международный аспект, но определенным образом влияют и на некоторые институты уголовного судопроизводства, применяемые на внутригосударственном уровне: относительно положения личности в уголовном процессе, реализации принципа состязательности на различных стадиях уголовного процесса, свидетельского иммунитета и т.п.

Здесь, очевидно, будет, кстати заметить, что именно новые моменты правового статуса России обусловили появление в УПК РФ его части пятой, целиком посвященной международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства (ст. 453–473 УПК РФ), где регламентируются вопросы порядка взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями. Наличие в УПК РФ таких норм, безусловно, будет способствовать расширению и углублению наших контактов с соответствующими органами и должностными лицами иностранных государств, что не может не сказаться положительно на борьбе с транснациональной преступностью, в особенности с ее организованными формами.

4. Еще одним актуальным вопросом в связи с деятельностью Конституционного Суда РФ, имеющим отношение к современному уголовному процессу, является вопрос о нормативном характере решений Конституционного Суда РФ и о признании за ними силы источника права.

Поскольку ранее, в советское время, не было такого органа судебной власти, как Конституционный Суд Российской Федерации, решения которого имеют влияние на всю систему права и его отдельные отрасли, то и возник вопрос о правовой природе актов названного суда как новом правовом явлении в системе источников права.

Формально решения Конституционного Суда Российской Федерации не являются нормативными актами¹, но они могут определять характер не только будущих правоотношений в той или иной сфере жизни общества и государства, но и влиять на само содержание будущих законодательных актов, поскольку, осуществляя конституционный контроль, Конституционный Суд вправе признать тот или иной закон в целом или в его части не соответствующим Конституции Российской Федерации. Принятие же такого решения означает не что иное, как то, что с этого момента такой закон не подлежит применению и, следовательно, требуется принятие нового закона, соответствующего Конституции и решению Конституционного Суда.

¹ Более подробно относительно нормативного характера решений Конституционного Суда Российской Федерации см.: *Ведерников Н.Т.* Некоторые актуальные вопросы деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Научные труды IV Международной научно-практической конференции. Фундаментальные и прикладные проблемы приборостроения, информатики, экономики и права. М., 2001. С. 24 и далее.

В этом состоит, в частности, применительно к судебной власти суть действия механизма «сдержек» и «противовесов» в правовом государстве. Это можно считать также высшей точкой полномочий судебной власти в правовом государстве.

Оценка любого законодательного акта под углом зрения соответствия его положениям Конституции Российской Федерации означает в конечном итоге не что иное, как реализацию конституционных норм в приложении к той или иной отрасли права. В особенности ярко это проявилось применительно к уголовно-процессуальному законодательству, относительно которого, как это уже отмечалось, было рассмотрено наибольшее число дел по сравнению с числом дел, предметом рассмотрения которых являлись нормы других отраслей права.

Механизм выработки соответствующего решения Конституционным Судом заключается в том, что суд, основываясь на своем полномочии по толкованию Конституции РФ при рассмотрении той или иной нормы, например нормы УПК РФ, вскрывает ее конституционно-правовой смысл и как бы накладывает его на отраслевое, в нашем случае – уголовно-процессуальное, понимание, сложившееся в практике ее применения, и если при этом два понимания не совпадают, признает данную норму не соответствующей Конституции Российской Федерации. Что происходит далее?

С этого момента данная норма или не применяется вовсе в ее прежнем уголовно-процессуальном понимании; или она применяется, но уже в новом, конституционно-правовом ее понимании; или законодателю дается предписание изменить данную норму с учетом нового ее толкования; или предписывается впредь применять не истолкованную норму того же Уголовно-процессуального кодекса, а напрямую соответствующую норму Конституции. В решениях Конституционного Суда РФ по тем или иным вопросам уголовно-процессуального законодательства встречаются все вышеназванные варианты дисквалификации норм.

5. Положительное решение вопроса о нормативном характере решений Конституционного Суда, которое, по мнению М.А. Митюкова, следует закрепить в законодательстве¹, логически выдвигает

¹ Митюков М.А. Акты Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и некоторые вопросы их исполнения: Доклад на Всероссийском совещании по проблемам исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. М., 2002. С. 3–4.

еще один вопрос – относительно места решений Конституционного Суда РФ в иерархии источников права, существующей в нашей стране. По нашему мнению, они могут занимать место сразу же после норм самой Конституции Российской Федерации, опережая нормы федеральных конституционных законов и федеральных законов, не говоря уже о нормах иных нормативных актов.

Можно привести следующие аргументы в пользу такого решения:

1. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации непосредственно и однозначно закреплены в самой Конституции РФ.

2. Конституционный Суд Российской Федерации действует на основе федерального конституционного закона, а не простого федерального закона.

3. Юридическая сила решений Конституционного Суда такова, что он может признать ту или иную норму любого закона не соответствующей Конституции РФ, что означает объявление ее не подлежащей применению судами, иными органами власти и должностными лицами.

4. Конституционный Суд вправе дать законодателю предписание о необходимости иного правового урегулирования того или иного вопроса, и законодатель обязан его выполнить.

5. Если норма закона признается неконституционной и, следовательно, не подлежащей применению, а другого порядка регулирования данного вопроса еще не принято, то Конституционный Суд может предписать впредь напрямую применять соответствующую конституционную норму непосредственно, а по существу, в подобной ситуации применяется само решение суда.

Таковыми представляются вопросы деятельности Конституционного Суда Российской Федерации в области уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые являются наиболее актуальными в настоящее время.

ГОСУДАРСТВО И ЛИЧНОСТЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ

*(Государственная власть и местное самоуправление.
№ 2011. 9. С. 3–5. Соавт.: Ведерников А.Н.)*

Положение личности в современной России определяется ее конституционно-правовым статусом, в котором следует различать положения (нормы) общего характера, раскрывающие принципиальные установки, подходы, оценки личности и нормы, содержащие конкретные права и свободы всякого человека и гражданина.

Уже в преамбуле Конституции Российской Федерации, где называются основания и цели принятия указанного правового акта, провозглашаются определяющие общественные ценности, в числе которых: утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, сохранение исторически сложившегося государственно-го единства страны и незыблемость ее демократической основы. В плане нашего исследования особое значение имеют такие цели, как утверждение прав и свобод человека и незыблемость демократической основы государства.

Заметим, что положениям преамбулы Конституции порой не придается надлежащего правового значения. Подтверждением того, что преамбула Конституции РФ «имеет для законодательной и исполнительной власти не только моральную, но и юридическую силу»¹ могут служить ряд решений Конституционного Суда РФ, в которых он обращался к положениям преамбулы. Одним из первых в этом ряду явилось постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 г. № 17-П. Еще более значимым в этом отношении явилось постановление Конституционного Суда от 17.06.2000 г. о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах

¹ *Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина и Л.В. Лазарева. М.: Эксмо, 2009. С. 39), могут служить ряд решений Конституционного Суда РФ, в которых он обращался к положениям преамбулы. Одним из первых в этом ряду явилось постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 г. № 17-П (ВКС. 1995. № 6; СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.*

организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации» (ВКС. 2000. № 5; СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728).

Отмеченные выше положения преамбулы Конституции РФ получили свое развитие и углубление в ее последующих главах и статьях. Так, в ст. 1 Конституции при характеристике России как государства подчеркивается его демократический правовой характер, а в ст. 2 содержится достаточно развернутая общая формула о месте и ценности человека и его прав и свобод.

Демократический характер всякого государства определяется положением и ролью ее народа в управлении этим государством, в частности, в возможности народа периодически менять политический и кадровый состав правящей элиты государства и всех его составных частей (в нашем федеративном государстве это важно в особенности) на всех ступенях иерархической лестницы органов власти и местного самоуправления.

Пожалуй, еще более важным качеством государства является его правовой характер, отличительным свойством которого, как известно, является то, что не только граждане его, но и само это государство во всей своей деятельности связано правом. Это выражается, в частности, в том, что при возникновении конфликта между гражданином и государством они оба выступают в суде любого уровня как равноправные стороны.

Не менее емкая и богатая по содержанию формула составляет содержание ст. 2 Конституции РФ о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита его прав и свобод – обязанностью государства. Хотелось бы обратить внимание на то, что в первом предложении этой статьи речь идет, по сути, о двух объектах – о самом человеке как таковом и о его правах и свободах. Если бы высшей ценностью провозглашались лишь права и свободы человека, редакция этой части статьи Конституции была бы иной. В нынешней же редакции этого предложения, наличие запятой после слова «человек» указывает на то, что речь идет не только о правах и свободах человека, но и о нем самом как таковом. Поэтому с полным основанием можно полагать, что высшей ценностью являются как права и свободы человека, так и он сам по себе, человек как таковой. Это подтверждается, в частности, тем, что человек как таковой защищен другим конституционным положением – а именно по-

ложением о праве каждого на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции). Конституция РФ защищает человека как мыслящее разумное существо, закрепляя его право на жизнь.

Относительно второго объекта, на который также распространяется та же оценка как высшей ценности прав и свобод человека, такая оценка представляется вполне обоснованной. Вместе с тем представляется уместным высказать предложение о возможном дополнении данной конституционной формулы еще одним свойством личности, являющимся всеобщим, - это достоинство человека. Это настолько важное и присущее каждому человеку свойство, которое заслуживает упоминания и в данной статье Конституции. Место этого слова «достоинство» между терминами «человек» и «его права и свободы», и в таком случае первые предложения в тексте статьи второй Конституции приняли бы следующий вид - «человек, его достоинство, права и свободы являются высшей ценностью».

Подтверждением того, что достоинство личности, наравне с ее правами и свободами, может быть отнесено к разряду высших ценностей человека, может служить положение ст. 21 Конституции РФ о том, что достоинство личности охраняется законом и ничто не может быть основанием для его умаления. Говоря иными словами, даже лицо, подверженное наказанию, в том числе и в уголовно-правовом порядке, сохраняет за собой, обладает достоинством личности, которое не может быть поправлено. Наказывать, не унижая, не растапывая достоинство, - вот требование современного отношения к человеку, в том числе и к совершившему преступление.

В ряду общих положений Конституции РФ относительно правового статуса личности, его значения, необходимости и возможности, реализации прав и свобод особое место занимает ст. 18 Конституции РФ. Она объявляет права и свободы человека и гражданина непосредственно действующими, т.е. не требующими какого-либо иного, кроме конституционного, законодательного их закрепления. Одновременно права и свободы личности объявляются главными в содержании и применении законов, в деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и указывается механизм их исполнения - они обеспечиваются правосудием. Все ветви государственной власти, система органов местного самоуправления оказываются задействованными в механизме реализации прав и свобод, делают их смыслом своего предназначения и деятельности.

Здесь можно усмотреть прямую связь с положением ст. 2 Конституции Российской Федерации о высшей ценности человека и его

прав и свобод, но уже как бы в более «приземленном», практически ориентированном смысле.

Положение ст. 2 Конституции РФ о защите прав и свобод человека и гражданина как обязанности государства получает свое развитие в ст. 45 Конституции – правам и свободам гарантирована государственная защита. В первую очередь государственная защита прав и свобод личности реализуется через и посредством законодательного регулирования в этой сфере, что, как известно, отнесено к ведению Федерации (п. «в» ст. 71 Конституции), защита же прав и свобод находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (п. «б» ст. 72 Конституции).

Реализация законов, направленных на провозглашение и защиту прав и свобод человека и гражданина требует постоянной деятельности органов власти и отдельных должностных лиц в этой области. Наверху такой системы органов по праву находится Президент РФ как гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80 Конституции). Затем идут органы власти, деятельность которых посвящена всецело защите прав и свобод человека и гражданина, - это Прокуратура РФ, Уполномоченный по правам человека РФ, различного рода общественные правозащитные организации, Общественная палата РФ и аналогичные палаты субъектов Федерации.

Свою лепту в защиту прав и свобод граждан призвано вносить и Правительство РФ (п. «е» ст. 114 Конституции).

Конституция РФ (ч. 2 ст. 45) разрешает и каждому человеку самому защищать свои права и свободы всеми способами, но лишь теми, которые не запрещены законом. Наиболее «правильным» способом защиты прав и свобод в современном цивилизованном мире является обращение в суд, о чем логично заявляет Конституция РФ в следующей, 46-й статье. В реализации этого права человека и гражданина участвует вся судебная система, все виды судов. Причем специализированным судом именно по защите конституционных прав личности является Конституционный Суд РФ.

Во всех странах, когда принятое судом решение по делу того или иного гражданина последний считает несправедливым и нарушающим его права, он может обратиться в Конституционный Суд с жалобой на неконституционность, по его мнению, закона, на основании которого было вынесено оспариваемое решение. И Конституционный Суд рассмотрит такое обращение по существу со всеми вытекающими из этого последствиями, вплоть до обязывания законодателя изменить не соответствующий Конституции закон.

При этом наша Конституция пошла еще дальше – она предоставляет каждому право обращаться не только во внутригосударственные суды, но и в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции). Обычно в таких случаях российские граждане обращаются в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Россияне широко, может, даже излишне широко, пользуются указанным правом. Так, за 2008 г. таких обращений от граждан РФ в ЕСПЧ поступило более 27 тыс., что составило 28% от числа всех поступивших в этом году в этот Суд исков. По 559 обращениям были приняты решения, в 554 из которых были констатированы нарушения прав человека (Россия: общенациональная ежегодная газета. 21.01.2010).

Рассмотренные выше положения Конституции РФ раскрывают общие подходы и решения по проблеме взаимоотношений государства и личности. Причем во всех случаях, когда в той иной норме Конституции РФ идет речь о необходимости активных действий по обеспечению прав личности, употребляется именно термин «защита» (ст. 2, 23, 37, ч. 1 ст. 45, ч. 1 и 3 ст. 46 Конституции).

Конституционно-правовой статус личности как совокупность конкретных прав и свобод практически во многом описан в главе второй Конституции РФ. Если привести реестр всех прав, свобод и обязанностей личности в РФ¹, то получается довольно «полновесный» субъект. Но это субъект отвлеченный, абстрактный, неживой. Его права и свободы пребывают в статике, в покое. Нужно ли такое? Да, нужно! Но для нас важнее, чтобы права исполнялись, «работали». Права же могут реализоваться лишь в правоотношениях. Пока они описаны на бумаге, не реализуются, не действуют, это правоотношения в статике. Живая же жизнь требует действий, деятельности людей. И тогда правовые связи, правоотношения переходят в стадию динамики. И вот здесь, при реализации прав и свобод, на весь этот процесс немалое воздействие оказывают свойства и качества конкретного человека как участника правоотношения.

Представляется, что в недалеком будущем встанет проблема учета влияния личностных свойств каждого человека на процесс исполнения его прав и обязанностей.

¹ Конституция новой России: к 15-летию принятия. Комментарии к Конституции Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009. С. 31-32.

Могу предположить, что появится необходимость знать, какие свойства и качества личности влияют на реализацию тех или иных прав и свобод, в каком объеме их необходимо и полезно знать и изучать, каким образом собирать эту личностную информацию, где ее фиксировать и учитывать (оценивать).

Это будет некий процессуально-тактический институт в конституционном праве.

Он будет уже востребован в конституционном судопроизводстве, равно как сейчас он востребован в других видах судопроизводств и уже издавна разрабатывается и достиг определенных успехов в уголовном судопроизводстве или, точнее, в уголовно-процессуальном законодательстве и практике и криминалистике.

Везде, где имеет место борьба за утверждение своих прав, соперничество, называемое в судопроизводстве состязательностью сторон, личностные свойства участников этого процесса влияют на совершаемые действия, а в некоторой мере и на конечный результат всей этой процессуальной деятельности.

Вообще, обеспечение прав и свобод человека и гражданина является одним из наиболее емких и всеохватывающих явлений в доктрине правового положения личности в государстве. Обеспечить в полном объеме, реализовать в жизни, превратить нормы о правах и свободах человека в «живое» право – задача не из легких.

Не случайно, очевидно, теория предлагает различать понятия «охраны» и «защиты» прав. Охрана прав – это общий правовой фон положения дел с правами личности, это их нахождение в статике, распространение прав на всех. Защита же прав – это восстановление нарушенных прав, законная борьба за права, которые уже нарушены или органом государственной власти, или тем или иным должностным лицом. Неконституционность законов есть нарушение прав и свобод человека и гражданина, что мы и видим в деятельности Конституционного Суда РФ в делах по жалобам граждан.

Все это охватывается понятием «восстановление в правах», а фактически есть правозащитная деятельность государства по реализации его обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, как это и зафиксировано в ст. 2 Конституции РФ. Это есть реализация лозунга в жизнь, и только тогда, когда это станет повседневной практикой, реальностью самой жизни, только тогда можно будет заявлять, что Конституция РФ действительно исполняется, действует.

ЛИЧНОСТЬ ОБВИНЯЕМОГО В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*(Вестник Томского государственного университета.
2012. Право. №3(5) С. 12–17)*

Общетеоретические философские и правовые положения о личности являются исходными для раскрытия понятия личности обвиняемого и смежных с ним понятий.

В уголовно-процессуальном законодательстве, специальной литературе и практике органов юстиции мы встречаемся с такими понятиями, как «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный» и соответственно – «личность обвиняемого», «личность подсудимого», «личность осужденного». Это близко соприкасающиеся между собой понятия, хотя между ними есть и различие. Понятия «обвиняемый», «подсудимый» и «осужденный» являются понятиями уголовно-процессуальными, и формулировки их прямо приведены в соответствующей статье Кодекса. В ст. 47 УПК РФ, в частности, указано, что обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого или вынесен обвинительный акт, а подсудимым – обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство; осужденным же является обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор. Кроме этого, в этой же статье УПК РФ содержится понятие оправданного как обвиняемого, в отношении которого вынесен оправдательный приговор. В этих определениях, как можно заметить, в качестве критерия различия названных субъектов выступает формальный момент – вынесение в отношении лица соответствующего процессуального акта. Речь, таким образом, идет об одном и том же лице, но выступающем в виде различных процессуальных фигур на разных стадиях движения уголовного дела.

Понятия «обвиняемый» и «подсудимый», «личность обвиняемого» и «личность подсудимого» наиболее близки между собой по целому ряду признаков, в то время как от понятий «осужденный» и «личность осужденного» они, соответственно, отделяются фактом, имеющим принципиальное значение. Согласно положениям уголовно-процессуального права обвиняемый и подсуди-

мый – это лица, в отношении которых имеется достаточно доказательств лишь подозревать или, вернее, с определенной степенью уверенности утверждать, что именно они совершили преступление, в то время как осужденным является лицо, факт совершения преступления которым уже доказан, установлен судом. Осужденный – это синоним преступника, в то время как обвиняемый и подсудимый – это еще не преступники (в конституционном и уголовно-процессуальном смысле).

Здесь уместно сделать одно замечание. Заключается оно в том, что в отношении факта преступления необходимо различать действительное положение и произведенную оценку факта, а это, в свою очередь, влияет на фактическое положение обвиняемого. Вполне возможна и на самом деле нередко бывает такая ситуация, когда обвиняемый действительно совершил преступление и является фактическим преступником, но пока этот факт не закреплён в соответствующем процессуальном документе – приговоре, он не может быть назван преступником и нести все вытекающие из этого последствия. В другом случае (иногда это имеет место) действительный преступник может быть не установлен и, следовательно, не будет выступать обвиняемым, являясь фактическим преступником.

Близость фактического положения двух процессуальных фигур – обвиняемого и подсудимого – даёт нам основания в дальнейшем изложении при рассмотрении общих вопросов объединить их под одним понятием «обвиняемый».

Определяющим моментом в появлении интереса к личности обвиняемого является момент возникновения уголовно-процессуальных отношений, которые появляются «после того, как государственные органы получают информацию о готовящемся, совершенном или якобы совершенном преступлении». С помощью и через уголовно-процессуальные отношения устанавливаются уголовно-правовые отношения, одним из субъектов которых является преступник. Для того чтобы быть преступником, признанным таковым судом, лицо должно выступить вначале субъектом уголовно-процессуальных отношений. Таким образом, должна «сработать» система уголовно-процессуальных отношений с тем, чтобы установить уголовно-правовое отношение и самого преступника как субъекта его, хотя моментом возникновения уголовно-правового отношения мы считаем момент совершения преступления.

Стремление раскрыть содержание понятия личности обвиняемого приводит нас к мысли использовать для этого понятие социальной роли. Применение категории «социальная роль» в правовых исследованиях и, в частности, при рассмотрении понятия личности обвиняемого, как нам представляется, позволит разграничить понятие личности обвиняемого в традиционно правовом и в социологическом плане, наполнив последнее определенными качествами и свойствами, присущими данной фигуре. В литературе подчеркивается, что «глубокое философское осмысление правовых знаний... введение новых... социологических характеристик правовых явлений... ведет к обогащению и конкретизации основных правовых категорий и понятий, к включению в них новых эмпирических и теоретических данных».

При характеристике положения личности в праве обычно пользуются категориями прав и обязанностей. Это, несомненно, правильно, но рассмотрение этих категорий в чисто юридическом смысле (в особенности в общей теории права) до последнего времени носило в ряде случаев абстрактный характер. При этом не всегда подчеркивалось социальное содержание прав и обязанностей и, соответственно, недостаточно исследовался механизм деятельности по реализации их. Исследуя юридические понятия, авторы нередко не придавали должного значения их материальной, социальной основе, в результате чего складывалось такое положение, когда предписания права принимались за саму материальную действительность. На самом же деле правовое положение личности является лишь производным от материальных условий ее существования.

Вопрос о специальном правовом статусе обвиняемого (как и преступника) в качестве самостоятельной правовой категории, по существу, не исследуется ни в общетеоретической, ни в отраслевой литературе, хотя он заслуживает внимания. Отправным моментом при его решении должно служить понятие общего правового статуса, являющегося отражением положения личности в обществе, выражающего равноправие граждан нашего государства.

Правовое положение личности в обществе, ядром которого служит правовой статус, является единым для всех граждан страны, в том числе, надо полагать, и для лиц, находящихся под следствием и судом. Даже субъект, совершивший преступление, не перестает, как известно, быть гражданином своего государства. Поэтому обви-

няемый (подсудимый) сохраняет за собой (государство ему позволяет) основные права и обязанности, вытекающие из его гражданства и правоспособности, хотя при этом и происходит существенное их ограничение.

Изменения в правовом положении обвиняемого по сравнению со всеми другими законопослушными гражданами имеют столь существенный характер, что мы вправе говорить о такой совокупности, которая получила в литературе по теории права наименование правового модуса. Некоторые права общего статуса изымаются у данного субъекта на весь период расследования, возможности использования других в значительной мере сокращаются. В то же время субъект действительно получает, приобретает комплекс специальных прав и обязанностей, которые как бы «замещают» изымаемые у него права и обязанности из общего статуса.

Одной из важных характеристик всякой социальной роли является «ролевое ожидание», то есть нормативно одобренное поведение, ожидаемое от личности, занимающей то или иное положение.

В нашем случае положение личности подробно регламентировано ее специальным правовым статусом, и нормативно одобренным, «ожидаемым» будет такое поведение, которое отвечает направленности этих прав и обязанностей.

Анализируя такие определяющие и принципиальные положения уголовного процесса, как презумпция невиновности и право обвиняемого на защиту, и вытекающие из них права обвиняемого, в частности, знать, в чем его обвиняют, и давать объяснения по предъявленному обвинению, представлять доказательства, знакомиться по окончании предварительного следствия со всеми материалами дела, заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия представителей органов дознания, следствия и суда, можно сделать вывод, что они имеют ярко выраженную позитивную направленность. Под позитивной направленностью прав и обязанностей и, соответственно, поведения по их исполнению мы понимаем такое поведение обвиняемого в ходе следствия и суда, которое способствует установлению истины по делу, то есть отвечает интересам общества. В такой направленности прав и обязанностей обвиняемого выражается, в первую очередь, стремление государства не допустить осуждения невиновного и установить истину по каждому уголовному делу.

Правовая социальная роль обвиняемого будет позитивной и в тех случаях, когда обвиняемый способствует выявлению всех участников преступления, роли каждого из них в совершении преступления. Не исключено также ошибочное привлечение в качестве обвиняемого невинного, и в этом случае действия этого лица по установлению действительного преступника также будут охватываться понятием позитивной правовой социальной роли.

В соединении специального правового статуса и деятельности по его исполнению мы усматриваем главное при решении вопроса о понятии личности обвиняемого. Если рассматривать правовое положение обвиняемого с позиций теории социальных ролей, то можно констатировать, что в нормах права, составляющих его специальный правовой статус, содержится описание пределов должного поведения, в то же время в конкретных правоотношениях при исполнении этих норм реальное поведение обвиняемого может весьма отличаться от должного.

Таким образом, существо содержания понятия обвиняемого как процессуальной фигуры в нашем понимании выражается в совокупности прав и обязанностей, составляющих его специальный правовой статус, определяющих пределы должного поведения. Этот специальный правовой статус принадлежит не конкретному лицу, а обвиняемому, как представителю данного вида, который является обладателем прав и обязанностей, но еще не реализует их, не совершает действий по реализации, находится в состоянии готовности к их реализации. Совершение преступления и возбуждение уголовного дела, как социальные события, порождают этого абстрактного потенциального обвиняемого, а вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого наделяет его специальной правоспособностью, установленными в законе правами и обязанностями обвиняемого. Для нас особенно важно то обстоятельство, что данный субъект должен также обладать совокупностью определенных личностных свойств, признаков, которые выступают необходимым условием возможности стать носителем этих прав и обязанностей. В качестве минимума таких необходимых признаков, без которых лицо не может быть обвиняемым, выступают те же признаки, что и у субъекта преступления (возраст, вменяемость), а в соответствующих случаях также и признаки специального субъекта. Специальный правовой статус обвиняемого относительно постоянен. Следовательно, постоянными являются и все его признаки.

По своему процессуальному положению обвиняемый является активным участником уголовно-процессуальной деятельности. Он наделен широким кругом прав, обеспеченных гарантиями реального их использования, что служит наряду с установлением истины по делу, с одной стороны, залогом проявления его личностных свойств, а с другой – обуславливает необходимость всестороннего и полного установления этих свойств. Разумеется, что при этом у него должны быть в наличии все те личностные свойства, которые необходимы обвиняемому как процессуальной фигуре.

Таким образом, обвиняемый как конкретная личность – это лицо, которому предъявлено обвинение и которое реализует принадлежащие ему права и обязанности (специальный правовой статус), проявляя при этом свои личностные свойства. Наша трактовка различия обвиняемого как процессуальной фигуры и как конкретной личности, в основу которой положено представление о разных стадиях реализации субъективного процессуального права, в определенной мере согласуется с высказанным ранее соображением П.С. Элькинд о различии между возможным (должным) и действительным поведением субъектов уголовно-процессуальных отношений¹. Это позволило ей затем ввести понятия уголовно-процессуального отношения в статике и динамике.

Однако было бы ошибочным представление, что только в тех случаях, когда при исполнении роли наблюдаются какие-то отступления от регламентированного в правовых предписаниях, проявляются личностные свойства и качества данного исполнителя роли. Всякое поведение конкретного обвиняемого, то есть деятельность по исполнению роли, в том числе и полностью соответствующая ее регламентации в праве, не может быть совершена без проявления при этом свойств личности. Но совершенно очевидно также, что в действиях по реализации специального правового статуса обвиняемый не может проявить все свои свойства. Это есть деятельность лишь в одной и притом специфической сфере. Поэтому изучение личностных свойств обвиняемого, проявляемых при реализации его прав и обязанностей в период расследования и судебного разбирательства, то есть в специфической сфере, должно быть дополнено изучением в других сферах деятельности.

¹ Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 152 с.

На повестку дня, таким образом, выдвигается задача определения сфер деятельности, в которых проявляются основные стороны личности, ибо свойства личности, как мы установили, выражаются в деятельности, а закон требует всестороннего изучения личности обвиняемого. Представляется, что задача эта может быть решена построением структуры личности, которая делает возможным познать не только отдельные особенности личности и взаимосвязи между ними, но и получить цельное представление о ней.

Содержанием личности будут являться конкретные свойства ее, расположенные по структурным позициям, уровням, что в совокупности составит предмет изучения личности обвиняемого. Поэтому решение вопроса о структуре личности покажет, о каких сторонах личности необходимо собирать сведения, каким образом расположить конкретные данные о ней, чтобы в итоге иметь содержание личности, которое позволило бы при всякой необходимости, решая тот или иной вопрос по уголовному делу, иметь возможность произвести как оценку отдельных свойств, так и оценку личности в целом.

Конкретное преступление всегда совершает конкретное лицо, и потому при рассмотрении уголовного дела изучается личность отдельного человека. Это означает, что, выясняя сущность отдельного человека как общественного существа, необходимо установить «совокупность типизированных и уникальных черт личности», то есть и то, что характеризует его как члена общества, социальной группы, и то, что характеризует его как отдельного индивида.

Деятельность обвиняемого как члена общества протекает в тех же сферах, что и деятельность всякого другого человека. Поэтому основу структуры его личности будут составлять свойства и качества (стороны личности), проявляющиеся в рассмотренных ранее основных сферах деятельности всякого человека (производственная, общественно-политическая, культурно-бытовая) и свидетельствующие об отношениях личности к наиболее важным сторонам общественной жизни.

Личность обвиняемого проявляется также в тех отношениях, которые складываются в специфической и общей для всех обвиняемых сфере деятельности по расследованию и рассмотрению уголовного дела. Первое определяет в личности обвиняемого общее, второе – особенное.

Но, кроме этого, в личности каждого обвиняемого есть индивидуальное, «уникальные черты», накладывающие «отпечаток» и регулирующие конкретные формы поведения в каждой из сфер дея-

тельности. Это социально-психологические свойства личности — темперамент, эмоционально-волевые качества, направленность.

Таким образом, структуру личности обвиняемого можно представить как взаимосвязь основных сторон (совокупности свойств) конкретного человека, проявляющихся в определенных видах деятельности и составляющих в совокупности единство личности.

Решение вопроса о структуре личности обвиняемого имеет прямые выходы на ряд других вопросов, охватываемых рассматриваемой проблемой. Наиболее существенным из них является то, что структурное строение личности обвиняемого определяет направления ее изучения. Причем в основе этих направлений лежат, как мы видим, не случайные, а вытекающие из существа наших общественных отношений наиболее значимые сферы деятельности человека, что, соответственно, дает возможность получать данные о проявлениях сущностных сторон личности. Направления изучения определяют в известном смысле и пределы изучения, а собранная в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства конкретная информация о проявлениях данных сторон личности (с учетом ее правового значения) составляет содержание личности обвиняемого, то есть ее предмет. Как нам представляется, следующим логическим шагом, призванным обеспечить рациональный и эффективный путь надлежащего изучения личности обвиняемого в уголовном судопроизводстве (что продолжает оставаться актуальным на сегодняшний день), должно явиться законодательное закрепление предмета и пределов изучения личности. Можно подвести некоторые итоги предыдущего изложения как подход к формулировке определения понятия личности обвиняемого.

Предложенная конструкция выделения понятий обвиняемого как процессуальной фигуры и как конкретной личности позволила показать процесс обогащения понятий личностной информацией. Если у обвиняемого как процессуальной фигуры должны непременно иметься свойства, достаточные для того, чтобы выступать носителем специального правового статуса, то обвиняемый как конкретная личность должен иметь все необходимые качества, чтобы активно использовать в уголовном судопроизводстве эти права и обязанности.

Как нам представляется, следующие положения являются основными в понятии личности обвиняемого:

1. В качестве обвиняемого выступает конкретное лицо.

2. В отношении данного лица в установленном законом порядке вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого.

3. Это лицо обладает специальным правовым статусом, ядром которого является право на защиту, и необходимыми для этого свойствами личности.

4. Оно проявляет свои личностные свойства как в специфической уголовно-процессуальной сфере расследования и рассмотрения уголовного дела, реализуя специальный правовой статус, так и в других сферах деятельности, являющихся основными для любого члена общества.

Суммируя сказанное, можно предложить следующее определение понятия личности обвиняемого: личность обвиняемого – это конкретное лицо, характеризующееся проявлением своих свойств как в основных сферах деятельности всякого человека, так и в специфической правовой сфере при реализации специального правового статуса и выполнении правовой социальной роли.

НЕКОТОРЫЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ И РАЗВИТИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

*(Вестник Томского государственного университета.
2012. Право. №3(5) С. 109–112)*

В новейшей истории России сложилось так, что конституционные изменения и новшества зачастую опережали должные соответствовать им изменения в отраслевом законодательстве. Особенно ярко это проявилось в практике разрешения дел о соответствии Конституции норм и положений уголовно-процессуального законодательства. Это наблюдалось в деятельности суда как по приведению в соответствие с Конституцией норм прежнего УПК РСФСР 1960 г., так и ныне действующего УПК РФ, принятого в декабре 2001 г. и введенного в действие с 1 июля 2002 г.

С сожалением приходится констатировать, что между принятием ныне действующей Конституции РФ (12 декабря 1993 г.) и введением в действие должного соответствовать ей УПК РФ (1 июля 2002 г.) прошло почти 8 лет. И это при наличии в стране постоянно действующего парламента.

С 1 июля 2002 г., таким образом, вступил в действие долгожданный новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), и в Конституционный Суд уже в 2003 г. стали поступать запросы разного уровня судов и жалобы граждан относительно проверки его положений на предмет соответствия Конституции Российской Федерации.

Одним из первых в этом ряду явилось дело о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан от 8 декабря 2003 г. В этом деле были объединены запросы Вологодского и Курганского областных судов, Курганского и Подольского городских судов и Советского районного суда г. Челябинска, а также жалобы 9 граждан относительно указанных статей и глав УПК РФ. Поскольку все

запросы судов и жалобы граждан касались одного и того же предмета, суд соединил их в одно производство.

Основными вопросами рассматриваемого дела являлись следующие: о возможности возвращения судом первой инстанции уголовного дела прокурору в случае выявления допущенных по делу нарушений уголовно-процессуального закона; о возможности обжалования в кассационном порядке постановления судьи о приостановлении производства по делу, вынесенного по итогам предварительного слушания; об обязательности вынесения судом решения о прекращении уголовного дела или об осуждении подсудимого за менее тяжкое преступление в случае отказа государственного обвинителя от обвинения или его изменения в сторону смягчения, не допускающих пересмотра такого решения в вышестоящем суде.

В многостраничной мотивировочной части рассматриваемого постановления Конституционный Суд весьма обстоятельно проанализировал основания и доводы обратившихся к нему судов и граждан, подтвердил высокое положение и определяющую роль именно суда как органа правосудия по разрешению всех вопросов, возникающих при рассмотрении уголовных дел, права участников процесса, и в особенности право обвиняемого и потерпевшего на судебную защиту, и вынес свои решения, признав ряд положений обжалованных статей УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации.

В ряде определений, вынесенных в 2003 г., Конституционный Суд продолжил рассмотрение по жалобам граждан разного рода судебных ситуаций по конкретным уголовным делам, в которых суды общей юрисдикции принимали решения, нарушающие конституционные права граждан, в частности право на получение квалифицированной юридической помощи, или ущемляющие права адвокатов (защитников) на ознакомление со всеми материалами дел в целях обжалования неправомерных действий органов следствия.

Так, Суд вынес определение по жалобе гражданина Г.В. Цицкишвили на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК Российской Федерации от 6 марта 2003 г., согласно которому защитник подозреваемого, обвиняемого не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые ему стали известны в связи с участием в производстве по уголовному делу. В рассматриваемом деле адвокату гр-на Г.В. Цицкишвили было отказано в удовлетворении его ходатайства о допросе его самого в качестве свиде-

теля для подтверждения факта фальсификации следователем материалов уголовного дела. Конституционный Суд истолковал положение пункта 2 части третьей статьи 56 УПК РФ как не исключающей право адвоката быть допрошенным в качестве свидетеля по делу, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Разумеется, адвокат при этом утрачивал статус адвоката (защитника) и становился лишь свидетелем.

Конституционный Суд при этом решил, что суд общей юрисдикции не вправе отказать в даче свидетельских показаний защитникам обвиняемого и подозреваемого при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, ибо противное приводило бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажало бы само существо данного права.

В деле от 12 мая 2003 г. по жалобе гражданина С.В. Коваля рассматривалась другая ситуация, связанная с применением положений ст. 47 и 53 УПК РФ, а именно о праве обвиняемого и его защитника знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании расследования. В данном деле защитнику было отказано в ознакомлении с документами, которые подтверждали законность и обоснованность применения к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу.

Выявив конституционно-правовой смысл п. 12 ч. 4 ст. 47 и п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК Российской Федерации, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что анализируемые положения норм процессуального закона не препятствуют обвиняемым, права и свободы которых затрагиваются судебными решениями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, и их защитникам в ознакомлении с материалами, на основании которых принимаются эти решения.

В определении по жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений УПК Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 5 декабря 2003 г. рассматривался вопрос о том, кто – только адвокат или иное лицо – может быть представителем потерпевшего в уголовном деле и истца в гражданском деле. Конституционный

Суд еще раз проанализировал ст. 48 (ч. 1) Конституции РФ и пришел к выводу о том, что поскольку названная статья Конституции не уточняет, кем именно должна быть обеспечена квалифицированная юридическая помощь нуждающемуся в ней гражданину, это положение нельзя трактовать как обязанность пользоваться помощью только адвоката. Поэтому представителем потерпевшего и гражданского истца могут быть иные – помимо адвокатов – лица, в том числе близкие родственники, о допуске которых ходатайствует потерпевший или гражданский истец.

По сути, в плане углубления и расширения права обвиняемого и его защитника на судебную защиту можно рассматривать и определение по жалобе граждан Б.А. Березовского, Ю.А. Дубова и А.Ш. Патаркацишвили на нарушение их конституционных прав положениями ст. 47, 53, 162 и 195 УПК Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. Защитникам указанных граждан при ознакомлении с постановлением следователя о назначении судебной финансово-экономической экспертизы было отказано в удовлетворении ходатайства о предоставлении данных о наличии у эксперта соответствующей аттестации в целях выяснения его компетентности, с тем чтобы заявить аргументированный отвод эксперту по причине его некомпетентности.

Кроме того, заявителями оспаривалась конституционность ч. 8 ст. 162 УПК РФ, не допускающей ознакомление обвиняемого и его защитника с текстом постановления следователя о продлении срока предварительного следствия с тем, чтобы составить мотивированную жалобу на его решение. Опираясь на ряд вынесенных ранее Конституционным Судом решений по подобным правовым ситуациям, суд и в данном случае пришел к выводу о том, что положения заявленных статей процессуального закона по их конституционному смыслу не препятствуют обвиняемым и их защитникам в ознакомлении с соответствующими решениями по делу и о предоставлении им данных об обстоятельствах, значимых для обжалования этих решений. При этом суд отметил, что выявленный конституционно-правовой смысл рассматриваемых положений является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2004 г. оказался наиболее «урожайным» по количеству дел, рассмотренных Конституционным Судом в отношении норм нового УПК РФ. Это можно объяснить тем, что к этому времени уже мно-

гие граждане и другие субъекты, имеющие право обращения в Конституционный Суд, непосредственно столкнулись с практикой применения норм нового УПК РФ, и, по их мнению, при этом были допущены нарушения их конституционных прав. В течение 2004 г. были приняты по вопросам уголовно-процессуального права одно постановление и 41 определение из числа так называемых «отказных с положительным решением». Часть из них заслуживают быть отмеченными.

29 июня 2004 г. было оглашено постановление по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы, т.е. самих законодателей, которые и принимали настоящий Кодекс.

Депутаты протестовали против приоритета Уголовно-процессуального кодекса РФ перед другими федеральными законами, полагая, что при этом нарушается иерархия нормативных актов разного уровня; в разделении функций обвинения, защиты и разрешения дела они усматривали возможность уклонения соответствующих государственных органов и их должностных лиц от выполнения конституционной обязанности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина; в неудовлетворении судом ходатайств защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если таковое не заявлялось ранее в ходе предварительного расследования, усматривалось ограничение возможности доказывания невиновности обвиняемого; их беспокоила возможность избрания в отношении члена Совета Федерации или депутата Госдумы домашнего ареста в качестве меры пресечения без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания, а также оспаривались другие положения УПК РФ.

По всем рассматриваемым вопросам, кроме одного, Конституционный Суд признал положения УПК РФ не противоречащими Конституции.

Не соответствующим же Конституции было признано положение ч. 4 ст. 234 УПК РФ об отказе в удовлетворении ходатайства защиты о допросе в судебном разбирательстве свидетеля, могущего дать показания, подтверждающие алиби подсудимого, если таковое ходатайство не было заявлено на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Отказ в удовлетворении подобного ходатайства был признан нарушающим право обвиняемого на судебную защиту и потому не соответствующим Конституции РФ.

В определении по жалобе гражданки В.О. Ивкиной на нарушение ее конституционных прав ч. 1 ст. 45 и ст. 405 УПК Российской Федерации от 5 февраля 2004 г. было выявлено, что ей как потерпевшей и гражданскому истцу по уголовному делу было отказано в допуске в качестве ее защитника субъекта, не являющегося адвокатом. При исследовании положения ч. 1 ст. 45 УПК РФ, которым мотивировался отказ Ивкиной в ее ходатайстве, Конституционный Суд истолковал это как ограничение права потерпевшего и гражданского истца свободно выбирать способ защиты, а также как ущемление права на доступ к правосудию, гарантированный ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Суд решил, что «представителем потерпевшего и гражданского истца могут быть адвокаты и иные лица, в том числе близкие родственники, о допуске которых ходатайствует потерпевший или гражданский истец».

Интересным с точки зрения дальнейшего развития теории конституционного судопроизводства, в частности внесения большей ясности в вопросы, связанные с возможностью обращения в Конституционный Суд судов общей и арбитражной юрисдикции, можно назвать определение об отказе в принятии к рассмотрению запроса Центрального районного суда г. Челябинска о проверке конституционности ч. 2 ст. 238 УПК Российской Федерации от 5 февраля 2004 г.

Центральный районный суд г. Челябинска приостановил находившееся на его рассмотрении дело и направил запрос в Конституционный Суд РФ ввиду неконституционности, по его мнению, положений, содержащихся в части второй статьи 238 УПК РФ. Не касаясь тонкостей самой этой нормы УПК РФ, обратим внимание на разъяснения Конституционного Суда, содержащиеся в анализируемом определении относительно правильности соблюдения условий и мотивировки обращения суда общей юрисдикции в Конституционный Суд Российской Федерации. Конституционный Суд еще раз разъяснил свою правовую позицию относительно возможности судов общей юрисдикции разрешить то или иное дело на основе применения им непосредственно норм Конституции Российской Федерации и еще раз на основе конституционного принципа самостоятельности органов судебной власти (статья 10 Конституции РФ) подтвердил возможность суда любого уровня не применять то или иное положение федерального закона, в частности Уголовно-процессуального кодекса РФ, если суд, рассматривая конкретное дело, придет к выводу о неконституционности положения той или

иной нормы федерального закона и напрямую применит сами конституционные нормы в данном деле. Но при этом суд общей юрисдикции должен выполнить некоторые условия.

Так, по мнению Конституционного Суда, суд общей юрисдикции, исходя из презумпции конституционности действующих законодательных норм, во-первых, «не вправе произвольно, немотивированно отказаться от применения» их в конкретном деле, а «обязан дать им оценку и, придя к выводу об их несоответствии Конституции Российской Федерации, привести в решении правовые аргументы в доказательство своей позиции».

Второе условие: суд общей юрисдикции, «принимая решение на основе норм Конституции РФ, обязан обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации с целью признания положений федерального закона не соответствующими Конституции и лишения их юридической силы». Эти свои решения суд общей юрисдикции должен выразить в соответствующем процессуальном документе, принятом судом в установленной законом форме.

Поскольку эти условия не были соблюдены и отражены в запросе Центрального районного суда г. Челябинска, он и не был принят к производству в Конституционном Суде РФ.

В течение 2005 г. Конституционным Судом был принят ряд определений по различным вопросам, регулируемым нормами УПК РФ. Отдельные из них представляют определенный интерес и потому отмечаются в настоящем обзоре. Так, в Определении от 18 января 2005 г. № 26-0 по жалобе гр-на С.Ю. Коновалова на нарушение его конституционных прав отмечалось, что хотя часть пятая статьи 108 УПК РФ предусматривает в случае объявления обвиняемого в международный розыск принятие судебного решения об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого и его защитника (С.Ю. Коновалов был объявлен в международный розыск), а статья 210 УПК РФ не устанавливает обязанности дознавателя, следователя, прокурора и суда уведомить обвиняемого и его защитника о вынесении подобного постановления и не предусматривает вынесения специального процессуального решения по этому поводу, право на судебную защиту, гарантируемое статьей 46 (часть первая) Конституции РФ каждому, не допускает возможности ограничения при этом других прав участника судопроизводства, в частности права на получение помощи защитника при рассмотрении судом вопросов относительно обви-

няемого. Поэтому ни часть пятая статьи 108, ни статьи 172 и 210 УПК Российской Федерации не предполагают право суда первой инстанции рассматривать вопрос о применении к подозреваемому (обвиняемому), объявленному в международный розыск, меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие в судебном заседании его защитника и без предоставления защитнику возможности высказать свою позицию по данному вопросу.

Приведенное определение суда, как и изложенная в нем правовая позиция, еще раз демонстрируют весьма широкий подход суда к трактовке права на судебную защиту и распространение его действия на любого субъекта – участника уголовного судопроизводства, поскольку право на судебную защиту принадлежит каждому и не может быть ограничено, если даже этот «каждый» оказался в положении того или иного участника уголовного судопроизводства.

Практика применения норм нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации порождала проблемные ситуации не только по вопросам реализации отдельных конституционных прав и свобод личности, уточнения и расширения прав и законных интересов тех или иных участников уголовного судопроизводства, но и других граждан, «посторонних» по отношению к непосредственным участникам уголовно-процессуальных отношений, но чьи права и законные интересы также могли пострадать, в частности, при производстве отдельных следственных действий.

Подобная ситуация была предметом рассмотрения в Определении Конституционного Суда от 8 ноября 2005 г. №439-О по поводу проведенного по постановлению следователя обыска в офисе адвокатов, после чего С.В. Бородин, В.Н. Буробин, А.В. Быковский и другие обратились в суд с жалобой на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 УПК РФ, поскольку в их офисе был произведен обыск по постановлению следователя.

Конституционный Суд исследовал правовой режим адвокатской тайны, призванной защищать информацию, полученную адвокатом относительно клиента или других лиц, которая подлежит защите в силу конституционных положений, гарантирующих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), и вытекающую из этого обязанность государства обеспечить ее в законодательстве и правоприменении. Законодательное же регулирование адвокатской тайны и режима ее сохранения осуществлено в специальном Федеральном законе «Об адвокат-

ской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации», где указывается (пункт 3 статьи 8), что проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска в отношении адвокатов, допускается только по специальному судебному решению. Именно такой вывод и получил подтверждение в рассматриваемом определении.

Еще более показательным можно считать Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. по жалобам гр-н П.А. Астахова, С.Д. Замошкина, В.К. Карцевой и Ю.А. Костанова на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 УПК РФ. Данное дело знаменательно тем, что оно расширило понимание права на судебную защиту и восстановление в правах. Все обратившиеся в Суд заявители являлись адвокатами (защитниками), и все они столкнулись с тем, что их ходатайства и жалобы, подаваемые в органы следствия, прокуратуру и суды, безмотивно отклонялись, т.е. безосновательно были проигнорированы или отвергнуты. Конституционный Суд, проанализировав оспариваемые нормативные положения УПК РФ, свои прежние правовые позиции и международно-правовые акты по этому вопросу, пришел к выводу о том, что одной из важных гарантий конституционного права на судебную защиту и восстановление в правах является право обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, в том числе судов, чем предопределяется предоставление заинтересованным лицам возможности исправления судебных ошибок. Отклонение жалоб возможно только после рассмотрения и опровержения доводов, выдвигаемых стороной защиты, не опровергнутые же доводы против обвинительных судебных решений могут толковаться только в пользу обвиняемого, заключил Конституционный Суд.

Обязанность судов по мотивировке судебных решений обусловлена также взаимосвязанными конституционными принципами состязательности, равноправия сторон в судопроизводстве и презумпции невиновности. Гражданин имеет право не только подать в государственные органы власти и местное самоуправление обращение, но и право получить на это обращение адекватный ответ как равноправный субъект в своих отношениях с государством. Ответ органа власти или должностного лица должен содержать «указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности» основания, по которым эти доводы отвергаются.

После такого решения Конституционного Суда РФ положение адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве еще более окрепло, а доводы и аргументы их жалоб и ходатайств стали более весомыми и значимыми.

Проведенный анализ решений Конституционного Суда РФ по вопросам уголовного судопроизводства, и в особенности относительно права личности на судебную защиту, ярко свидетельствует о том, что суд последовательно и неуклонно проводит твердую линию защиты, углубления понимания и обеспечения прав человека и гражданина в уголовном процессе на всех его стадиях и по разным направлениям как в отношении отдельных институтов процессуального права, так и тех или иных следственных и судебных действий. При этом неизменно утверждается главенствующее положение суда как органа правосудия.

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

(Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2012. № 4(64). С. 165–171)

По общему пониманию правоотношение есть общественное отношение, урегулированное нормами права (Юридический энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 357). Это означает, что правоотношение есть часть, срез общественных отношений, которые регулируют отношения между людьми (и их организациями) на основе и посредством правовых норм¹. Подчеркивая, что правоотношения представляют собой отношения между людьми, урегулированные правом, Л.И. Спиридонов, тем не менее, замечал, что из сказанного не следует, что правоотношение всегда порождается и регулируется правом и что правоспособно превратить любую житейско-бытовую связь между людьми в правоотношение. Между людьми существуют сферы взаимоотношений, которые не регулируются нормами права: это отношения дружбы, соседства, интимные отношения между мужчиной и женщиной и т.д.² Чтобы то или иное отношение между людьми потребовало урегулированности правом, оно должно стать регулярным, типичным, многократно повторяющимся и этим приобрести свойство общественного отношения.

У общества появляется потребность закрепить подобного рода сложившееся отношение и оно (общество), а вернее государство как форма самоорганизации общества, закрепляет это сложившееся (или складывающееся) отношение в норме права. Так появляется правоотношение, т.е. общественно желаемое, общественно сложившееся отношение между людьми по тому или иному поводу. Правоотношение, таким образом, является результатом сознательной деятельности людей.

¹ *Проблемы общей теории права и государства: Учебник для юрид. вузов / под общей ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 1999. С. 366.*

² *Спиридонов Л.И. Теория права и государства / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2004. С. 90.*

Это первый момент, на котором следует сфокусировать наше внимание, - в основе всякого правоотношения лежит сознательная деятельность людей, человека. И, забегая вперед, можно уже в самом начале заявить: можно ли, рассуждая о правоотношениях, в том числе и о конституционных отношениях, рассматривая их природу, свойства и признаки и, главное, результаты их проявлений и реализации, не обратить при этом внимание на «творцов» этих правоотношений, на конкретных личностей, живых людей, которые живут и действуют в тех или иных общественных условиях своего существования, в том числе и урегулированных правовыми нормами?

Конечно, в силу множественности участников правоотношений мы обычно называем их обезличенным термином – субъекты правоотношений – и при этом в известной мне литературе, где в той или иной мере рассматривается вопрос о конституционно-правовых отношениях и субъектах этих отношений, практически не встречается упоминаний о личностных свойствах и качествах субъектов этих отношений.

Если общественные отношения в подавляющем большинстве случаев по своей природе безличностны и персональный состав их субъектов не определен (производственные отношения), то «правоотношение всегда возникает между конкретно (даже чаще всего персонально) определенными лицами»¹. К примеру, договор о найме на работу заключается между предприятием (учреждением) в лице его руководителя и конкретным поименно работником.

В правоотношении четко определяется не только состав субъектов, но и их взаимное поведение по отношению друг к другу. Так, при заключении договора купли-продажи продавец обязан там-то и в такой-то срок передать продаваемое, а покупатель обязан в том-то месте, в обусловленном порядке и по заранее договоренной цене оплатить покупаемое и получить его.

Относительно правоотношения в теории права также отмечается, что оно всегда связано с законом или с нормой обычного права, - последнее в настоящее время является крайне редким явлением – и правоотношение, в случае неисполнения его, обеспечивается возможностью государственного принуждения, ибо без принуждения право может оказаться бессильным и поэтому бесполезным.

¹ Спиридонов Л.И. Теория права и государства. СПб.: Фонд «Университет», 2004. С. 91.

При характеристике конституционно-правовых отношений в первую очередь отмечается, что они опосредуют наиболее важные, базовые существенные отношения, относящиеся к устоям общества и государства (отношения собственности, власти, государственного устройства, положения личности и др.)¹. Базирующиеся на соответствующих конституционных установлениях правоотношения подразделяются на общие и конкретные, но поскольку в любом случае они регулируют основополагающие, государствообразующие отношения и в силу верховенства Конституции РФ, конституционно-правовые отношения являются основой всех иных отраслевых правоотношений. Последняя задача зачастую провозглашается, но не всегда и в недолжной мере на практике реализуется.

В дальнейшем остается лишь следить за процессом соответствия норм отраслевого права нормам Конституции, в необходимых случаях обращаясь по этому поводу в Конституционный Суд РФ.

По сложившейся в прежние времена традиции, рассмотрение вопроса о субъектах конституционно-правовых отношений обычно начинается с упоминания в качестве таковых народа, нации, народностей, национальных меньшинств, самой Российской Федерации как государства, ее субъектов, органов государственной власти, начиная с Президента Российской Федерации, палат Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства РФ; депутатов и иных выборных должностных лиц; органов местного самоуправления; общественных объединений, их органов и должностных лиц, и в самом конце этого перечня, который приведен нами далеко не в полном виде, в качестве субъектов конституционно-правовых отношений называются социальные индивиды: граждане, иностранные граждане и лица без гражданства².

Представляется, что в связи с кардинально изменившимся положением личности в отечественном праве вообще и в конституционном праве в особенности, что особенно наглядно демонстрируется в ее отношениях с государством, закрепленном в действующей Конституции РФ, когда утверждение прав и свобод человека, заявленное уже в преамбуле Конституции как одна из ее целей и подтвержденное затем в статье второй Конституции, где человек, его права

¹ Конституционное право Российской Федерации: Учебник // под общ. ред. Н.В. Витрука. М.: Норма, 2010. С. 98.

² Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М.: Издат. объединение «Юнити», 1997. С. 117-118.

и свободы объявляются «высшей ценностью», а государство берет на себя обязанность признавать, соблюдать и защищать и его самого, и его права и свободы, человека следует рассматривать как главного субъекта конституционно-правовых отношений. Следует согласиться с Н.В. Витруком в том, что «слом тоталитаризма, обновление всех сторон жизни российского общества приводят к переориентации юридической науки» в исследовании прав и свобод личности... Основным ориентиром становятся конституционные положения, направляющие на решительный поворот всей политики и практики государства к личности¹.

Человек и гражданин как основные индивидуальные субъекты права находятся с государством в правоотношениях, относящихся к сфере конституционного права, и являются субъектами, приобретающими права и обязанности, вытекающие из конституционных установлений. Данное заявление имеет, пожалуй, большее отношение не непосредственно к самим конституционным правам и обязанностям личности, а к правам и обязанностям, составляющим содержание отраслевых правовых статусов личности.

В то же время и в конституционном праве человек приобретает все большую автономию, становится менее зависимым от государства. Он персонифицировался, индивидуализировался, получил право на неприкосновенность личности и личную тайну, его достоинство охраняется государством. Одновременно автономность личности предъявляет к ней и определенные требования, человек должен обладать еще и способностью самостоятельно принимать решения, реализуя в этом свою волю. Всякое же волевое решение может быть принято на основе и с учетом психологических и интеллектуальных свойств и качеств личности. Поэтому личность, становясь субъектом правоотношений, должна обладать рядом свойств и качеств, наличие которых является неременным основанием и условием реализации ею прав и обязанностей, а также тех свойств и качеств, которые оказываются задействованными в процессе реализации того или иного правоотношения.

Способность вступать в правоотношения, приобретать права и обязанности есть социальное свойство личности, а в нашем случае – юридическое свойство личности. Но личность может реализовывать это свое свойство, имея уже определенные биологические качества. При чем биологическое свойство личности имеет различную юридическую

¹ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 42.

значимость в разного рода правоотношениях. Рассмотрим это на примере такого признака личности всякого человека, как его возраст.

В регулировании имущественных правоотношений индивид приобретает это качество с момента рождения, в уголовно-правовых отношениях – по общему правилу с 16 лет, а в конституционно-правовых отношениях он может осуществлять их в полном объеме с 18 лет, что отмечается в ст. 60 Конституции РФ, специально посвященной этому обстоятельству.

В частности, возраст как одна из важных личностных характеристик субъекта конституционно-правовых отношений упоминается в ряде других конституционных установлений. Так, депутатом Государственной Думы РФ субъект может быть избран с 21 года (ч. I ст. 97 Конституции РФ), судьей федерального суда общей и арбитражной юрисдикции – с 25 лет (ст. 119 Конституции РФ), а Президентом Российской Федерации – с 35 лет (ч. II ст. 81 Конституции РФ).

В Конституции Российской Федерации имеется ряд установлений, в которых одним из существенных условий их исполнения называются другие отдельные свойства и качества (характеристики) субъектов соответствующих правоотношений, возникающих при их реализации. Так, в отношении Президента Российской Федерации в дополнение к уже называвшемуся требованию к его возрасту – «не моложе 35 лет» - предъявляется также требование относительно срока его проживания на территории Российской Федерации («ценз оседлости») – «постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет». Хотя последнее обстоятельство можно лишь с определенной долей натяжки отнести к числу обстоятельств, прямо характеризующих личность Президента, тем не менее, оно характеризует образ жизни человека и в некоторой мере является гарантией от избрания на этот пост человека случайного или недостаточно знающего жизнь и чаяния своего народа-избирателя.

Более развернутые требования Конституция РФ предъявляет к судьям как представителям независимой и самостоятельной ветви государственной власти – власти судебной. Статья 119 Конституции РФ определяет, что судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет. Иными словами, Конституция предъявляет ряд требований к канди-

датам в федеральные судьи, в том числе: наличие у него российского гражданства, уже упоминавшегося возрастного ценза, высшей профессиональной подготовленности и достаточного практического опыта в области юриспруденции. При этом Конституция оставляет открытым вопрос о возможности предъявления к судьям и дополнительных требований.

Иногда Конституция РФ отдает право на указание личностной характеристики на усмотрение самого субъекта права. Так, статья 26 Конституции РФ предоставляет право определять и указывать свою национальную принадлежность «каждому» и при этом еще разъясняет, что никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Нормативное, конституционно значимое значение определения «национальной принадлежности» проявляется в системном единстве с другими конституционными положениями, в частности, с содержащимися в абзаце 1 Преамбулы и в ч. 1 ст. 3 Конституции РФ положениями «О многонациональном народе Российской Федерации как субъекте высшего уровня социально-политической, национально-этнической и социокультурной самоидентификации»¹, как отмечается в одном из комментариев к Конституции РФ. Далее автор комментария этой статьи Конституции РФ, а таковым является Н.С. Бондарь, отмечает, что «в конституционно-правовом аспекте национальная принадлежность принципиально идентифицируется, в том числе по объективным критериям», в числе которых он называет антропоморфные признаки, язык, психический склад, культурный архетип, образ жизни и т.п., и что при необходимости подобного рода признаки человека могут быть оценены в судебном порядке². Так, вопрос о национальной принадлежности человека в случае спора может стать предметом судебного разбирательства, и для разрешения его требуется значительный комплекс знаний о свойствах и качествах личности этого субъекта, в том числе о его психическом складе и образе жизни, что само по себе является не таким уж однозначно понимаемым явлением.

Если в конституционно-правовом смысле вопрос об установлении национальной принадлежности субъекта возникает и рассматривается весьма в редких случаях, то в других юридических науках,

¹ *Комментарий к Конституции Российской Федерации* / под ред. В.Д. Зорькина и Л.В. Лазарева. М.: Эксмо, 2009. С. 251.

² Там же. С. 252.

и в особенности в криминалистике, определение национальной принадлежности субъекта, подозреваемого в совершении преступления, нередко играет далеко не последнюю роль в установлении его личности, является одним из оснований построения розыскных и следственных версий, определяет подбор фигурантов, в числе которых предъявляется подозреваемое лицо при организации и проведении предъявления для опознания, учитывается при построении тактики допроса подозреваемого и при решении других вопросов процесса расследования.

В анализируемой статье Конституции РФ также говорится о праве каждого на пользование родным языком и о праве на свободный выбор языка общения. Названное конституционное право «каждого» приобретает особо важное значение в уголовном судопроизводстве, порождая обязанность органов следствия и суда наделять участников судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется производство по уголовному делу, такими процессуальными правами, как делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать на суде на родном языке или другом языке, которым он владеет, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Наиболее развернутый перечень сведений, которые могут быть отнесены к характеризующим личность субъекта конституционно-правовым отношениям, называется в ст. 19 Конституции РФ, утверждающей важнейший всеобщий правовой принцип – принцип равенства всех перед законом и судом. Называемые в части второй этой статьи Конституции конкретные сведения относятся к различным сторонам личности: физиологической, этнокультурной, социально-политической, имущественной, и, как нами давно и по другому поводу замечено, во всех случаях, когда законодатель применяет перечневой метод при описании отдельных свойств и характеристик личности, он заканчивает его традиционной концовкой – «а также другие обстоятельства». Аналогичного рода запись имеется и в ч. II ст. 19 Конституции РФ. Это означает не что иное, как то, что в конкретной ситуации, при рассмотрении того или иного дела, где возникает вопрос о равенстве перед судом представителей сторон, могут быть приняты во внимание не только те обстоятельства или конкретные сведения, которые указаны в этой норме Конституции,

но и иные обстоятельства, которые будут иметь значение при разрешении рассматриваемого вопроса. Вторым предложением этой части анализируемой статьи еще более усиливается заряд предложения о гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина, а именно запретом любых форм ограничения прав и свобод в зависимости от названных ранее конкретных признаков личности, но уже называемых в виде обобщенных понятий.

По сути дела, второе предложение в этой части статьи 19 Конституции можно даже считать излишним, поскольку гарантированность государством равенства прав и свобод включает в себя и запрет на любые формы их ограничения.

С такой же оценкой можно было бы подойти и к ч. III ст. 19 Конституции РФ о равенстве в правах и свободах мужчин и женщин, поскольку об этом уже было заявлено в предыдущей части этой же статьи. Но в части третьей статьи 19 Конституции провозглашается еще и тезис о равных возможностях в реализации прав и свобод мужчин и женщин, и эти возможности должно предоставлять государство.

По окончании текстуального анализа статьи 19 Конституции РФ следует заметить, что называемые в ней сведения о конкретных свойствах и признаках личности приводятся как бы для иллюстрации общего положения о равенстве всех перед законом и судом, для конкретизации названного принципиального положения и как бы в отрицательном смысле: несмотря на такие-то и такие-то свойства и обстоятельства, всякая личность предстает равной со всякой другой личностью перед законом и судом. Но в ситуации, если подобный вопрос станет предметом судебного разбирательства, потребуются действительное знание о тех признаках и свойствах личности каждого субъекта права, в отношении которых этот вопрос разрешается. И в этом случае отрицательная направленность сведений о личности сменится на положительную и потребуются действительно взвешивать ту или иную информацию о свойствах и признаках личности конкретных субъектов. Потребуется устанавливать и доказывать наличие тех или иных признаков уже не в отрицательном, а в положительном смысле.

Перечень конкретных свойств и признаков личности, называемых в ст. 19 Конституции РФ, послужит ориентиром в установлении других свойств и признаков личности как субъектов тех или иных конституционно-правовых отношений.

Даже проанализированные выше указания статей Конституции РФ относительно знания и учета конкретных свойств и качеств личности как субъекта конституционно-правовых отношений показывают, что на повестку дня современных конституционно-правовых исследований выдвигается заслуживающая внимания проблема определения предмета изучения личности в конституционном судебном процессе с вытекающими из этого последствиями в виде разработки способов получения такой информации, ее фиксации в процессуальных документах судопроизводства с последующей ее оценкой и использованием при разрешении того или иного конституционно значимого вопроса.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

(Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 361. С. 100–103)

Как известно, Конституция Российской Федерации составляет основу всей правовой системы Российской Федерации, поскольку ее положения имеют высшую юридическую силу, прямое действие и применяются на всей территории страны (ч. 1 ст. 16 Конституции РФ). Положения и нормы отраслевого законодательства по своему духу, направленности, формам реакции и механизмам их исполнения должны соответствовать Конституции, что в случае сомнения подтверждается или опровергается соответствующим решением Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционные положения, таким образом, являются определяющими по отношению к любому отраслевому законодательству. «Конституция – это основа и государственной, и общественной жизни, т.е. всех отношений, которые в обществе регулируются правом... Конституция – это ключ ко всей системе права»¹. Здесь можно было бы продолжить мысль автора данного высказывания и заявить, что Конституция – это не только ключ ко всей системе права, но и ко всем нормам всех отраслей права. Во всяком случае, конституционные положения являются определяющими по отношению к любому отраслевому законодательству.

Относительно норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в самом тексте Конституции РФ имеется достаточное число положений (статей), в которых содержатся принципиальные моменты, связанные с вопросами охраны прав и свобод личности нормами уголовного и уголовно-процессуального права. Так, в гл. 2 Конституции непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу имеют положения, закрепленные в ст. 20–25, 45–54, а в гл. 7 Конституции – в ст. 118–123. В особенности для нас важны положения, изложенные в гл. 2 Конституции, поскольку они составляют основы правового статуса личности в Российской Феде-

¹ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М.: Норма, 2008. С. 511–512.

рации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией (ст. 64 Конституции РФ), т.е. в особом порядке, который установлен в самой Конституции относительно ее глав 1, 2, 9.

В структуре ныне действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) преступления против личности, ее прав и свобод или, как говорят представители науки уголовного права, составы преступлений, т.е. описания конкретных уголовно наказуемых деяний с их традиционными 4-членными элементами: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, – занимают значительное место. По нашим подсчетам, они представлены в виде 53 составов преступлений, а соответственно и статей УК РФ, соединенных в соответствующие главы этого Кодекса. Это гл. 16, 17, 18, 19 и 20, объединенные затем в раздел VII УК РФ, который так и называется – «Преступления против личности».

В уголовно-правовой литературе высказываются различные суждения даже относительно самого названия этого раздела. Так, автор достаточно обстоятельной монографии, посвященной уголовно-правовой охране прав и свобод человека в России, А.Н. Красиков полагает, что этот раздел УК РФ следовало бы назвать «Преступления против прав и свобод человека и гражданина»¹. При этом он ссылается на ч. 2 ст. 1 Декларации прав и свобод человека и гражданина в РСФСР от 22 ноября 1991 г. (документ в последние годы у нас редко упоминаемый и цитируемый) и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров перед внутригосударственными правоустановлениями. Не смущает автора и то, что название гл. 19 анализируемого им УК РФ почти дословно совпадает с предлагаемым им названием всего этого раздела Уголовного кодекса: «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Конечно, в последнем случае ключевым является, пожалуй, слово «конституционных» (прав и свобод), где речь идет об ответственности в основном за преступления против политических прав и свобод граждан России. Но в любом случае мы усматриваем некую излишнюю терминологическую свободу у названного автора.

Другой автор, К.К. Панько, в статье, посвященной защите чести и достоинства личности в уголовном праве, останавливает свое внимание при этом лишь на ст. 129 и 130 УК РФ, где говорится об уго-

¹ Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. С. 5.

ловной ответственности за клевету и оскорбление¹. Охрана или восстановление уголовно-правовым методом отдельных прав и свобод личности, нарушенных совершаемыми конкретными преступлениями, есть чисто уголовно-правовая материя. В рамках уголовно-правовой доктрины она исследована достаточно обстоятельно и всесторонне. Если взять, к примеру, такой состав преступления, как убийство, то по нему написаны десятки монографий и других более мелкого калибра работ. По этой теме заметный след в науке оставили такие авторы, как Н.И. Загородников, Б.С. Утевский, М.Д. Шаргородский, С.В. Бородин, Н.А. Беляев, а еще раньше Н.С. Таганцев, А.А. Жижиленко и др.

При этом названные авторы исследовали не только вопросы, имеющие непосредственное отношение к убийству как уголовно-правовому составу преступления, но и как бы попутно и при этом достаточно глубоко писали о таких более общего характера вопросах, как, например, что такое жизнь и что такое смерть; что считать моментом появления жизни – начало родов или их окончание; по каким признакам следует различать убийство, самоубийство и доведение или понуждение к самоубийству. Вслед за медиками и биологами юристы вынуждены вникать в тонкости различения таких понятий, как живорождение и мертворождение. Причем заметим, что обращение к подобным тонкостям проблемы не есть досужие рассуждения отдельных ученых или игра их ума. Эти понятия рассматриваются в нормативных актах авторитетных международных организаций и, как следствие, в нормативных актах наших медицинских ведомств. В проблему оказываются втянутыми не только биологи, медики и юристы, по ним высказываются богословы различных конфессий, философы и этики.

Споры в теории уголовного права о том, какой момент следует считать началом жизни, а по этому вопросу нам известны высказывания Б.В. Утевского, А.А. Пионтковского, Ш.С. Рашковской и М.Д. Шаргородского, получили разрешение в Приказе Минздрава Российской Федерации и Постановлении Государственного комитета Российской Федерации по статистике от 4 декабря 1992 г. «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения». На основе названного документа ВОЗ в нашей стране разработана и действует

¹ *Панько К.К.* Защита чести и достоинства личности в уголовном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2007. № 2(3). С. 295.

Инструкция Минздрава РФ «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода».

Казалось бы, документ такого уровня, как инструкция, да еще и неюридического ведомства, может быть проигнорирован правоведами, но по вопросам, близко примыкающим к изложенным в названной Инструкции, имеется Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 1992 г. «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы»¹. И здесь уже юристам невозможно просто отмахнуться от вышеназванных вопросов.

Не менее сложным, чем вопрос о моменте начала жизни человека, является и вопрос определения момента его смерти. Ясность в этот вопрос вносит Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», согласно ст. 9 которого момент смерти человека в нашей стране увязывается с констатацией необратимой гибели всего головного мозга, что осуществляется в соответствии с процедурой, утвержденной соответствующей Инструкцией Министерства здравоохранения России от 10 августа 1993 г.

В числе других вопросов, примыкающих к рассматриваемому, следует упомянуть еще один достаточно актуальный в последнее время и заслуживающий специального рассмотрения – вопрос об эвтаназии (в переводе с греческого – легкая, безболезненная смерть).

При этом нельзя не высказать сожаления по поводу того, что ряд таких важных социально-правовых вопросов решается порой не в законах, а в ведомственных инструкциях, что чревато порождением конфликтных ситуаций и другого рода недоразумений, вроде запрета операций по пересадке органов человека и т.п.

Все ранее сказанное о жизни и смерти человека нам потребовалось для того, чтобы показать, какие подводные камни могут ожидать всякого, кто ненароком или специально займется проблемой охраны прав и свобод личности, в том числе и в конституционно-правовом ее преломлении. Здесь возникают вопросы как общетеоретического характера, так и применительно к охране отдельных прав и свобод человека. Одним из таких конкретных конституционно-закрепленных и, возможно, наиболее важных для всякого человека правом является право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ). Первые упоминание об этом праве появилось еще в тексте Конституции РСФСР 1978 г., а затем в Конституции, изданной в июне 1992 г. по-

¹ *Права человека в России – международное измерение*. М., 1995. Вып. 1. С. 84.

сле поправок, внесенных VI Съездом народных депутатов Российской Федерации 21 апреля 1992 г.¹ Кстати, тогда же специальным постановлением Съезда после многочисленных голосований было принято и новое название нашего государства – Российская Федерация – Россия, зафиксированное ныне в ч. II ст. 1 действующей Конституции с указанием на то, что эти наименования равнозначны.

Интересно посмотреть даже на титульный лист названного издания Конституции, который вызывает, с точки зрения конституционалиста, возможно, и не такие уж важные в теоретическом плане, но достаточно показательные ассоциации. Так, в названии Конституции по установившейся в советском государствоведении традиции еще сохраняется двойное наименование этого документа – «Конституция (Основной закон)», приводится здесь же на титульном листе этого издания и полное наименование нашего государства – «Российская Федерация – Россия».

Закрепление на конституционном уровне права на жизнь как права каждого человека явилось логическим продолжением воспринятой тогда и разделяемой по настоящее время Российским государством естественно-правовой доктрины происхождения прав и свобод человека и гражданина. Статья 32 тогдашней Конституции утверждала прямо и недвусмысленно, что «права и свободы человека принадлежат ему от рождения», и это почти дословно, но в более благозвучной и несколько более расширенной формулировке, с добавлением указания на неотчуждаемость этих прав и свобод повторено и в ныне действующей Конституции Российской Федерации: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. II ст. 17 Конституции РФ).

Право человека на жизнь, таким образом, теорией естественного права рассматривается как прирожденное, а не как дарованное (октроированное) ему кем-либо. Имеется в виду при этом, в первую очередь, как дарованное государством. Другое дело, что государство в любом случае обязано защищать и охранять это право человека, что оно и делало и делало ранее, в первую очередь уголовно-правовым методом, т.е. методом уголовного наказания за различные виды (способы) лишения жизни человека. В этом легко убедиться, ознакомившись со ст. 21 гл. 16 нынешнего Уголовного кодекса Российской Федерации. Специалисты

¹ Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России. М.: Известия, 1992.

уголовного права при этом отмечают, что эта глава нынешнего УК РФ пополнилась ст. 106, предусматривающей уголовную ответственность матери за убийство новорожденного ребенка, что толкуется ими как несколько иное, нежели «детоубийство», понятие, встречающееся в уголовно-правовой литературе¹.

Убийство матерью новорожденного ребенка относится к числу так называемых привилегированных составов убийств, признаки которого отмечены в формулировке ст. 106 УК РФ в виде трех обстоятельств объективной стороны данного преступления: убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов; убийство, совершенное матерью в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости; убийство новорожденного ребенка матерью в условиях психотравмирующей ситуации.

Чтобы показать, что у нас в юриспруденции при решении почти всякого, с точки зрения неспециалиста, пустякового вопроса возникают совсем не пустяковые по своим правовым последствиям рассуждения и предложения, назову одно, имеющее прямое отношение к рассматриваемому составу преступления, – это понятие новорожденности ребенка. Так вот, в педиатрии (наука о детских болезнях, методах их лечения и предупреждения) длительность новорожденности признается равной одному месяцу, в акушерстве – одной неделе, а в судебной медицине – одним суткам².

Однако для нас важнее другое. Скажем, вопрос об объекте преступления при совершении убийства. Конечно, убийство есть умышленное, противоправное лишение жизни другого человека. Но в литературе встречаются и несколько иные определения объекта посягательства при убийстве. Так, С.В. Бородин полагает, что «объектом убийства является жизнь человека, но вместе с тем при совершении этого преступления нарушаются общественные отношения, господствующие в обществе, так как жизнь человека – понятие социальное, и его нельзя сводить только к биологическому процессу»³. Здесь мы видим перевод объекта конкретного преступления с отраслевого правового уровня на более высокий, уровень общественных отношений, регулирование которых осуществляется по несколько иным понятиям и представлениям, нежели уголовно-правовые отношения.

¹ Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. С. 43.

² Вермель И.Г. Сложные вопросы судебной медицины. Свердловск, 1989. С. 31.

³ Новое уголовное право России: учеб. пособие. М.: Зерцало ТЕИС, 1996. С. 29.

В итоге получается, что если в свете новых представлений посмотреть на понимание объекта убийства с позиций конституционного права, то непосредственным объектом преступления при убийстве является даже не сама жизнь конкретного человека как таковая, а право человека на жизнь.

Это более широкое представление об объекте рассматриваемого преступления, и оно в большей мере является понятием даже не уголовно-правовым, а конституционно-правовым, т.е. поднимается с уровня отраслевого уголовно-правового понятия на уровень конституционно-правовой. Ибо, как явствует из определения С.В. Бородина и вытекает из общественно-правового и философского представления о сущности человека и ценности его жизни, жизнь человека – это, действительно, далеко не только биологические и психофизиологические процессы. Она протекает в человеческом обществе, где определяющими являются общественные отношения, а применительно к праву и правовой деятельности – правовые отношения, определяющими из коих, как мы смеем утверждать, являются конституционно-правовые отношения.

Основанием для такого утверждения является провозглашение Конституции Основным законом государства. Но еще более важным при этом является утверждение и включение его в качестве неременного элемента правосознания, в первую очередь, всех юристов, а затем и граждан страны с последующей реализацией в практической деятельности властных структур общества, государства. Достижение подобного положения является подлинно актуальной и всеобщей задачей российского общества.

Поэтому для нас более ценным будет конституционное утверждение более общего характера относительно прав и свобод человека и гражданина о том, что «они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции РФ). Возможно, безусловное и повсеместное исполнение данного положения Конституции – это вряд ли достижимый идеал, но стремление к нему уже будет служить ориентиром и верхней планкой наших усилий и по построению правового государства, и по реализации на деле, в жизни прав и свобод человека.

Рассматривая право на жизнь человека в его конституционно-правовом преломлении, нельзя не упомянуть вопрос о смертной

казни как возможной мере уголовно-правового наказания, тем более что Конституция РФ говорит об этом в той же ст. 20. Получается, что право на жизнь и возможность лишения жизни человека по воле государства составляют содержание одной и той же статьи Конституции.

За все годы действия Конституции Российской Федерации 1993 г. вокруг вопроса о смертной казни сломано немало копий, и все юристы страны, а вслед за ними и российский народ как бы разделились на два неравных лагеря: меньшая часть выступает за ее безусловную отмену, в то время как большая часть и юристов, и в особенности «простого народа» выступают за применение смертной казни в судебной практике России. Европейская общественность правомерно требует от России присоединения к шестому Протоколу Конвенции о правах человека – такое обязательство Россия брала на себя при вступлении в Совет Европы; в то же время мы полагаем, что сделать это невозможно, пока существует соответствующая запись в действующей Конституции Российской Федерации. И никаким федеральным законом отменить возможность применения смертной казни у нас при существующей правовой коллизии нельзя!

Другой конституционно-правовой категорией, имеющей определенное обобщающее значение при рассмотрении правовых основ охраны прав и свобод личности в уголовном праве, является называемое в ч. I ст. 21 нашей Конституции «достоинство личности». Это обобщенное понятие чаще всего рассматривается как этическая категория, означающая особое осознанное моральное отношение человека к самому себе и такое же отношение к нему со стороны общества. Однако употребление этой категории в тексте Конституции РФ, можно сказать, автоматически переводит ее из категории этической в категорию правовую, причем конституционно-правовую. Согласно ч. I ст. 21 Конституции РФ достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Названные положения Конституции РФ тесно примыкают к положениям ее ст. 20 – о праве человека на жизнь – и в своей взаимосвязи «выражают государственно-правовое признание социальной ценности человека как биосоциального существа в единстве его психофизических и духовно-культурных качеств и свойств и выступают тем самым закономерной субъективно-личностной конкретизацией одной из основ конституционного строя

Российской Федерации, выраженной в статье 2 Конституции»¹. Можно лишь согласиться и присоединиться к сказанному А. Джагаряном, подчеркнув еще раз, что подобное приведенной формулировке понимание достоинства личности следует наполнить, может быть, более приземленным, конкретным содержанием, в особенности в том случае, когда речь идет об уголовно-правовой материи, где всегда в качестве субъекта преступления выступает индивидуально обособленный субъект с неперменным установлением его тождественности, т.е. соответствия самому себе.

Сама Конституция РФ в ч. II той же ст. 21 как бы указывает, в чем могут проявляться крайние формы нарушения достоинства личности: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Допущение подобных форм нарушения достоинства личности при условии их доказанности – прямой предмет для уголовно-правового реагирования на них.

По вопросу о соотношении Конституции РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) в качестве общего вывода может быть отмечена тесная связь и в ряде случаев даже текстовая идентичность этих положений, причем это относится к положениям, носящим принципиальный характер для уголовного судопроизводства.

Уже в ч. I ст. 1 УПК РФ заявляется, что порядок уголовного судопроизводства, устанавливаемый настоящим кодексом, основан на Конституции Российской Федерации, а само уголовное судопроизводство имеет назначением как защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Другими словами, назначение справедливого наказания виновным и отказ от уголовного преследования невиновных как две равнозначные задачи определяют смысл и предназначение всего уголовного судопроизводства.

При этом охрана прав и свобод человека и гражданина выдвигается как один из принципов уголовного судопроизводства, а если лицу в результате нарушения его прав и свобод судом или должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, был

¹ Джагарян А. Достоинство личности как глобальная ценность в русской конституционной среде: взаимные права, обязанности и ответственность человека, народа, государства // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4. С. 9.

причинен вред, он подлежит возмещению. Последнее положение почти дословно повторяет ст. 53 Конституции РФ.

Аналогичного характера «перекличку» можно обнаружить при изучении ст. 10 «Неприкосновенность личности» УПК РФ и ст. 22 Конституции РФ; ст. 12 «Неприкосновенность жилища» УПК РФ и ст. 25 Конституции РФ; ст. 13 «Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» УПК РФ и ст. 23 Конституции РФ.

В ряде принципиального характера вопросов формулировки УПК РФ «идут дальше» формулировок соответствующих статей Конституции, поскольку закрепленные в них положения имеют определяющее значение для уголовного судопроизводства, и потому требуется большая их детализация. Так, ст. 14 УПК РФ, посвященная презумпции невиновности, не только провозглашает один из элементов этого института, гласящий, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, но значительно углубляет этот момент тем, что опровержение доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Это, в частности, предоставляет защитнику обвиняемого определенную «свободу» в приведении доводов и суждений в опровержение предъявленного его подзащитному обвинения, порой не заботясь об истинности своих доводов, поскольку их опровержение лежит на стороне обвинения.

Аналогичную картину можно заметить в ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон» и ч. III ст. 123 Конституции РФ; в ст. 16 УПК РФ «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту» и ст. 48 Конституции РФ.

В целом можно отметить, что Конституция РФ 1993 г. содержит значительное число положений, которые с полным основанием можно назвать процессуальными, что в известной мере расширяет и укрепляет конституционно-правовые основы отечественного уголовного судопроизводства.

В заключение можно констатировать, что действующая ныне Конституция Российской Федерации содержит в себе достаточное число положений, которые подводят базу для реакции государства и на совершаемые уголовно наказуемые деяния (нормы материального права), и на их надлежащее процедурное разрешение (нормы процессуального права), чтобы в конечном счете были соблюдены соответствующие права и свободы личности и обеспечено справедливое возмездие каждому совершившему подобного рода преступление.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ И КРИМИНОЛОГИИ

*(Вестник Томского государственного университета.
2014. № 384. С. 148–152)*

Познание человека, проблема человеческой личности издавна являлась и является одной из актуальных проблем науки, в особенности таких ее отраслей, как философия, медицина, психология, история, правоведение. Трудности в познании человеческой личности обусловлены как сложностью мироустройства этого объекта познания, так и тем, что человек при этом стремится познать себе подобного, по существу, самого себя, что, конечно, непросто. Непросто при этом соблюсти личную отстраненность от объекта познания и одновременно обеспечить объективность познания; достаточно сложным является также стремление охватить личность того или иного человека во всей ее многомерности с тем, чтобы обеспечить в итоге целостное представление о ней.

В юридических науках криминального цикла интерес к личности объясняется тем, что человек выступает в них как автор, «творец» всех противоправных деяний, и потому проблема познания личности через изучение совершенного ею, проблема воздействия на личность с целью невозможности совершения ею аналогичных деяний в будущем является определяющей для самого предмета той или иной из этих наук.

Так, в уголовном праве учение о субъекте преступления определяет, имеется ли объект для действия его (уголовного права) институтов, является ли этот объект воздействия надлежащим, соответствующим его необходимым и достаточным признакам или же применение институтов уголовного права к данному субъекту является беспредметным с самого начала.

В уголовном процессе, призванном по самой своей природе обеспечивать реализацию норм материального уголовного права, встает задача не только определить параметры предмета изучения личности обвиняемого, но и обеспечить его установление в объеме,

необходимом и достаточном для решения всех возникающих правовых вопросов по тому или иному уголовному делу.

В криминалистике личность субъекта, совершившего преступление, устанавливается через познание ее отдельных свойств и качеств, получающих отражение в следах преступления, с тем, чтобы затем использовать эти знания в качестве средств воздействия на данную личность при производстве следственных действий.

В юридической психологии поиск наилучших способов воздействия на личность обвиняемого идет через изучение его психологических свойств.

В криминологии личность преступника является одним из основных компонентов самого предмета данной науки с вытекающими из этого следствиями по ее изучению.

В уголовно-исполнительном праве, одной из основных задач которого является достижение целей наказания, выполнение данной задачи невозможно без «переделывания» личности осужденного.

При изучении личности субъекта, совершившего преступление, трудности возникают уже при избрании самого термина, которым можно обозначить объект нашего познания. Эти трудности могут быть сведены к двум моментам: трудности фактического изучения личности субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности, и трудности юридического оформления процесса этого изучения.

По существу, на протяжении всего периода интереса к личности преступника изучается одно и то же лицо, а именно тот, кто совершил противоправное, уголовно наказуемое деяние. На первый взгляд кажется, что здесь все ясно. Но это только на первый взгляд. В действительности же в абсолютном большинстве случаев на начальном этапе производства по уголовному делу нередко не только достоверно не известно, кто же именно совершил это противоправное деяние, но даже то, имело ли место в действительности само это деяние и насколько оно противоправно.

Для нашего исследования важно то, что при этом оценивается не только деяние, но и сама личность виновного. Все установленное о личности преступника до момента постановления приговора реализуется (должно реализовываться) в данном итоговом документе уголовного судопроизводства по конкретному делу.

Однако на этапе расследования преступления, судебного разбирательства уголовного дела и исполнения приговора субъект, совершивший преступление, носит разные наименования, за которыми

стоят весьма существенные правовые различия его статуса: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, и лишь после вступления приговора в законную силу осужденный «полноправно» может быть назван преступником. Различия правового статуса названных процессуальных фигур являются предметом исследования уголовного процесса. В криминалистике же традиционно сложилось так, что, изучая различного рода следы как результат отражения пребывания или действий субъекта на том или ином месте, в той или иной обстановке, этого субъекта называют преступником, хотя, конечно же, в процессуальном смысле это не преступник, а подозреваемый или обвиняемый.

Понятие личности преступника следует рассматривать как частный случай общеправового и правового понимания личности. Поэтому представляется целесообразным и необходимым прежде чем подойти к разработке понятия личности преступника рассмотреть общеправовые методологические основы понимания личности человека. В общеправовом смысле под личностью обычно понимается конкретный человеческий индивид, выступающий субъектом социальных отношений и сознательной созидательной деятельности, при этом личность рассматривается также в качестве устойчивой системы социальных черт, характеризующих индивида как члена общества. Одновременно личность может быть представлена и как интегральное социальное качество человека, формируемое у него в процессе его участия во всей совокупности общественных отношений.

В любом определении понятия «личность», которых в настоящее время насчитывается не один десяток, подчеркивается, что личность — это социальный срез человека, совокупность его социально значимых качеств и свойств. Понятие «личность» никогда не отделялось от понятия «человек», но в отличие от понятия «личность» в понятие «человек», помимо социальных качеств и свойств индивида, включается его биологическая, «телесная» основа¹. Причем если социальные качества индивида относят обычно к сущности личности, то его биологические свойства — к природе человека, и на этом основании утверждается, что природа человека и его сущность не тождественные понятия, а сведение сущности человека к социальному не отрицает совсем его биологи-

¹ *Краткий словарь современных понятий и терминов.* 2-е изд. М.: Республика, 1995. С. 226.

ческого начала¹. Более того, в литературе встречаются утверждения, что и личность не является чисто социальным феноменом, «в личности любого человека проявляется в какой-то мере и биологическая, а не только общественная природа человека»².

Из сказанного можно заключить, что между понятиями «человек» и «личность» нет непреодолимой стены или пропасти, как и настолько существенного различия, чтобы можно было, рассматривая одно из них, совершенно абстрагироваться от другого. В тех случаях, когда это делается, это делается в целях более глубокого исследования той или иной стороны, той или иной совокупности качеств и свойств этого единого по сути объекта исследования, каковым является человеческая личность.

Можно заметить, что в познании человеческой личности наблюдается действие двух, на первый взгляд, взаимоисключающих, но на самом деле взаимосвязанных и взаимодополняющих процессов – дифференциации и интеграции знаний. Процесс дифференциации приводит к дроблению предмета исследования, что позволяет осуществлять более глубокое и целенаправленное исследование и ведет к появлению новых направлений в исследовании личности, а процесс интеграции позволяет синтезировать знания об этом объекте и на этой основе отыскивать не только новые методы познания, но и новые способы и приемы воздействия на человеческую личность.

Оба названных процесса в познании человеческой личности идут постоянно, что не только углубляет наше познание ее отдельных качеств и свойств, но и обогащает наше знание о личности в целом как едином объекте познания.

В наше время в силу отсутствия какой-либо идеологической заданности в подходах к изучению человеческой личности следует смелее исходить из того, что носителем качеств и человека, и личности выступает один и тот же субъект. Говоря образно, социальные свойства, характеризующие конкретную личность, могут быть «нанизаны» лишь на человеческую, телесную субстанцию единого же субъекта. Конечно, определяющими в формировании личности выступают общественные отношения и ее микросреда, что ведет к появлению определенного социального типа личности, но одновременно личность как конкретный индивид пред-

¹ Архангельский Л.М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974. С. 45.

² Сычев Ю.В. Микросреда и личность. Философские и социальные аспекты. М.: Мысль, 1974. С. 18.

ставляет собой субъект, у которого социальные свойства выражаются в индивидуально своеобразной форме, равно как и по-разному проявляются вовне.

С позиций современной науки в подходе к понятию личности весьма плодотворными и перспективными для целей нашего исследования могут быть признаны системный подход и рассмотрение деятельности личности с позиций ее социальных ролей. Социальная роль определяется обычно как функция, нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию.

Категория социальных ролей и ролевых ожиданий может служить методологическим ключом к социологическому пониманию и изучению личности. Личность в социологии изучается как звено определенной общественной системы, а это значит, что понимание и знание законов развития общества являются необходимым условием правильного понимания самой личности. Деятельность личности определяется в первую очередь ее местом в системе общественных отношений.

Место же личности в системе общественных отношений определяется вхождением ее в различные социальные общности, структурные подразделения общества (класс, нация, социальная группа и т.п.). Факт вхождения личности в ту или иную социальную общность создает определенную позицию (положение, статус) личности, которая требует определенного поведения, предписываемого данной позицией. Это и есть социальная роль личности. Объективно, таким образом, положение личности в обществе можно представить в виде совокупности позиций и вытекающих из них ролей как «ожидаемого» поведения по реализации той или иной позиции. В зависимости от того, какой областью отношений (политической, нравственной, правовой, религиозной) регулируется та или иная сфера человеческой жизни, содержание статуса будет регулироваться нормами данной области отношений. Эти отношения могут быть выражены как в форме писаных законов, так и в форме обычаев, правил, традиций, установлений, принятых в обществе в целом или в отдельной местности. Нормы, содержание права и обязанности обрисовывают главные контуры соответствующей роли личности. Они не зависят от данного индивида, а являются внешними требованиями для него, исходят от общества или социальной группы.

Содержание всякого статуса личности может быть выражено совокупностью прав и обязанностей, которые очертят границы, пределы действия данного статуса, его предмет. Это вовсе не означает,

что права и обязанности должны быть зафиксированы лишь в нормах права. В нормах права закрепляются обычно права и обязанности, регулирующие наиболее важные с точки зрения государства и общества статусы личности. Причем различаются единый правовой статус гражданина государства и правовой статус граждан, являющихся членами той или иной социальной группы (рабочий, фермер, ученый, солдат, студент, пенсионер и т.д.).

Уже фактом своего рождения человек приобретает ряд статусов: принадлежность к тому или иному классу, нации, семье, социальной группе и т.д. Причем эти статусы он как бы получает в наследство от родителей. По мере развития личности, проявления ею свойств и социальной активности число конкретных статусов увеличивается. В то же время личность может иметь некоторые статусы, но не принимать участия в их исполнении, не проявлять себя в них, не реализовывать их.

Выразив в правах и обязанностях свои требования к той или иной роли, общество вправе ожидать их исполнения. Это так называемые ролевые ожидания, т.е. «ожидаемое» исполнение роли. Следует заметить, что ролевое ожидание определяется не только описанием параметров роли, но в некоторой степени и предшествующим поведением, исполнением ее данным субъектом. Ролевое ожидание выступает по отношению к личности как требование среды и не зависит от сознания отдельного лица. Они (требования) являются внешним, объективным по отношению к личности.

Наиболее важным моментом в теории ролей является исполнение роли, реализация ее в конкретных формах поведения. Было бы недопустимым упрощением представлять реализацию статусов как какой-то механический процесс исполнения личностью различных ролей в зависимости от той или иной ситуации или времени. Исполнение ролей – сложный диалектический процесс.

Первый момент, который имеет, пожалуй, решающее значение для процесса исполнения социальной роли, – это внутреннее усвоение ее личностью, выработка к ней отношения и определение путей реализации, т.е. то, что получило название процесса интернализации роли. Интернализированная роль является итогом взаимодействия индивидуально-психологических особенностей личности (характера, темперамента и т.д.) и ее интересов, установок, ценностных ориентаций. После этого с учетом своих оценок личность приступает к практической реализации роли.

Любая личность не может существовать в обществе, не исполняя в каждый момент социальной роли, причем, как правило, личность одновременно реализует не одну, а несколько ролей. При этом нередко создаются ролевые конфликты (несовместимые ожидания), которые могут носить как межролевой, так и внутриролевой характер. Это второй момент, влияющий на исполнение роли.

Средством проявления социальной роли личности, выражения ее вовне, реализации является человеческая деятельность. Личность не имеет другой возможности проявить свои отношения, кроме как выразить их в различных актах своего поведения¹.

Реализация социальной роли требует от личности активной деятельности. По своей сути социальная роль не может быть выполненной, «сыграной», если она не будет выражена в том или ином виде социальной деятельности. Поэтому деятельность по исполнению социальной роли по праву может быть названа динамическим аспектом социального положения личности. Совершаемые действия ни в коем случае не являются ответной реакцией на внешнее воздействие по формуле «стимул – реакция», это результат деятельности сознания, они осуществляются с учетом установок, убеждений и оценок личности, т.е. все виды деятельности личности проходят под жестким контролем внутреннего мира личности, ее сознания и самосознания. Особенностью сознания является способность личности воспринимать те или иные общественные установки и делать их условием своего собственного поведения. Но при этом духовный мир личности также не является «слепком» внешних условий среды.

Не разделяя целиком такого крайнего подхода к личности, когда она, по существу, полностью отождествляется с деятельностью, следует отметить, что изучение личности путем изучения ее деятельности открывает перспективу построения социальной структуры личности по видам деятельности с последующим собиранием сведений о проявлениях личности в этих областях, сферах деятельности. Отрицательным моментом деятельностного подхода к личности является, на наш взгляд, то, что при этом появляется угроза утраты своеобразия, индивидуальности личности. Происходит как бы «растворение» личности в видах деятельности. Но в то же время деятельностный подход к построению структуры и раскрытию содержания личности дает возможность собрать объективно характеризующую ее информацию.

¹ Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. С. 25.

Несмотря на многообразие видов деятельности, совокупность которых позволяет собрать информацию о проявлениях всех свойств личности, в каждый момент мы располагаем информацией об одном или ряде видов деятельности, причем чаще всего познание личности другого человека осуществляется не непосредственно, а путем собирания и синтеза оценок, данных другими людьми. Это выдвигает задачу, с одной стороны, избрания наиболее важных видов деятельности, в которых выражалось бы основное, наиболее характерное для данной личности, и с другой – собирания информации, исходящей из разных источников, чтобы уменьшить вероятность случайных оценок.

Каковы же виды деятельности, в которых проявляются наиболее важные, сущностные свойства личности? Обращение к выяснению сфер деятельности, в которых разворачивается общественная жизнь человека, приводит нас к другой весьма большой и имеющей самостоятельное значение проблеме – проблеме образа жизни и воспитания человека. Понятие образа жизни включает в себя характеристику всей социальной действительности на уровне общества, группы и отдельного человека, это интегральная характеристика общества, его культуры. При аналитическом рассмотрении образа жизни на уровне отдельного человека представляется возможным выделить несколько наиболее существенных, основных сфер деятельности, в которых проявляются типические, общественно значимые свойства личности – ее отношение к труду, обществу, другим людям. Таких сфер можно назвать три: сфера, связанная с участием в производительном труде; сфера, связанная с участием в различных видах общественно-политической деятельности, и сфера быта, досуга или культурной деятельности и свободного времяпрепровождения, т.е. предлагается рассмотреть человека как труженика, как гражданина и как частное лицо. Именно в названных сферах деятельности выявляется общественная сущность всякой личности, проявляются ее типические черты, стороны личности.

Тесная взаимосвязь сфер деятельности личности, их взаимопереходы и взаимообусловленность указывают на необходимость собирания информации о проявлениях свойств личности во всех названных сферах. Таким образом, сферы деятельности определяют социальную структуру личности, поскольку в рассмотренных сферах выражаются основные стороны личности, проявляются ее качества и свойства. Собрав сведения об этих качествах и свойствах, мы получим объективную и всестороннюю характеристику личности.

Исследователи теории социальных ролей личности отмечают значение свойств личности в деятельности по исполнению ролей¹. Исполнение роли требует наличия в личности определенных свойств, навыков и умений. Одновременно при этом идет и обратный процесс – деятельность по исполнению роли ведет к формированию и развитию у личности необходимых для этого качеств. Не следует также забывать о том, что особенности личности в определенной мере влияют на выбор ролей. Кроме этого, даже в рамках требований надлежащего исполнения роли индивидуальные особенности личности, в частности психологические свойства, сказываются на конкретных действиях, изменяя степень их выраженности, эмоциональную окраску и т.д. Поэтому в структуре конкретной личности должна найти отражение такая ее сторона, совокупность свойств, которая обуславливает индивидуальность поведения.

В социологической структуре личности выражением индивидуальности ее поведения выступает направленность – «своеобразно переживаемое человеком избирательное отношение к действительности, влияющее на его деятельность»². Направленность обычно понимается как «стержневое», определяющее качество личности, «генерализующее начало, охватывающее все сферы, “этажи” человеческой психики – от потребностей до идеалов». Имеющая в основе своей систему ценностных ориентаций направленность является психологической категорией, поэтому ее содержательный анализ предполагает выяснение психологических свойств личности, которые объясняли бы мотивы поведения данного человека. Отсюда становится ясным, что задача всестороннего изучения личности не может быть решена без установления ее основных психологических качеств.

Главными признаками социальной деятельности личности являются ее предметный характер и активность. Активность подавляющего числа людей в нашей стране направлена на достижение социально полезных результатов. В то же время активность отдельных членов общества может носить отрицательный характер, иметь социально вредную направленность. При этом обеднение социально полезной деятельности личности нередко ведет к обеднению ее положительных связей, что может привести к росту числа связей с отрицательной направленностью. Такое явление мы, как правило, наблюдаем при анализе деятельности лиц, совершающих правонарушения.

¹ Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. С. 32; Буюева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 52, 53.

² Левитов И.Д. Психология характера. М.: Просвещение, 1969. С. 36.

О ПРОБЛЕМЕ ПРЕДЕЛА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

*(Вестник Томского государственного университета.
2014. № 385. С. 135–138)*

Человеческая личность – это настолько сложное и многостороннее явление, феномен природы и общества, что она является объектом изучения ряда наук, и в том числе философии, медицины, социологии, психологии, педагогики и правоведения. Причем каждая из названных отраслей науки изучает свой аспект человеческой личности, свою совокупность качеств и свойств этого многомерного объекта познания. В процессе же постоянного углубления познания рассматриваемого объекта появляются новые науки, научные отрасли и направления исследования.

Если философия продолжает исследовать социальную сущность человека, а антропология озабочена проблемой его происхождения, то появившаяся позднее социология делает своим предметом изучения комплекс взаимосвязей и взаимоотношений личности и общества, а политология, как наука наших дней, ищет способы направленного воздействия на человека для достижения определенных политических целей. Если в медицине хирургия по-прежнему ищет все более тонкие способы восстановления функций отдельных органов человеческого тела, а терапия устанавливает состояние внутренних органов человеческого организма и ищет новые способы и средства «налаживания» их функционирования, то медицинская психология, ставя перед собой те же цели, использует при этом не только химические препараты и физические приборы, но ищет приемы и способы непосредственного воздействия на психику человека, что привело к формированию самостоятельной дисциплины – психотерапии.

Аналогичная картина наблюдается и в других науках о человеческой личности.

Применительно к криминалистике изучение личности производится зачастую для отыскания способов и приемов воздействия на нее, а в конечном итоге для оценки личности конкретного человека, что само по себе не просто.

Представляется, что в современный период проблема личности преступника должна найти более полное и глубокое изучение как в правовой теории и законодательстве, так и в практической деятельности органов правосудия, начиная с предварительного расследования преступления и заканчивая исполнением приговора.

Все исследователи проблемы личности преступника единодушны в том, что настоящий уровень изучения личности в деятельности практических органов является неудовлетворительным. Отсюда поиски путей улучшения сложившегося положения и, в частности, разработка и внесение предложений, направленных на определение круга конкретных сведений и обстоятельств, характеризующих личность преступника.

Если проанализировать высказанные предложения, расположив их в хронологическом порядке и взяв за точку отсчета работы, опубликованные после 1958 года, т.е. после принятия Основ уголовного законодательства и судопроизводства Союза ССР и союзных республик, то можно установить главную тенденцию их развития: вначале вносились общие формулировки, затем целый ряд конкретных перечней сведений, сгруппированных по разным основаниям, и, наконец, подход к структуре личности.

Общая формулировка относительно объема изучения личности преступника содержалась в статье А. А. Любавина и Б. Л. Корсакова (одна из первых работ после известного продолжительного перерыва в исследовании данной проблемы), опубликованной в 1959 году. Их формула заканчивалась рекомендацией о необходимости суду иметь как можно более полное представление о личности виновного¹. В таком общем виде данная рекомендация «не работала», не нацеливала практику на сбор конкретных сведений о личности преступника.

Стремлением дать и руки практических работников органов следствия и суда четкие и определенные указания о том, какие именно сведения о личности преступника наиболее необходимы для решения тех или иных вопросов по делу, и одновременно наметить пределы изучения, можно объяснить предложения тех авторов, которые приводили в своих работах перечни конкретных сведений о личности преступника². В этом же плане, но применительно

¹ Корсаков Б., Любавин А. Исследование личности обвиняемого // Социалистическая законность. 1959. № 2. С. 23.

² Коришк М., Степичев С. Объем и методы изучения личности обвиняемого // Социалистическая законность. 1965. № 3. С. 43–45; Степичев С.С., Яковлев А.М. Изучение личности обвиняемого и осужденного // Вопросы методики изучения

к обвиняемым по определенной категории дел можно рассматривать предложения А.Н. Ларькова и В.Б. Ястребова по изучению личности расхитителя¹. Следует отметить, что А.Н. Ларьков уже предложил структурное строение личности расхитителя.

Более поздней является работа И.А. Матусевич, в которой принята попытка определить объем изучения личности преступника применительно к группам сведений, но, к сожалению, ничего не говорится о критерии, по которому сконструированы данные группы².

Эти предложения сохраняют свою значимость и в настоящее время, поскольку они показывают пути исследования и ориентируют практику на собирание конкретных данных о личности. Но они имеют существенный недостаток, заключающийся в том, что авторы их, как правило, идут от сведений к личности, т.е. стремятся путем перечисления конкретных сведений о личности преступника, необходимых для решения различных правовых вопросов, определить объем ее исследования, что вряд ли вообще возможно ввиду бесконечного разнообразия свойств личности и, соответственно, сведений о них. При таком подходе всегда есть опасность что-то упустить, не установить существенное обстоятельство, характерную черту, что не позволит получить при необходимости цельного представления о личности.

Представляется, что при построении классификации сведений и определении пределов изучения личности обвиняемого необходимо идти в обратном порядке, от личности к сведениям, т.е. за исходное должна быть взята личность как таковая, а собираемые сведения - характеризовать проявления ее наиболее важных, сущностных сторон. При определении направлений изучения следует использовать разработки других наук, а именно философии и социологии, об основных сферах деятельности, в которых личность проявляется той или другой своей стороной, о чем было сказано ранее. Таким обра-

и предупреждения преступлений. М., 1962. С. 59; *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. М., 1968. С. 127–128; *Хоролец В.В.* Изучение осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительно-трудовых колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1971. С. 8.

¹ *Ларьков А.Н.* Изучение личности расхитителя и предупреждение хищений на предварительном следствии и в суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. С. 12–13; *Ястребов В.Б.* Криминалистические и криминологические проблемы изучения личности обвиняемого в хищении социалистического имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 7.

² *Матусевич И.А.* Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования. Минск, 1975. С. 43.

зом, основанием классификации сведений о личности будут выступать не произвольно избранные критерии, по которым конструируются группы сведений, а объективно существующие стороны личности. Собранная применительно к этим сторонам информация даст всестороннее представление о личности.

Весьма спорное, если не неверное, решение вопроса об объеме изучения личности преступника высказывал П.П. Цветков. Он считал, что должна существовать общая классификация (перечень) сведений об обвиняемом и субклассификация для исследования личности обвиняемых, привлекаемых к уголовной ответственности за отдельные виды и составы преступлений. Общая классификация сведений, по его мнению, должна строиться исходя из структуры личности привлеченного к уголовной ответственности лица и понятия «личность обвиняемого». Структура личности понималась П.П. Цветковым как целостное образование и организация ее отдельных компонентов, находящихся во взаимосвязи между собой.

Из этого правильного в общем понимания структуры личности делался неожиданный вывод: строить структуру личности по предметам тех наук, которые занимаются в той или иной мере исследованием личности. Соответственно, классификацию признаков преступника, подлежащих исследованию и входящих в объем исследования, предлагалось строить «исходя из комплекса и системы наук общественных и наук естественно-технического цикла»¹.

Не приводя пространной аргументации несостоятельности данного вывода относительно построения структуры личности преступника и последующей классификации данных о ней, заметим, что, исходя из целостности личности, следует строить ее структуру по группам свойств, отражающих разные стороны личности, с последующим сборанием информации о проявлениях данных свойств в деятельности, а не по предметам наук. Это совсем не исключает использования при этом достижений этих наук применительно к личности преступника.

Многие авторы, приводя свои решения объема изучения личности преступника, замечают, что исчерпывающий перечень сведений в силу индивидуальности каждого человека привести невозможно. Это правильное в общем опасение не может служить препятствием для выработки общей формулировки, очерчивающей предмет изучения личности обвиняемого.

¹ Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого. Л., 1973. С. 18.

Предмет изучения личности, подобно предмету доказывания, должен иметь родовое понятие, содержащее требования по установлению обстоятельств, являющихся типичными, общими для личности всякого преступника и выраженных в обобщенных понятиях сторон личности. При изучении же личности преступника по конкретному уголовному делу этот предмет будет углубляться и индивидуализироваться, детализироваться в зависимости от данных, характеризующих проявления той или иной стороны личности. Но, во всяком случае, непременно должны быть собраны сведения о тех сторонах, которые составят содержание родового понятия предмета изучения личности.

Элементами предмета изучения личности преступника, таким образом, будут выступать стороны личности как совокупности свойств, выражающие отношения человека в соответствующей сфере деятельности. Сферы деятельности предоставляют условия и возможности, в которых с наибольшей полнотой и отчетливостью проявляется та или иная совокупность свойств, являющаяся содержанием определенной стороны личности, выражаются отношения личности к данной деятельности. Например, содержание такой стороны личности, которая выражается понятием «отношение к труду» применительно к конкретному преступнику, может включать следующие сведения: общий трудовой стаж, специальность и род занятий, выполнение непосредственных обязанностей (нормы), соблюдение трудовой дисциплины, повышение квалификации, отношение к товарищам по работе и др. Но возможна такая ситуация, когда преступником окажется учащийся или человек без определенных занятий, бродяга, тунеядец. Тогда содержание этой же стороны личности составят совсем другие данные, но и в этом случае она будет изучена и, следовательно, выяснена важнейшая характеристика личности – отношение к труду.

Положительным моментом такого решения рассматриваемого вопроса будет являться то, что при этом не окажется вне внимания и останется неизученной ни одна из сторон, включенных в содержание предмета изучения личности преступника.

Вопрос о предмете и пределах изучения личности преступника как самостоятельной правовой категории не ставился в нашей юридической литературе. Авторы, высказывавшие в той или иной связи свои соображения относительно изучения личности преступника, как правило, связывали это с содержанием общего предмета доказывания. Обычно при этом дискутировался вопрос о том, входят или

нет, а если входят, то какие именно сведения о личности преступника в предмет доказывания. П.П. Цветков вносил предложение расширить содержание общего предмета доказывания указанием на необходимость собирать доказательства установления тождества личности преступника¹. Однако это мало что добавило бы по существу к изучению личности преступника, поскольку тождество устанавливается, как правило, по чертам внешности и другим биологическим атрибутам человека, а не свойствам личности. Главным же доводом будет то, что, установив наличие названного тождества, мы выясним лишь, кто именно совершил преступление, т. е. выполним задачу первого этапа в изучении личности, в то время как за этим следует второй и более существенный этап – собирание информации, характеризующей личность, говорящей о том, каков он, субъект, совершивший преступление. Изучение личности преследует решение задачи именно второго этапа, на что данное предложение, в случае его реализации, практически не оказало бы влияния. К тому же неустановление тождества или сомнение в том, что перед судом находится не то лицо, за которое оно себя выдает, является настолько очевидным, что его можно отнести к «аксиоматическим» (по терминологии самого П.П. Цветкова), не требующим специального закрепления в законе.

Таким образом, на сегодняшний день в рассматриваемом вопросе о предмете изучения личности преступника четко вырисовываются два момента. Первый – это отмечаемая всеми исследователями-учеными и представителями практики настоятельная необходимость резкого улучшения положения с изучением личности преступника в деятельности органов следствия и суда и второй – отсутствие достаточно четкой и глубокой теоретической разработки с аргументированным и рациональным предложением о внедрении ее в практику, способной обеспечить эффективное решение вопроса.

Содержание предмета изучения личности преступника может быть представлено или в виде перечисления отдельных обстоятельств, признаков личности или в виде необходимости собирания информации об основных сторонах личности соответственно сферам ее деятельности. В первом случае, собрав сведения об указанных обстоятельствах, мы получим представление об отдельных свойствах и признаках личности, во втором – цельное представление, знание об основных сторонах личности, т.е. всестороннее пред-

¹ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 96–97.

ставление, что находится, в частности, в полном соответствии с требованием закона.

Представляется, что изучение личности преступника должно включать сведения о проявлениях личности в наиболее существенных сферах ее деятельности, отмеченных ранее, в том числе: об отношении к труду (учебе) и поведении в производственном коллективе; об общественно-политическом лице субъекта, его заслугах и провинностях перед обществом и государством; о его поведении и отношениях в семейно-бытовой сфере, культурном досуге.

Поскольку личность преступника изучается в связи с фактом совершения общественно опасного деяния, постольку не может быть оставлено вне внимания прошлое поведение лица относительно соблюдения норм, предусматривающих ответственность за различные антиобщественные проступки и преступления. Это позволяет выявить наличие (или отсутствие) антиобщественной направленности личности и судить о случайности или обусловленности, детерминированности совершения данного преступления.

Важную сторону личности составляют ее основные психологические качества: воля, темперамент, эмоциональные свойства, накладывающие отпечаток на деятельность личности во всех сферах и имеющие непосредственное значение при решении ряда правовых вопросов, в частности следственно-тактических задач и воспитательного влияния. «Психические явления, — отмечал С.Л. Рубинштейн, — органически сплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности»¹.

Поскольку к уголовной ответственности привлекается всегда конкретное лицо, поэтому необходимо знание широкого круга сведений социально-демографического характера.

Суммируя изложенные моменты, можно привести обобщенную формулировку сведений о личности преступника, подлежащих установлению:

– социально-демографические сведения;

¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. С. 311–312.

- сведения об отношении к труду (учебе); об общественно-политической деятельности, поведении в быту, проведении культурного досуга;
- сведения о наличии (или отсутствии) прошлой антиобщественной и преступной деятельности;
- сведения о темпераменте, эмоционально-волевых и других психологических качествах.

Эти сведения необходимы в объеме, обеспечивающем эффективное расследование преступления, назначение справедливой меры наказания, установление причин и условий, способствовавших совершению преступления, организацию работы по исправлению и перевоспитанию.

1954. Из студенческой жизни.
Верхний ряд: Н.Т. Ведерников третий слева

1956. Из студенческой жизни.
Н.Т. Ведерников крайний справа

1958. Из студенческой жизни.
Нижний ряд: Н.Т. Ведерников в центре

1964. Начинающий преподаватель
Н.Т. Ведерников (крайний слева) с группой студентов

1966. На демонстрации. Г.С. Ведерникова, Н.Т. Ведерников,
В.П. Бурчанинов, В.А. Елеонский

1974. Всесоюзная конференция в Алма-Ате. Н.Т. Ведерников – крайний справа,
И.Ф. Герасимов – крайний слева, Ф.В. Глазырин – в центре

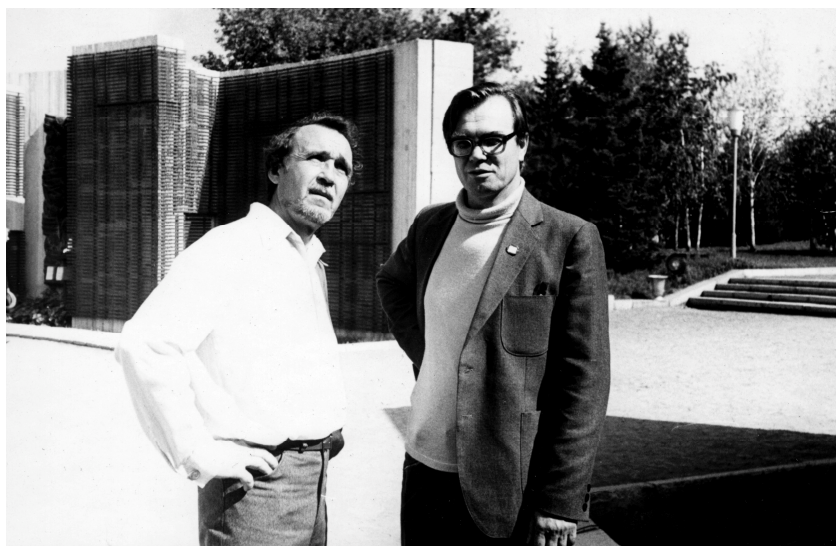
1979. На прогулке под Томском. Слева направо:
А.Н. Васильев, М.К. Свиридов, Н.Т. Ведерников

1980. Всесоюзное координационное совещание по уголовному процессу
в Воронеже. Н.Т. Ведерников (третий справа) с профессорами В.Б. Ястребовым,
В.П. Малковым, Б.Я. Галкиным

1981. На научной конференции в Киеве

1980. Н.Т. Ведерников с А.С. Бондаренко

1985. Криминалистическая лаборатория ЮФ ТГУ. Н.Т. Ведерников,
О.Н. Саушкина, А.Н. Хоменко

1998. С М.А. Митюковым в Томске

2000. На криминалистическом полигоне ЮФ ТГУ.

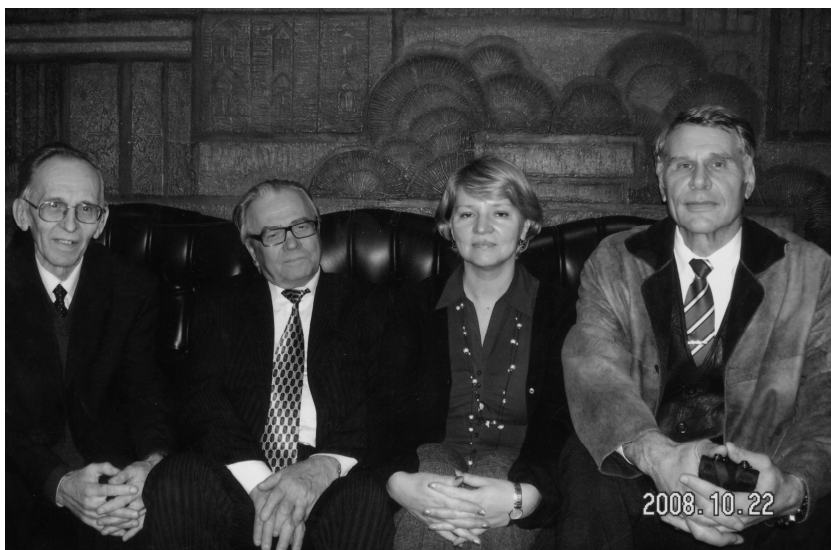
2000. С профессором В.А. Уткиным

2003. Н.Т. Ведерников – почетный профессор Томского государственного университета

2007. Н.Т. Ведерников, В.Д. Филимонов, Л.М. Прозументов

2007. С профессорами М.К. Свиридовым и В.А. Азаровым

2008. 100-летний юбилей Томского государственного университета

2008. С Н.В. Витруком

2000. На защите диссертации своего ученика Н.С. Дергача

2010. На кафедре криминалистики ЮИ ТГУ с профессором В.К. Гавло

2012. Лекция в Юридическом институте Томского государственного университета

Научное издание

ВЕДЕРНИКОВ Николай Трофимович

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том II

Редактор Н.А. Петрова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 06.11.2014.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 14,75; усл. печ. л. 13,72; уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500. Заказ № 588.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Книга отпечатана на оборудовании Издательского Дома

Томского государственного университета,

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49

<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru